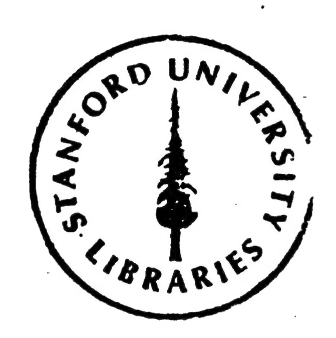

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1893.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи [1]).

Русскіе ученые охотно пользуются мѣстными названіями (городовъ, селъ, деревень) и приходятъ на основаніи ихъ къ важнымъ выводамъ относительно мѣстъ поселенія древнихъ инородческихъ племенъ.

Они не дѣлаютъ между ними различія и цѣнятъ одинаково названія совершенно отличныя другъ отъ друга по своему строенію; между тѣмъ значеніе названій для науки должно быть въ связи съ способомъ ихъ образованія.

Всѣ мѣстныя названія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, дѣлятся на двѣ группы.

Въ составъ первой изъ этихъ группъ входятъ прежде всего тѣ названія, которыя вполнѣ или почти вполнѣ тожественны по звукамъ съ названіями племенъ и которыя имѣютъ форму или единственнаго числа, какъ Чудь (Владимирск. губ., Костромск. губ.), Весь (С.-Петербургск. губ), Меря (Московск. губ.), Мещера (Нижегородск. губ., Владимирск. губ.), Мещерка (Тульск. губ.), Корелка (Тверск. губ.), Литва (Тверск. губ., Вологодск. губ.), или множественнаго числа, какъ Чуди (Новгородск. губ.), Чудки, Веси (Вологодск. губ.), Голяди (Московск. губ.), Мещеры (Тверск. губ.), Лопари (Вятск. губ.), Ляхи (Владимирск. губ.), Поляки (Смоленск. губ., Вятск. губ.), Нѣмцы (Орловск. губ.), Латыши (Смоленск. губ., Калужск. губ.). Эти названія могли произойти лишь вслѣдствіе того, что поселенія, ихъ носящія, были заняты инородцами, т. е. группами людей болѣе или менѣе отличныхъ въ этнографическомъ отношеніи отъ окрестнаго или сосѣдняго русскаго населенія. Само собою разумѣется, подобныя названія были даны поселеніямъ не ихъ основателями инородцами, а русскими сосѣдями. Древность поселеній можетъ быть различна; одни могли существовать до прихода русскихъ поселенцевъ, такъ что ихъ нынѣшнія названія не первона-

[1]) Читано на IX Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ.

чальныя; другія могли возникнуть уже тогда, когда область, гдѣ они находятся, была занята русскимъ населеніемъ. Подобныя названія имѣютъ для науки значеніе только въ томъ отношеніи, что указываютъ на бывшую нѣкогда принадлежность поселеній тѣмъ или другимъ инородцамъ. Мы не имѣемъ права дѣлать на основаніи ихъ какія-либо обобщенія. То есть, напримѣръ, на основаніи названія Меря мы можемъ заключать лишь о томъ, что село Меря, когда возникло его названіе, было населено людьми изъ племени Меря, но не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, что вся та область, въ которой находится это село, была когда-либо занята племенемъ Мерью [1])

Но не всѣ названія множественнаго числа въ родѣ приведенныхъ имѣютъ то значеніе, которое мы имъ придали. Часть ихъ могла возникнуть не отъ того, что поселенія были заняты инородцами, а отъ того, что жители ихъ, вполнѣ Русскіе, во время возникновенія названій носили прозвища Полякъ, Нѣмецъ и т. п. Сравни названія въ формѣ множ. ч.: Короли (Орловск. губ.), Шемяки, Пѣтухи (Пермск. губ.), Козарята (Владимирск.), Лаптята, Денисята (Пермск.), Боровѣчи, Дубровичи и т. п.

Къ той же первой группѣ принадлежатъ мѣстныя названія на —ское (рѣже на —скій, —ская), въ родѣ Чудско (С.-Петербургск. губ.), Чудское (Костромск.), Корельская (С.-Петерб.), Корельское (Костромской), Мещерская (Орловск.), Черемисское (Костромск.), Югорская (Вологодск.), Мордовское (Владимирск.). Ихъ происхожденіе одинаково съ происхожденіемъ выше разсмотрѣнныхъ названій и по значенію они не отличаются отъ этихъ послѣднихъ.

Вторую группу составляютъ прежде всего названія на —ово (рѣже на —овъ и —ова), въ родѣ Чудиново, Мериново, Мещериново, Козариново, Ляхово, Ляшково, Нѣмцево (Ярославск. губ.), Перминово (Вятск. губ.), Поляково, Полячково (Курск.), и близко родственныя съ ними названія на —овка, въ родѣ Литвиновка (Орловской губ.), Ляховка (Тверск. губ.), Нѣмцовка (Костромск.). Эти названія происходятъ отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ. Старая Русь употребляла въ качествѣ личныхъ именъ и прозвищъ самыя разнообразныя этнографическія названія. Памятники русской письменности древнѣйшаго періода даютъ намъ личныя имена Чудинъ, Варяжко, Ляшко, Лотышъ. Памятники XV—XVII вѣковъ имѣютъ подобныя имена въ необы-

[1]) Кто желаетъ отъ названія одного села Меря заключать, что цѣлая область была занята племенемъ Мерью, тотъ долженъ также заключать, отъ названія московской мѣстности Грузины, что вся Москва или вся Московская губ. были когда-либо заняты Грузинами! Сверхъ того, не должно забывать о частыхъ переселеніяхъ крестьянскаго населенія въ старой Руси, какъ русскаго, такъ и инородческаго.

кновенномъ обиліи и при этомъ не позволяютъ сомнѣваться, что передъ нами только личныя имена и прозвища. Такъ, мы въ нихъ встрѣчаемъ имя Козаринъ, хотя въ XV—XVII вѣкахъ народа Козаръ давно уже не существовало; или мы находимъ соединенія подобныхъ именъ въ родѣ: Русинъ да Мещеринъ Ѳедоровы дѣти Черемисинова (1568 годъ) [1]). Въ виду этого, названія въ родѣ Чудиново, Мериново указываютъ лишь на то, что основателями или собственниками поселенія были люди, носившія имена или прозвища Чудинъ, Меринъ и т. п. (иногда даже фамиліи Чудиновъ, Мериновъ и т. п.). и для исторической этнографіи лишены значенія.

Къ той же группѣ относятся названія очень близкія къ только что упомянутымъ, оканчивающіяся на —ино (рѣже на —инъ, —ина), въ родѣ Мещерино, Корелино, Печорино, Ясино (Ярославской губ.), Козарино (Смоленск., Тульск.), Литвино (Тверск.). Эти названія произошли черезъ сокращеніе изъ названій на —иново, т. е. Мещерино произошло изъ Мещериново, точно также какъ фамиліи Мещеринъ, Корелинъ Куманинъ, Весинъ, Болховитинъ, Моршанинъ произошли изъ фамилій Мещериновъ и т. п.

Происхожденіе мѣстныхъ названій на —ово и —ино отъ личныхъ именъ и прозвищъ вполнѣ объясняетъ намъ, почему въ одной и той же мѣстности находятся поселенія съ самыми разнообразными названіями, напримѣръ, почему въ Ярославской губ. мы находимъ названія Чудиново, Мериново Мещерино, Печерино, Муромцево, Голятино, Корелино, Прусово, Козариново, Хопылево, Ясино, Ляхово, Нѣмцево, или въ Тверской губ. Чудиново, Мериново, Прусово, Латыгорево, Литвино, Ляхово, Нѣмцево; оно же намъ объясняетъ, почему въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ находятся поселенія съ одними и тѣми же или съ очень сходными названіями.

А. Соболевскій.

---

1) Акты Юридическіе, стр. 26.

Древнѣйшія русскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя.[1])

Всѣ дошедшія до насъ по памятникамъ народныя русскія личныя имена можно раздѣлить на три слѣдующія группы:

I. Древнѣйшія сложныя двуосновныя имена, какъ Святославъ, Мирославъ, Доможиръ, Милонѣгъ, Всеволодъ и т. п. съ ихъ уменьшительными, бывшія въ большомъ употребленіи до XIV в. включительно, позже этого времени встрѣчающіяся въ очень ограниченномъ количествѣ.

II. Позднѣйшія сложныя имена, какъ: а) Грибоѣдъ, Обернибѣсъ, Волосомоя и т. п., б) Умойся-грязью, Пролей-брагу и т. п. (ближайшіе родственники гоголевскихъ Держи-морда, Неуважай-корыто и т. п.), особенно распространенныя въ XVI и XVII вв., но встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ очень рано. Сравн. а) Тупочелъ, тіунъ 1163 г., Древн. пам. русс. письма и яз. б) Положи-шило, 1257 г. Ипат. сп. л.

III. Несложныя имена, взятыя изъ среды нарицательныхъ и вполнѣ тожественныя съ ними, какъ Кожухъ, Носъ, Рычагъ, Морозъ, Туча, Истлѣнье, Кошка, Упырь, Козаринъ, Первуня, Вторышка и т. п.

Имена II и III группы, не сдерживаемыя никакими границами, не поддаются исчисленію. Они нарождались чуть-ли не съ рожденіемъ новаго человѣка по произволу фантазіи виновниковъ ихъ нареченія. Относительно-же одной III группы можно сказать, что ихъ было или, вѣрнѣе, могло быть столько, сколько понятій въ языкѣ. И тѣ и другія легко могутъ быть объясняемы изъ современнаго имъ языка. Наоборотъ, изъ именъ I группы можно составить, такъ сказать, языческія святцы. Прихоть фантазіи имѣла въ созданіи ихъ сравнительно мало значенія. Это—рядъ древнѣйшихъ основъ, иногда со-

---

[1]) Матеріалъ для этой статьи взятъ изъ лѣтописей, актовъ и друг. памятниковъ др.-русскаго языка. Пособіями были:

Aug. Fick. „Die griechischen Personennamen". Göttingen 1874.

Ad. Bezzenberger. „Die Bildung d. altpreuss. Personennamen" (Altpreuss. Monatschrift. 13. 1876).

П. И. Прейсъ. Принадлежащее М. С. Куторѣ, рукописное собраніе именъ славянскихъ и литовскихъ, полученное мною отъ В. И. Ламанскаго.

F. Miklosich. „Die Bildung d. Slavischen Personennamen" (въ Denkschr d. kaiserl. Ak. d. Wissensch. philosoph.-histor. classe B. X. Wien 1860).

М. Морошкинъ. „Славянскій именословъ". Спб. 1867.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. „О древне-польск. яз.". Лейпцигъ 1870.

T. Maretič. „O narodnim imenima i prezimenima u Srba i Hrvata". U Zagrebu 1886.

С. Новаковић. „Српски поменици XV—XVIII в." у Београду 1875.

Н. Барсовъ. „Матерьялы для историко-географическаго словаря древ. Руси до XIV в. включительно" (откуда взято не болѣе двухъ-трехъ названій).

вершенно необъяснимаго значенія, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Въ историческое время или, точнѣе, въ эпоху древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ онѣ (по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ) несомнѣнно употреблялись только по преданію. Судя по правописанію лѣтописи и др. памятниковъ, онѣ въ то время понимались не болѣе чѣмъ теперь. Такъ въ пам. имѣемъ: Володимиръ, —меръ, —мѣръ; Изяславъ, Изо—, Ижо — Ижа— (Изъ-болкъ, м. б. полкъ?) Жидиславъ, Жидь—, Жидо—, (чеш. Zdimir=Жьдимиръ); Ратьмиръ, Рати—, Радьславъ, Радо—, Рати—; Сбыславъ, Избы—; Милонѣгъ, Миро—; Мстиславъ, Мьсти—, Мѣсти—, но Мьстьбогъ; Вячьславъ, Вяче—, Вят— (срвн. уменьшит. Вят-ко, назв. племени Вят-ичи); Доможиръ, Доми—, (чеш. Domyslav); Твердиславъ, Твердо—, и т. д., не говоря уже о такихъ искаженіяхъ, какъ Тонигліевичъ и Тонильевичъ изъ Толигнѣвичъ (см. лѣт. 1282 г.). Т. о. эти имена столь же разнообразно передаются въ памятникахъ, какъ какое-нибудь скандинавское, напр., Swenheld (Swanhildr) въ лѣтописи Свеньлдъ, Свѣнальдъ, Свѣньгельдъ, Свѣндельдъ, Свѣнтелдъ. Если сравнить русскія имена съ подобными же у другихъ славянъ, то неопредѣленность пониманія и передачи ихъ буквами бросается въ глаза еще болѣе. Сравн. сербск. Миросав и Мирисав, Милосав, Милисав и Мильман; др.-польск. Bolesław и Bolisław, Bogdan, Bogodan и Bogudan.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе безразличность конечной гласной первой части двуосновнаго имени. Это, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о незначительности ея роли въ сложныхъ именахъ. Объяснять это можно также тѣмъ еще, что она, вѣроятно, находилась внѣ ударенія.

Желаніе истолковать то или другое древнее имя, сообщить ему болѣе ясный смыслъ могло побудить лицъ, занесшихъ ихъ въ тѣ памятники, откуда мы ихъ извлекаемъ, дать первымъ основамъ ихъ ту или иную падежную форму, какъ, напр., род. пад. въ словѣ Доманѣгъ, которое т. о. получало смыслъ «дома нѣжащійся». Заключать изъ того, что первыя части нѣкоторыхъ сложныхъ именъ имѣютъ въ памятникахъ падежную форму, о именномъ значеніи ихъ и вообще составныхъ частей полныхъ именъ, какъ дѣлаетъ Остгофъ въ своей книгѣ: «Das Verbum in d. Nominal-composition» во всякомъ случаѣ не менѣе рисковано, чѣмъ приписывать глагольное значеніе первымъ частямъ такихъ именъ, какъ Мстиславъ, Держикрай, Бориславъ и т. п., основываясь на современномъ пониманіи ихъ.

Такія имена—наслѣдство отъ глубокой древности. Авг. Фикъ въ своей книгѣ «Die Griechisch Personennamen» прекрасно показалъ тѣсное родство подобныхъ полныхъ именъ (vollnamen) и ихъ уменьшительныхъ (kosenamen) у народовъ индо-европейской семьи.

Его изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ уже раньше явившуюся у меня

догадку, что кругъ именъ (двуосновныхъ) выработался еще въ эпоху обще-индоевропейскаго языка [1]) и затѣмъ уже, переходя въ отдѣльныя племена, эти имена получили дальнѣйшее, въ каждомъ племени своеобразное развитіе. Такъ въ одномъ случаѣ уцѣлѣли въ памяти отдѣльнаго племени только понятія, выраженныя въ полномъ двуосновномъ имени, въ другомъ—и самые звуки, принявшіе только характеръ, соотвѣтствующій законамъ языка этого племени. Хорошій примѣръ даетъ древне-греческое имя Ἱερο-κλῆς, въ первой своей части отвѣчающее только понятію, выраженному въ пра-языковомъ имени, во второй—даже звукамъ. Праязыковое имя должно было звучать Ḳvanta-Ḳravas. Срвн. санскр. Çvanta-çravas, зенд. çpenta-çravas. старо-слав. Свѧтославъ. Но возможны и такіе случаи, что въ памяти отдѣльнаго племени индоевропейской семьи по чему-либо сохранились одни только звуки имени, значеніе же ихъ было забыто.

Это произошло, напр., съ основою, принадлежащею общеиндоевропейскому языку Mara (=leuchtend, berühmt см. Фикъ, стр. CCXVI). Въ герман. яз. она сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ, напр. въ Walde-mar, Mar-ulf, Wolf-mar (см. Фикъ, Die griech. Personennamen, главу объ именахъ германскихъ общихъ съ слав.) или въ нѣсколько измѣненномъ, какъ напр. въ Rati-mer и т. п. (см. тамъ же). Въ кельтскомъ яз. эта основа обыкновенно встрѣчается въ чистомъ видѣ, какъ напр. въ имени Indutio-marus и т. п. (см. у Фика главу «Namensystem d. celtisch. Sprache»). Ту же основу мы находимъ въ древн.-прусск. именахъ въ родѣ Mane-mer, Na-mir, Wissa-miere или Wisse-mire. (см. ст. Bezzenberger'a въ Altpreuss. Monatschs. b. 13). Въ славян. яз. она звучитъ обыкновенно мир— или мѣр— *). Здѣсь она была смѣшана съ основой миръ=pax. Это тѣмъ легче могло произойти, что послѣднее миръ (=pax) замѣнило собою въ нѣкоторыхъ именахъ (какъ напр., можетъ быть, въ русск. Мирославъ, Миролюбъ, въ сербск. Миросав Лубомир, и т. п.) забытую составную часть сложнаго личнаго имени общеиндоевропейскаго языка, выражавшую то же понятіе и замѣненную въ германск. яз. словомъ Frid (напр. въ Fridu-liuba, Liub-frid), въ древне-греч. словомъ Εἰρηνη (напр. въ Εἰρηνο-κλῆς). Т. о. относительно др.-русскихъ именъ въ родѣ Володиміръ (Володимѣръ,—меръ), Ратьміръ,—мѣръ и т. п. можно съ увѣренностью утверждать, что они у насъ всегда употреблялись только по преданію и что встрѣчающаяся въ нихъ основа мир—, мѣр—, мер— для русскихъ была мертва, была только звуками безъ значенія, донесшимися изъ далекой прародины. Для сохраненія своего первоначальнаго значенія она не нашла себѣ въ русск. яз. поддержки среди нарица-

---

1) Срвн. Фикъ, «Die griech. Personennamen», стр. LXIV.

*) Въ яз. поморскихъ славянъ звучала также mar, напр., въ Kazi-mar, Vis-mar (изъ собран. П. И. Прейса), въ сербск. яз. (см. срп. пам. Новаковича) встрѣчается имя Марисав, (у Даничича) Видмар и т. п.

тельныхъ [1]). Всякій могъ сопоставлять ее съ чѣмъ-угодно и сообразно съ этимъ давать ей то или другое правописаніе [2]). Двуосновныя личныя имена еще въ общеиндоевропейскомъ яз. укорочивались и снабжались уменьшительными суффиксами, какъ это показалъ Авг. Фикъ въ своемъ изслѣдованіи о греч. личныхъ именахъ.

---

[1]) Возможно, впрочемъ, что миръ=pax, а также и міръ=mundus, восходятъ къ одной праязыковой основѣ mara. Ср. слова А. Будиловича въ кн. «Первобытные славяне», гл. VII, § 146. Для нашей цѣли важно прежде всего то, что мир— въ русскихъ именахъ уже не имѣло своего первоначальнаго значенія, а лишь прислонялось то къ миръ, то къ міръ, а то и къ мѣра.

[2]) Позволяю себѣ привести еще нѣсколько примѣровъ сопоставленія русскихъ двуосновныхъ личныхъ именъ съ такими же въ другихъ языкахъ индоевропейской семьи, ограничиваясь только самыми надежными.

1. Рус. и общеславянскому Богъданъ соотвѣтствуютъ въ санскр. Bhaga—datta въ древне-пруссск. Bagi-dotte, Bag-doths. Греческ. Θεο-δοτος, считаемое обыкновенно оригиналомъ, съ котораго будто бы переведено въ позднѣйшее время русское Богданъ, соотвѣтствуетъ санскритскому Deva-datta, по значенію же вполнѣ примыкаетъ къ нашему Богданъ. Первую основу бог—мы находимъ также и въ эран. яз. въ видѣ Baga, сравн. др. персид. Baga-bukhsa. Въ общеиндоевропейскомъ языкѣ первая основа имени Бог-данъ звучала Bhaga.

2. Рус. и общеслав. Будимиръ. Для первой его основы находимъ соотвѣтствующія въ санскр. Buddhi-vara, Bodhi-dhana и т. п., въ греч. Πυθ-αγόρας, Πυθῶνα,—въ древне-нѣм. Bod-rad, Rad-bod, Baude-gund, Gunde-baud и т. п., въ др. пруссск. Bu d-riek, сравн. литовск. Bud-rys. Въ общеиндоевр. яз. она звучала Budh. соотвѣтствующія его второй основѣ находимъ въ галл. Indutio-marus, Nerto-marus и т. п., уменьшит. Maro, Mariccus; въ др. нѣм. Mar-ulf, Wolf-mar, Wini-mar, Walko-mar, Rati-mer уменьшит. готскомъ Merila; въ др.-прусс. Wissa-meire, Reddi-mir, Mancmer, и т. п., уменьшит. Merike, Merun, Mirkotha. Въ общеевропейск. яз. эта основа звучала Mara.

3. Рус. и общесл. Володимиръ для своей первой основы находитъ соотвѣтствіе въ др.—нѣм. Waldi-frid, Frido-ald, Wald-gar, Garo-ald и т. п.; въ др. прусс. Na-walde, Waldow. Общая основа, изъ которой развились приведенныя слав., герм. и литовск. формы звучала Valdh. Вторая основа въ имени Володимиръ разсмотрѣна подъ 2. Полное соотвѣтствіе находимъ въ др.-нѣм. Walde-mar.

4. Рус. и общеслав. Всe-славъ. Для первой основы имѣетъ соотвѣтствующія въ санскр. Viçva-manas, Viçva-mitra и т. п.; въ зендск. Viçpa-taurva и т. п.; въ др.-прусс. Wissa-meire, Wisse-bar и т. п.. Въ общеиндоевроп. яз. эта основа звучала Vikva или Vika. Для второй основы находимъ соотвѣтствіе въ санскр. Deva-çravas, Suçravas и др.; въ зендск. Bûji-çravañh, Hu-çravañh; въ греч. Κλεί-θεμις и Θεμιστο-κλῆς; и т. п.; отчасти въ др.-нѣм. Hlud-ulf, Hlud-wig, Hlud-rich, кимрск. Clot-rix, галл. Clut-amus, въ которыхъ Hlud—и Clot—соотвѣтствуютъ санскр.—Çruta (въ Çruta-çravas) и греч. κλυτο—(въ Θεο-κλυτος, Κλυται-μνήστρα). Общеиндоевр. основа—Kravas, корень kru.—Въ греч. Παγ-κλῆς и Πασι-κλῆς опять видимъ соотвѣтствіе по звукамъ во второй основѣ и лишь по значенію въ первой русскому Все-славъ.

5. Рус. и общеслав. Городи-славъ для первой основы имѣетъ соотвѣтствующія въ др.-нѣм. Garde-frid, Fridu-gart- Garde-berht и т. п.; въ др.-прусс. Gardo-aetes, Minegarde. Общая основа для яз. слав., герм. и литов. звучала Gharda. Вторая основа имени Городиславъ разсмотрѣна подъ 4.

6. Госто-мыслъ, русское, но возможное по своимъ основамъ и для др.-слав. яз. находитъ для своей первой основы соотвѣтствіе въ др.-нѣм. Gast-hart, Gast-rad, Mil-gast, Radgast и т. п.; въ др.-прусс. Gast-art, уменьшит. gastaне; въ лат. Hostus, Host-ilius. Въ

Уменьшительныя къ полнымъ именамъ во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ по Фику образовались трояко:

I. Сохранилась первая часть двуосновнаго личнаго имени и начальный звукъ второй; напр. къ древне-греч. Νικο-μήδης уменьшительное Νικο-μ-ας (Fick, V; подобные же примѣры на стр. XV—XVII).

II. Сохранялась только первая часть двуосновнаго имени: Νικο-μήδης— Νικ-εύς, Νικ-ις, Νικ-ίας, Νίκ-ιλλος т. д. (Fick V; подобн. прим. на стр. XVII—LVI).

II. Сохранялась только вторая часть двуосновнаго имени:

Ευρυ-κρέων—Κρέων,
Ευρυ-δαμας—Δάμας и т. д.

(Fick, V; подобн. прим. на стр. LVI—LIX).

общеевроп. яз. эта основа звучала ghasti. Для второй основы находимъ соотвѣтствіе въ др.-прусс. Musli-gente, Ouey-musle и т. п., Общая для слав. и литов. яз. основа была Musli. Въ греч. находимъ полное соотвѣтствіе русскому Госто-мыслъ, но только по значенію, а не по звукамъ въ имени Ξενο-μήδης.

7. Долго-мѣръ, былинное имя. По первой основѣ ему соотвѣтствуютъ въ санскр. Dirgha-bahu, Dirgha-çravas (собств.—Долго-славъ) и т. п.; въ греч. Δολιχ-αων и др.; въ др.-прусс. Ston-ilge. Общеиндоевроп. основа была Dargha. Вторая основа таже, что и въ Будимиръ см. 2.

8. Рус. и общесл. Дорогомилъ. Его первой основѣ находимъ соотвѣтствіе въ др.-прусс. Sway-darge, Wysse-darge, уменьшит. Dargil, Dargotte. Общеславяно-литовская основа была Darga. Для второй основы—въ др.-нѣм. Mil-gard, Mil-rât, др.-скандин. Mild-rîdhr; въ др.-прусс. Mila-gids, Miligaude, Munthemil и др. Общеевропейск. основа—Milta или Mila.

9. Люд-гость, имя возможное по основамъ кромѣ русс. и въ другихъ слав. яз. Для первой его основы имѣемъ соотвѣтствіе въ др.-нѣм. Leud bald, Liut-brand, Leudo-mar и др. Общая славяно-германская основа была Laudha. Вторая основа разсмотрѣна подъ 6.

10. Мути-жиръ, имя возможное и въ другихъ слав. яз. Его первой основѣ находимъ соотвѣтствіе въ санскр. Pra-mantha, уменьшит. Manthaka; въ др.-прусс. Monte-mini, Munthe-mil, Wisse-mante и др. Въ общеиндоевроп. яз. эта основа звучала Manth. Для второй основы—въ галл. Viro-manus, Viro-marus, Virido-manus (кимр. корень gwyr) Общеиндоевроп. форма ея была gira.

11. Остромиръ, имя возможное и въ друг. слав. языкахъ. Для его первой основы находимъ соотвѣтствіе въ греч. Ἀκρό-δημος, Φάλ-ακρος и др. Общеиндоевроп. форма ея Ak̦ra. Вторая основа разсмотрѣна подъ 2.

12. Радославъ, русское и общеслав. Для первой его основы находимъ соотвѣтствіе въ санскр. Su-radhas; въ др.-нѣм. Rad-bald, Rad-gast, Bern-rad, и др.; въ др.-прусс. уменьшит. Rodele (?). Въ общеиндоевроп. яз. она звучала Radhas. Вторая основа разсмотрѣна подъ 4.

13. Стани-миръ,—славъ, русск. и общеслав. Для его первой основы имѣемъ соотвѣтствіе въ др.-прусс. Stan-gaw, Stan-keyte. срвн. греч. Στησι-κλῆς.

Общая основа Sta̦n.

Довольствуясь лишь этими сопоставленіями мы уже можемъ возстановить праязыковую внѣшность нѣсколькихъ русскихъ именъ. Такъ наше Богу-славъ въ общеиндоевроп. яз. звучало Bhaga-k̦ravas, Вьсе-славъ—Vik̦a-k̦ravas, Жиро-славъ—Gira-k̦ravas, Мути-жиръ—Mantha-giras, Радо-славъ Rädha-k̦ravas, Святъ-славъ K̦vanta-k̦ravas.

Маретичъ въ своемъ изслѣдованіи «O narodnim imenima i prezimenima u hrvata i srba» (Загребъ, 1886) находитъ въ хорв.-сербскомъ яз. очень мало уменьшительныхъ, соотвѣтствующихъ типу уменьшительныхъ I-ой группы Фика. Это, по Маретичу, Budi-m отъ сложнаго имени Budi-mir, Seli-m-a (женск.) при полномъ муж. Deli-mir, Soma-g (только въ мѣстномъ названіи Domagović) отъ полнаго Domagoj, Dobro-s, Rado-s, Hrani-s Vladi-s (староболг. Bori-s) [1])—отъ полныхъ Dobro-slav, Radoslav, Hranislav, Vladislav, Borislav.

Въ русскомъ яз. мы имѣемъ немного болѣе подобныхъ уменьшительныхъ, но за то имѣемъ— хотя и не особенно надежныя—историческія доказательства соотвѣтствія ихъ полнымъ, подтверждающія любопытную догадку Маретича, подсказанную ему Фикомъ.

Именно, въ Ипат. сп. лѣтописи подъ 1152 г. на стр. 312 (по изд. Археограф. Комм.) читаемъ: «Изяславъ посла Петра Борисовича» а на стр. 318: «Изяславъ посла Петра Бориславича съ крестными грамотами къ Володимеру Галичкому».

Въ Лаврент. сп. лѣтописи подъ 1043 г. для отчества Творимиричь находимъ варіантъ Творимичь (см. изд. Археогр. Комм.).

Кромѣ того, мы находимъ въ лѣтописи какъ личныя имена: Радимъ (миеич. родоначальникъ племени Радимичей; ср. древне-польск. Radim—личное имя и Radim—названіе мѣстности) и Вадимъ (новгородецъ, въ Никон. сп. лѣтописи подъ 864 г.),которыя можно считать уменьшительными къ не встрѣчающимся въ памятникахъ русскимъ полнымъ именамъ Ради-миръ (но ср. Радьславъ, древне-польск. Radzislav, чеш. Radimir, древне-прусск. Reddimir, хорват. Radimir) Вади-миръ (ср. чеш. Vadislav, др.-польск. уменьшительныя Wad, Wadoch, др.-прусск. уменьш. Wadol, Wodune).

Ср. при существующемъ въ памятн. русскомъ полномъ имени Ратимиръ, Ратьмиръ уменьшительное Ратимъ въ фамиліи современнаго хирурга Ратим-овъ.

Въ Акт. юж. и зап. Россіи мы находимъ личное имя Путимецъ (1649 г.), которое—ничто иное, какъ уменьшительное отъ уменьшительнаго

---

[1]) Ср. древне-польское имя Боримъ, вѣроятное уменьшительное I-й группы къ несуществующему въ др.-польск., но вполнѣ возможному полному имени *Бори*-миръ или *Бори*-мыслъ и т. п. Т. о. Бори-с-ъ, Бори-славъ=Бори-м-ъ, Бори-миръ. Если же считать Борисъ сокращеннымъ будто бы тюркскимъ именемъ Богорисъ, то какъ тогда объяснить форму Боримъ или изъ какихъ тюркскихъ или др. словъ объяснить однородныя по формѣ и окончанію съ Борисъ имена Hranis, Vladis и т. п.

Путимъ [1]), соотвѣтствующаго недошедшему до насъ сложному Пути-миръ или Пути-мыслъ. Ср. сербск. Будимка при Будим отъ Будимир.

Въ Полн, Собр. лѣт. тт. I. 63, V. 134, IX. 77, упоминается рѣка [2]) въ полоцкой области Судомирь, Судъмѣрь, Судмирь или Судомь, Судимь. Послѣднія два варіанта наименованія одной и той же рѣки очевидно не что иное, какъ прилагательныя отъ имени Судимъ или Судомъ, уменьшительнаго къ Судимиръ или Судомиръ, отъ котораго произведены прилагательныя притяжательныя Судомирь и т. д. для названія данной рѣки.

Встрѣчаемое въ лѣтоп. названіе города Житомель (Совр. Житомиръ) не должно ли писаться Житомль и производиться отъ уменьшительнаго личнаго имени Житомъ, вполнѣ соотвѣтствующаго полному имени Жито-миръ, отъ котораго произведено прилагательное притяжательное Житомирь, вѣроятно употреблявшееся какъ наименованіе того же города параллельно съ прилаг., произведеннымъ отъ уменьшительной формы—Житомль. Въ соврем. языкѣ мы вполнѣ естественно имѣемъ Житомиръ вмѣсто ожидаемаго древняго Житомирь, какъ Владимиръ вм. древняго Володимирь (городъ). Личное имя Житомиръ не встрѣчается въ русск. памятн., но было у хорватовъ—Žitomir (см. Маретичъ, стр. 55). Та же основа по свидѣтельству Бецценбергера (Altpreuss Monatschr. 6. 13) находится въ древне-прусскихъ именахъ Dars-gaito, Poko-geyten, къ которымъ можно прибавить изъ собранія П. И. Прейса—Mintegeiten.

Подобныя же уменьшительныя легко извлекаются изъ слѣдующихъ мѣстныхъ названій: *Хвалим*ичи, село кіев. обл. (срвн. др.-польск. Falimir, хорв. Hvalimir), совр. Фалемичи, *Любом*ль, гор. въ волын. обл. (Полн. собр. лѣт. II. 214—219), совр. Любомль, мѣстечко (ср. фамилію Любомирскій, сербск. имя Лубомир), Тихомль и *Тѣхом*ль, (1152, 1153 гг.), г. въ вол. обл., совр. Тихомель (срвн. др.-польск. Cechoslav, хорв. Tjehomil, Tihomir [3]), *Сѣтомль*, (1036 г.), рѣка въ кіев. обл. (срвн. др. польск. Setêj, Setech—уменьшит. отъ той же основы, слов. Siecie-gniew, древн.-прусск. Boy-sithe, Poy-site, *Людим*льскъ, гор. (см. Собр. Государств. Гр. и Дог.), въ др.-польскомъ для котораго находимъ жен. имя Ludimila, въ чеш. Lidimir, Ludomir, въ хорв.

---

[1]) Ср. варіантъ названія города Путивля—Путимль, (П. С. Л. IX, 170), т. е. прилагат. отъ Путимъ (Путим+j) какъ Ярославль отъ Ярославъ (Ярослав+j)

[2]) Указаны варіанты Н. Барсовымъ въ его книгѣ «Матерьялы для историко-географ. словаря».

[3]) Что имя Тихомиръ или Тѣхомиръ не есть позднѣйшій простой переводъ христіанскаго имени Климентъ (какъ указыв. Морошкинъ «Слав.именослв.» стр. 10), а древнее народное имя, видно также изъ того, что его первая половина Тѣхо или Тихо является, какъ вторая часть безусловно древняго народнаго имени Вои-тѣхъ или Воитихъ (въ лѣтописи одно и то же лицо).

Ludemisal). Всѣ вышеприведенныя имена на —мъ должны соотвѣтствовать полнымъ (со второю частью, начинающеюся со звука м, какъ напр., миръ, мыслъ, милъ) уже потому только, что въ противномъ случаѣ они не имѣли бы никакого смысла. Если и возможно еще кое-какъ сопоставлять съ глаголами нѣкоторыя изъ нихъ (Радимъ—съ радити, Творимъ—съ творити и. т. п.), то все таки остается безъ объясненія въ такомъ случаѣ большинство ихъ, какъ, напр., Любомъ, Людимъ, Тихомъ и т. п. Употребляемое и въ наше время имя Любимъ (встрѣч. уже въ русс. памятн. XV, XVI вв.) вѣроятно было не переводомъ христіанскаго греческаго Агапитъ, а, вполнѣ уже готовое славянское, было только приноровленно къ нему, какъ и многія другія имена. Срвн. чеш. Liubimir 1130 г., хорв. Lubimir.

Уменьшительныхъ въ родѣ Борисъ, т. е. соотвѣствующихъ такимъ полнымъ именамъ, у которыхъ вторая часть начинается со звука *с*, напр. —славъ, въ русскихъ памятн. почти не встрѣчается. Можно указать только довольно темное названіе урочища въ новг. области (1136 г.) Водосъ (сопоставляя его съ полнымъ им. Водиславъ), названіе урочища близъ Кіева (1111 — 1146 г.), Радосынь, прилагат. притяжательное отъ личнаго имени Радо—с—ынъ, личное имя Драго—с—инъ въ Архив. кн. Сангуш. (1424 г.); (срвн. приводимыя Маретичемъ на стр. 59 хорв. Rado—s—in, Brato—s—in, Drago—s—in, уменьшительныя, по мнѣнію Маретича, къ полнымъ Rado—slaw и т. д.). Но въ др. польск. мы находимъ значительное количество подобныхъ именъ, напр. Skoros при Skoro—sław, Dobros при Dobro-sław и т. д.

Соотвѣтственно приводимому Маретичемъ уменьшительному Doma—g (отъ Doma—goj) могу указать названіе мѣстности Радоговичи, которое можно произвести отъ Радо—гъ, уменьшит. къ Радо—гость (встрѣчается въ назв. мѣстн. Радогощь).

Ко всѣмъ этимъ примѣрамъ, соотвѣтствующимъ приведеннымъ Маретичемъ, можно прибавить еще нѣсколько отъ другихъ основъ. Одинъ изъ Новгор. посадниковъ (1177, 1185 гг.) является въ памятн. подъ именами Миро—нѣгъ, Миронъ, Мироней и даже Мирошка. Можно не колеблясь принимать имя Миро—нъ за уменьшит. къ Миро—нѣгъ, впослѣдствіи отожествленное съ именемъ христіанскаго святого Миронiй. Въ древне-польск. яз. мы находимъ, кромѣ тожественнаго съ русс. именемъ Miro—n, Miro—neg, подобныя же имена на —on отъ другихъ первыхъ основъ, какъ, напр., Milo—n (срвн. др.-русс. Мило—нѣгъ), Ziro—n и т. п., что подтверждаетъ мою мысль. То же самое надо сказать и объ имени Радоній, приводимомъ въ Никон. и Воскрес. сп. лѣт. подъ 1086—87 гг. Срвн. въ Лавр. сп. лѣт. то же лицо—Радъко, въ Ипат., Соф. I и Твер. Радко (отрокъ). Въ указа-

теляхъ къ лѣтоп. совершенно напрасно объясняютъ эти имена, какъ уменшит. къ церковному Иродіонъ. На самомъ дѣлѣ это уменьшительное къ полному Радо—нѣгъ (сохранилось въ назв. мѣстн. Радонѣжь), измѣнившееся изъ первоначальнаго Радо—нъ (срвн. др.-польск. Rado—n) въ Радоній, какъ и вышеприведенное Миро—нъ въ Мироней, въ подражаніе церковнымъ именамъ, въ большомъ количествѣ случаевъ имѣющимъ окончаніе —ій (для приданія ему христіанскаго характера). Подобнымъ же образомъ совершенно по тѣмъ-же причинамъ въ другомъ мѣстѣ лѣтописи древнее Святославъ обратилось въ Святославій, Воинъ—въ Воиній (Соф. I. 1327 г.), Данило—въ Данилей (Лавр. сп. лѣт. 1266 г.) и. т. п. Срвн. былинныя формы «у Буславья», «Буславъ Сеславьевичъ», «Буславьюшко» и т. п. (напр. въ 186 б. у Гильфердинга). Хорошій примѣръ присоединенія окончанія —ій къ такимъ именамъ, которыя его никогда не имѣли, и въ наше время, примѣръ, прекрасно иллюстрирующій мое объясненіе, находимъ въ разсказѣ А. Чехова «Канитель» (см. «Пестрые разсказы» А. Чехова). Названія городовъ древняго Теребовль (лѣт. 1097, 1153 гг. въ волын. обл.) и древняго и современнаго Путивль (въ сѣверск. обл.) объясняются также какъ прилагательныя притяжательныя отъ уменьшит. личныхъ именъ этой же группы. Какъ назв. гор. Ярославль произошло отъ личнаго имени русскаго князя Ярославъ, такъ Путивль произошло отъ Пути—въ, уменьшительнаго къ двуосновному Пути—володъ или Пути—вой или Пути—витъ и т. п., а Теребовль—отъ Теребо—въ, уменьшит. къ Теребо—володъ и т. п. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ ни одного изъ этихъ полныхъ именъ ни въ русск. ни въ прочихъ славянскихъ яз. Но что такія имена вполнѣ возможны, существовали, но не дошли до насъ, показываютъ дошедшія до насъ др.-польск. имена Trebesław, Trebemysł, Trebomysł, уменьш. Trebina, (Бодуэнъ д. Курт.)—поморск. Trebeslav, Trebemir, чеш. уменьш. Trebata морошк., хорв. Putislav (Маретичъ), др.-русс. уменьшит. Путята, Путило, Путьша, Путимецъ. Въ нихъ находимъ мы первую основу предполагаемыхъ полныхъ Теребо—володъ, Пути—вой и т. п., для второй части которыхъ мы имѣемъ достаточно основъ начинающихся со звука *в* въ другихъ именахъ. Въ словарѣ др.-польскихъ именъ Бодуэна-де-Куртенэ («О др.-польск. яз.») встрѣчается недурное подтвержденіе моей догадки подъ словомъ сѫдовль=Sądovel, назв. мѣстн., для котораго онъ приводитъ варіанты Zadovel 1202 и Sandewalde изъ Regesten zur Schlesischen Geschichte Namens des Vereins für Gesch. u. Alterth. Schlesiens herausgeg. v. Dr. Grünhagen (Breslau 1866—67). Изъ этого примѣра мы видимъ, что сѫдовль, прилаг. притяжат. отъ личн. имени сѫдо—въ, уменьш. къ сѫдъ—володъ и что одна и та же мѣстность была извѣстна подъ двумя названіями, произведен-

ными отъ полнаго и отъ уменьш. имени одного и того же человѣка. Срвн. выше разсмотрѣнныя Житомирь и Житомль, Судъмирь и Судомль.

Въ лѣтоп. (Полн. собр. IX, 170) для города Путивль мы имѣемъ еще варіантъ Путимль, отмѣченный П. И. Прейсомъ и Н. Барсовымъ. Это вѣроятно замѣна сдѣлавшагося непонятнымъ и рѣдкаго по образованію названія Путивль другимъ, хотя почти столь же непонятнымъ, но аналогичнымъ съ большимъ сравнительно количествомъ названій мѣстностей на —мль, др.-польск. —m', какъ Любомль, Radom'. Подъ вліяніемъ той же аналогіи не имѣющее ничего общаго съ др.-русс. именами названіе города Муромъ (финск. происхожд.) въ народномъ яз. обратилось въ Муромль (см. въ былинахъ «изъ города Муромля»). Вполнѣ вѣроятнымъ мнѣ кажется также объясненіе встрѣчающагося въ Писцовыхъ книгамъ въ назв. мѣстн. Еропкино, а также въ соврем. фамиліи Еропкинъ, имени Еропка, уменьшит. къ Яро—полкъ [1]).

Уменьшительныя, соотвѣтствующія второй группѣ уменьшительныхъ по Фику, дошли до насъ въ большомъ сравнительно количествѣ. Наиболѣе любопытны изъ нихъ образованныя при помощи суффиксовъ —ята, —ша, —ило, какъ, напр., Милята, Ратьша, Добрило, чрезвычайно употребительныя въ древней Руси до XIV в. и не исчезнувшія даже до XVI в. Благодаря тому, что лица, извѣстныя намъ подъ именемъ Добрила, Миляты, Ратьши и т. п. почти никогда не являются подъ своимъ полнымъ именемъ, эти уменьшительныя имена, какъ-бы утратили связь свою съ соотвѣтствующими имъ полными. Для того, чтобы доказать ихъ происхожденіе отъ полныхъ именъ, мы имѣемъ слѣдующее:

1. Содержаніе именъ въ родѣ вышеприведенныхъ Добрило и пр. составляютъ тѣ же самыя основы, которыя встрѣчаются въ полныхъ именахъ; т. е. для каждаго изъ нихъ можно найти соотвѣтствующее полное имя (двуосновное). Это явленіе замѣчается во всѣхъ языкахъ обще-индо-европейской семьи, какъ прекрасно доказалъ Фикъ («Die griech. Personennamen).

2. Въ лѣтоп. и другихъ памят. мы находимъ не мало формъ съ подобными же суффиксами, служащихъ уменьшительными къ именамъ христіанскимъ [2]). Напр.: Гюрята къ Гюргій (Георгій), Петрята (Новг. I. 1127: «Петрятино дворище», оно же и «Петрово дворище»), Петрило (одинъ и тотъ-

---

[1]) Соотвѣтствующіе примѣры въ друг. яз.: греч. Ερμο—γ—ᾶς при полномъ Ερμο—γένης, Αντι—π—ᾶς при полномъ Ἀντί—πατρος, Θεό—γν—ις при полномъ Θεό—γνητος, Λεω—ν—ᾶς при полномъ Λεώ—νατος. Εὐρυ—σθευς при полномъ Εὐρυ—σθένης и т. п.; герман. Ercam—b—ius при полномъ Ercam—bertus, Adal—b—o при полномъ Adal—bero, Thiem—o при полномъ Thiet—mar и т. п.

[2]) На это указывалъ впервые проф. А. И. Соболевскій.

же посадн. Новг. въ XII в. назывался и Петриломъ и Петрятой), Вася́та (Новг.), Илдята (вм. Ильята) 1268 г., Климята 1237 г. (изъ Климъ Климентъ), Юрша (къ Юрій), Прокша (къ Прокопій) и т. п.

3. Въ качествѣ историческаго доказательства для русс. именъ имѣемъ Завило уменьшит. къ Завидъ (1167—9 гг. бояр. Кіевск.; см. лѣт. по сп. Ип., Воскр., Никон. и Тверскую лѣт.). Но этотъ примѣръ не настолько ярокъ, чтобы заставить позабыть объ отсутствіи другихъ примѣровъ.

Уменьшительныя съ суфф. —ята (старослав.—ѧта) образовались еще въ общеслав. яз. Первоначально употреблялся для образованія уменьшит. только суффиксъ —ѧт—. Такъ въ др.-польск. имѣемъ Pątę (осн. Pątęt—), Radę (осн. Radęt—), въ старо-серб. Андре, (р. п. Андрета), Миле (р. п. Милета, Мире (р. п. Мирета) и т. п. Въ др.-русск. яз. несомнѣнно были такія формы, но въ памятн. находимъ только Гюря (уменьш. къ Георгій, лѣт. по Лавр. сп. 1195 г.), форма, образовавшаяся по подобію формъ въ родѣ Путя, Радя, Миря и т. д., оставшихся отъ общеславянской эпохи, когда они звучали еще Пѫтѧ, Радѧ и т. д. Отъ формъ, подобныхъ этимъ уменьшительнымъ именамъ, образовались вторичныя формы черезъ прибавленіе къ ихъ основамъ Pątęt—, Radęt—, Пѫтѧт—) суффикса —а— Pątęta = Пѫтѧт-а (сравн. древне-прусс, Pon-int—a, Бецценб.) которыя вѣроятно стали существовать параллельно съ первыми и такъ перешли въ отдѣльные славянскіе языки. Форма Гюрята (въ лѣтоп. не разъ) развилась вѣроятно не самостоятельно изъ Гюря, а лишь благодаря существованію параллельныхъ формъ «Путя» и «Путята» и т. п.

Въ древне-русс. уменьшительныхъ нарицательныхъ именахъ животныхъ теля, щеня и т. п., въ совр. дитя мы имѣемъ тотъ же суффиксъ, что и въ формахъ др.-польск. Putę, стар.-серб. Мире, Андре, др.-русс. Гюря. Такимъ образомъ значеніе этихъ формъ, какъ уменьшительныхъ, не подлежитъ сомнѣнію. Соврем. уменьшит. въ родѣ Вася (сравн. др.-русс. Васята, Новг. л.) по образованію вполнѣ тожественны съ др.-русс. формой Гюря. Ласкательныя въ родѣ Васен-ька въ такомъ-же отношеніи стоятъ къ Вася, какъ соврем. теленокъ къ древн.-русс. теля. Современныя же уменьшит. Володя, Боря, Витя, Даня, Родя—безусловно остатокъ древнѣйшихъ формъ отъ полныхъ въ родѣ *Володи*-миръ, *Володи*-славъ, *Бори*-миръ, *Бори*-славъ, *Вито*-миръ, *Вито*-славъ, *Дань*-славъ, Родиславъ и т. п. Срвн. др.-польск. Bořęta (въ назв. мѣстн. Bařącin 1240 см. Бод. де-Куртенэ), помор. Barenta (Морошк.), сербск. Bore и Boreta (Маретичъ); серб. Vlade и Vladeta (тамъ-же). Ясно, что и формамъ вторичнаго образованія (п. Pątęt-a, р. Гюрят-а, с. Vladet-a) мы можемъ смѣло приписывать значеніе уменьшительныхъ именъ.

Уменьшительныя съ суффиксомъ —ша тоже встрѣчаются у другихъ

славянъ. Срвн, др.-русс. Рать-ша. др.-польск. Dobroša, Boguša (Бод. де-Курт.), серб. Семьша (Семионъ), Никша (отъ Нико) (у Новак).

Кромѣ суфф. *ш-а* мы находимъ какъ въ русс., такъ и въ другихъ слав. яз. суфф. *ш-ъ*. Сравн. др. русс. Яро-*шъ*, Ярышь, Малышь, древне-польск. Boguš, Žiroš (Бод-де-Курт.), хорв. Stanoš Milaš (Марет.). Соврем. русс. фамилія Ярошь есть не что иное, какъ древнее уменьшит. къ полному имени Яро-славъ или Яро-полкъ и т. п.

Въ русс. яз. замѣчается преобладаніе формъ съ суфф.-*ш-а* въ другихъ слав. яз. болѣе употребительны формы съ суфф.-*ш-ъ* (для муж). Т. о. русскому Свято-ша, Мьсти-ша, Дома-ша и т. п. соотвѣтствуютъ въ польск. Svetoš, Misčiš, Domaš и т. д., хорв. Miloš чеш. Svatoš и т. д. Впрочемъ въ документахъ, относящ. къ Зап. и Юго-Зап. Россіи, сравнительно нерѣдки формы въ родѣ Гнѣвашъ, Богушъ, Баушъ и т. п., что объясняется вліяніемъ сосѣднихъ — польскихъ. Соврем. в-русс. уменьшительныя Павлуша, Саша и т. п. образованы при помощи тѣхъ же суффиксовъ, что и древнія Рать-ша, Дома-ша и т. п.

Имена, соотвѣтствующія др. русскимъ съ суфф. ило въ родѣ Радило, Путило, Добрило, Гостило и т. д. находимъ не только въ другихъ славян. яз., но также и въ прочихъ индоевропейскихъ. Такъ имѣемъ болгар. Борило, хорв. Gostilo, Budilo, Vojilo, Stanilo, помор. Radil; древн. прусс. Butil, Dangil, Diwil, Dargil, Girdilo, Cabilo Keytil, Muntil; др.-нѣм. Badilo (при полномъ Bado-mâr), Wolfilo = гот. Vulfila, Ulfila (при полномъ Wolf-hart, Wolf-mar и т. п.) и много другихъ въ такомъ же родѣ; въ санскр. Aryamila (уменьшит. къ Aryama datta), Dattila (уменьш. къ Datta-catru), Devila (уменьш. къ Deva-datta) и мн. другихъ т. п.; въ др.-греч. Ζωΐλος (сравн. полное Ζώ-ιππος), Θερσίλος (срвн. полное Θερσίλοχος) и т. п.; въ латин. Hostilius (уменьш. къ. Hostus). См. Fick., стр. L.—LI.

Сопоставленіе съ данными другихъ языковъ, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, съ своей стороны также приводитъ къ уменьшительному или даже ласкательному значенію именъ Добрило, Радило и т. п. и хорошо подтверждаетъ ихъ несамостоятельное происхожденіе, отношеніе ихъ къ соотвѣтствующимъ полнымъ.

Вспомнимъ также ласковое, заискивающее обращеніе Ярославны къ вѣтру «Вѣтеръ-Вѣтрило» въ «Словѣ о п. Игоревѣ». Для уменьшит. съ суффиксами—хъ,—хно (Жирохъ, Жирохно, Святохна),—ко (Радько, Вячько), встрѣчающихся и въ друг. слав. яз., достаточно сопоставленія съ соврем. русс. уменьшительными (бѣлорусс. на—хно,—хна, малорусс. на—ко, великор.—ка).

О суффиксѣ—ко слѣдуетъ упомянуть, что онъ въ древне-русс. яз. при-

ставлялся не только къ первой или второй части полнаго имени, но нерѣдко къ цѣлому имени, какъ, напр., Всеволодъ-ко, Володимеръ-ко, Иванъ-ко, но Вячь-ко, Родъ-ка, Святъ-ко и т. д. Тоже, что о суфф.—ко, надо сказать и о суфф.—ецъ. Напр., въ памятникахъ имѣемъ Өедецъ и Өедорецъ, Ярецъ и Ярославецъ. Кромѣ того о суфф.-ецъ мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ имѣлъ въ древности скорѣе уничижительный, чѣмъ ласкательный смыслъ. Такъ въ лѣтописи упоминаются князья Ярославецъ и Святославецъ, къ которымъ лѣтописецъ относится далеко не съ уваженіемъ. Вспомнимъ имена убійцъ Талецъ (1015 г.) и Нерадецъ (1087 г.). Особенно вѣскій примѣръ намъ дается въ имени изгнаннаго епископа ростовскаго Өеодора, въ лѣтоп. чрезвычайно поносимаго и постоянно называемаго «Өедорьцъ» (1169 г.). Срвн. упоминаніе о немъ въ Прологахъ 1174 г. (подъ 28 апрѣля): «Добре подвизався ко цьркви Божии. и Өеодорьца (еретика епископа) за укоризну тако называема сего блаж Кириллъ... обличи и проклятъ». Отмѣчу также фактъ, что князья, извѣстные подъ именами Всеволодко (городенскій), Володимерко (галицкій) далеко не пользовались народною любовью и сочувствіемъ лѣтописца; наоборотъ, любимый князь Володимиръ Мономахъ нигдѣ не называется уменьшительнымъ именемъ на—ко.

Уменьшительныя съ суфф.—ынъ, ын-я, унъ, какъ напр. Добрынъ (въ лѣтоп. только въ видѣ прилагательнаго «Добрынь сынь», «Добрыня улица»), Добрыня, Воротынъ, (въ назв. мѣстн. Воротынь, Воротыньскъ, Ярунъ могутъ быть сопоставлены съ полными Доброславъ, Воротиславъ, Ярославъ и. т. п.

Въ др. польск. яз. мы находимъ Gostyn, Dobryn, Dobrynia, Droginia, въ сербо-хорв., Dobrin. Gostin, Radin и др., Dragina, Budina, Tvrdina и др.; др.-русскому Ярунъ, Родунъ (въ названіи мѣстности Родунь) въ сербо-хорв. соотвѣтствуетъ Bog-un, Rad-un и. т. п.

Въ др.-прусс. яз. мы имѣемъ Welun, (срвн. русс. Волынъ или Велынъ въ назв. мѣстн. Волынь Велынь), Wodune, Wilkune, Girdune, и др.; въ др.-греч.—Ἀγάθων, Δόχων и т. п,; въ др.-верхне-нѣм. Wolfo, Willo, Grimmo, и т. п. гдѣ о въ окончаніи на мѣстѣ древнѣйшаго an: Wolfan..

Въ лѣтоп. мы имѣемъ не дурное доказательство тожественности имени Ярославъ и Ярунъ подъ 1136 г. Именно, въ Соф. I., Ник., Воскр., Лавр., Ипат. и Новг. VI подъ этимъ годомъ упоминается тысяцкій кіевскій Давыдъ Яруновичь, а въ Ипат. онъ же названъ Давыдомъ Ярославичемъ. Также подъ 1215 г. въ лѣтоп. мы находимъ историческое доказательство тожественности именъ Добрыня и Доброща (вѣроятно

описка вм. Доброша, срвн: др-польск. Dobrosa). Здѣсь упоминается посадникъ Фома Добрыничь (въ Никон. и Твер.) и—онъ же—Ѳома Доброщиничь (въ Синод. и Новг. IV). Отсюда, ясно что это не что иное, какъ два уменьшительныхъ имени къ одному и тому же полному (вѣроятно Доброславъ). Сравн. соврем. уменьшит. Са—ня и Са—ша къ одному и тому полному имени Александръ.

Фикъ на стр. LII и слѣд. приводитъ нѣкоторое количество причастій и причастныхъ образованій, употреблявшихся въ др.-греческ. языкѣ, какъ уменьшительныя къ полнымъ двуосновнымъ-именамъ. Это такія имена, какъ Σώζων (уменьшит. къ Σωσι-κράτης и т. п.), Δείμας (-αντος) Βίας (-αντος) (уменьш. къ Βιάνωρ и т.п.) 'Αγασσαμενός, 'Αραρώς, Δεγμένος и т. п. Онъ сопоставляетъ ихъ съ др.-нѣм. причастіями, употреблявшимися, какъ имена уменьшительныя: Wigand, Freund, Heiland и т. д., которыя, какъ и соотвѣтствующія имъ др.-греческ., по мнѣнію Фика, пріобрѣли значеніе собственныхъ личныхъ именъ, только примкнувъ къ группамъ полныхъ (двуосновныхъ) именъ. Такъ слову Wigand по Фику значеніе личнаго имени дала группа двуосновныхъ именъ Wîh-hart, Wîcho, Hart-wig и т. п.

Тоже самое Фикъ отмѣчаетъ и въ примѣрахъ, взятыхъ изъ санскр. языка: Jayanta (уменьш. къ Jata-sena), Damayanli, Dânta (уменьшит. къ Dama-gosha, Arin-dama). Маретичъ находитъ подобныя же имена въ сербо-хорв. яз. Это, по его мнѣнію, Buden (уменьшит. отъ Budi-mir), Dragovan уменьш. къ Drago-slav) и т. п.

Въ рус. яз. имъ соотвѣтствуютъ такія имена, какъ Жданъ (Жьданъ) при глаголѣ ждать, Желанъ (въ назван. рѣки Желань, лѣтоп.) при глаголѣ желать, Горѣнъ при глаг. горѣть, Стоянъ при глаг. стоять, Баянъ или Боянъ при глаг. баять и бояться, Хотѣнъ (также въ былинахъ и въ назван. города Хотѣнь, современ. Хотинъ) при глаголѣ хотѣть и т. п.. подъ вліяніемъ которыхъ христіанское имя Стефанъ обратилось въ Щепанъ при глаголѣ щепать.

Срвн. болгар. Стоянъ, др.-польск. Wojen XIII в., Bojan XIII в. Сопоставляя эти имена съ подобными-же именами и съ ихъ употребленіемъ у другихъ народовъ мы съ большою вѣроятностью можемъ считать ихъ уменьшительными формами къ полнымъ Жьдимиръ, Жидиславъ, Желиславъ, Гориславъ, Бониславъ, Баниславъ, Хотьмыслъ (Срвни: назв. гор. Хотмышль собств. прилаг. притяжат. отъ личн. имени Хотьмыслъ какъ назв. города Перемышль отъ личн.. имени Перемыслъ). и т. п. Имена въ родѣ Молчанъ при глаголѣ молчать тоже причастнаго образованія, но явились сравнительно поздно (не раньше XV в.) вѣроятно въ подражаніе

древнимъ именамъ Жданъ, Стоянъ и т. п. Поэтому соотвѣтствующихъ имъ полныхъ именъ никогда и не было.

Любопытенъ рѣдкій въ личн. именахъ суффиксъ —чь— какъ объясняющій на первый взглядъ странныя формы, встрѣчающіяся въ лѣтописи Изечевичь (Сновидъ Из—ь, въ Лавр. и Ипат. сп. лѣтоп. 1097) и Дубычевичь (Новг. I.) Дыбычевичь (Твер. и Син.) Дыбучевичь (Новг. IV) Семьюнъ, Новгородецъ (подъ 1188 г.), Негочевичь Завидъ (Синод. 1194 г.) Негечевичь Воиборъ (Ипат. и Воскр. 1162), Ниговчевичь или Нѣгочевичь Борисъ (Твер. 1229 г.).

Въ сербо-хорв. яз. встрѣчаются уменьшительныя съ этимъ суффиксомъ какъ напр., Dobreč, Godeč, Zubeč, Mireč, Radeč. Сопоставляя съ ними вышеприведенныя русскія отчества мы легко извлечемъ изъ послѣднихъ уменьшительныя формы Изеч-ь, Неге-чь, Него-чь, Ниго-чь, соотвѣтствующія полнымъ Изя-славъ, Нѣго-славъ и т. п. Историческое подтвержденіе возможности этого мы находимъ въ лѣтописи подъ 1194 г.; одно и тоже лицо—новгородецъ Завидъ—въ соф. I названъ по отчеству Нѣговичь, а въ Синод. сп. Негочевичь. Что касается формъ Дыбычевичь, Дубычевичь, Дыбучевичь, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ искаженіемъ формы Доб(е)чевичь, которую мы можемъ въ данномъ мѣстѣ предполагать, приведя на память др.-польск. имена Dobe-slav, XII в. Dobe-gńew XIII в, Dobechna XIII в., Dobeš XIII в. Dobek XIII в. поморск. Dobes (въ собр. П. И. Прейса)

Остается упомянуть еще объ одномъ родѣ уменьшительныхъ той же группы. Это имена, представляющія собою не что иное, какъ оторванную отъ полнаго имени первую изъ его составныхъ частей. Какъ примѣръ Фикъ (стр. XVII) приводитъ нѣмецкое Karl, уменьшит. къ Karl-mann (но не Karlo), англосакс. Vulf при древне-верхне-нѣм. Wolfo, какъ греч. Λόχος при Λόχων. Вообще, по словамъ Фика, въ нѣм. яз. подобныя уменьшительныя рѣдки. Въ санскр. яз. имъ соотвѣтствуютъ имена въ родѣ Deva отъ полнаго Deva-datta, Aryama отъ полнаго Ariama-datta (тамъ же). Въ древне-прусс. яз., по свидѣтельству Бецценбергера, такими являются уменьшительныя Mase (къ полному Mastune). Suse (къ полному Sus-tide). Wayko (къ полному Waik-sil), Karis, Kerse, Rege, Royte, Sqwale и др. Въ сербо-хорв. яз. не мало подобныхъ именъ. Напр: Stan, Slav, Rad, Stoj, Vlad, Voj, Dom, Hval, Vuk и др. Въ др.-русск. можно съ нѣкоторою вѣроятностью отнести къ подобнымъ именамъ встрѣчающіяся въ лѣтоп. Родъ (уменьш. къ Родъславъ), Вячь [1] (уменьш. къ Вячьславъ; м. б. это описка вм. Ивачь,

[1]) Срвн. различныя наименованія одного и того же лица—новгородца въ лѣт. подъ 1186 г.: въ Синод. сп. „Вячь Свеневичь“, „Вачь Свеневичь“,— въ Никон. „Иванъ Савиневъ“,—„Иванъ Сьвѣневичь.

но довольно того, что была возможна такая описка), Владъ (Arch-książ. Sanguszkow, 1424 г.) Рогъ (сравн. полное Рогъ-володъ) Хвалъ (сравн. Хвалимичи, назв. мѣстн.) Хотъ (сравн. Хотмышль, городъ) Свень, Сьвѣнь, Свинь [1]) (вѣроятно уменьшит. къ заимствованному отъ скандинавовъ Свень-гельдъ) и др. Такія имена не что иное, конечно, какъ простыя сокращенія длинныхъ полныхъ именъ ради удобствъ произношенія и ихъ врядъ-ли можно считать ласкательными или уничижительными.

Уменьшительныя третьей группы, по дѣленію Фика, (Δάμας-отъ Πολυδάμας, Γέρων отъ Δημο-γέρων, Κρέων отъ Εὐρυ-κρέων) встрѣчаются, по его свидѣтельству, и въ другихъ яз. индоевропейской семьи.

Такъ въ санскр. мы имѣемъ отъ полнаго имени Deva-datta не только уменьшительныя, образованныя отъ первой части его (Devila, Devika, Deva и др.), но также и произведенныя отъ второй части: Datta, Dattaka, Dattika, Dattya и Dattila.

Въ герман. яз. имѣемъ уменьшительныя: Wulfus отъ Hun-ulfus, Faro отъ Burgundo-faro, Prandus отъ Rot-prandus, Brand отъ Her-brand, скандинав. Steinn отъ Thor-steinn, Grîmr отъ Thor-grîmr, Hildr отъ Svan-hildr, Ketel отъ Ulf-ketel; Fitela отъ Sinfjötli. (См. Fick, LVIII-LIX).

Въ древне-прусс. яз. по Бецценбергеру таковы являются уменьшительныя: Dergo отъ Wisse-darge (=слав. Вьсе-драгъ) или Sway-darge (=слав. Своидрагъ), Tarpe отъ Tule-tarp, Glande отъ Na-glande, Golte отъ An-golte, Sute (=славн. Хотъ) отъ Al-sute, Time отъ Tranko-time.

Въ сербо-хорв. яз. (по Маретичу) имѣемъ Drug отъ Dobro-drug, Živ(an) отъ Dabi-živ. Въ др. польск. Pełko (указано Фикомъ) отъ Swie,topolk. Очень ненадежное доказательство того, что въ древне-русск. яз. были уменьшит., подобныя этимъ, находится въ лѣтоп. подъ 1215 г. Именно, какъ имя одного и того же лица, мы имѣемъ въ лѣтоп. по Никон. сп. Якунъ Нѣжичь, (гдѣ отчество отъ уменьшительнаго Нѣгъ), въ лѣтоп. же по Синод. сп., а также въ Тверской лѣтоп. Якунъ Намнѣжичь, (гдѣ отчество отъ полнаго Намнѣгъ, вѣроятно испорченнаго изъ Дома-нѣгъ). Т. о. Нѣгъ является въ этомъ случаѣ въ качествѣ уменьшительнаго къ полному имени Нам-нѣгъ или Доманѣгъ. Но возможно, что и многія другія имена, въ родѣ вышеприведеннаго Хвалъ (срвн. Богу хвалъ), какъ, напр., Данъ (—ко) срвн. Богданъ, Миръ (соврем. фамил. Мировичъ), Любъ (Любомиръ и Миролюбъ) и т. д. были уменьшительными также и принадлежа ко второй части полнаго имени.

Вѣдь употребляемъ же мы и теперь отъ нѣкоторыхъ именъ уменьши-

тельныя двояко, т. е., то сохраняя первую половину полнаго имени, то сохраняя вторую. Напр. отъ полнаго Людмила—уменьшительныя Люша, Люля и Мила, отъ Антонина—Тоня и Нина, отъ Александра Аля и Саша и т. п. Срвн. приводимыя Фикомъ (стр. V) уменьшительныя Elise и Betty къ Elisabeth, Frida и Ricky къ Fride-ricke и т. п.

Болѣе распространяться о полныхъ именахъ и ихъ уменьшительныхъ мнѣ не кажется необходимымъ: 1) перечисленіе всѣхъ возможныхъ суффиксовъ можно найти у Морошкина («Славянскій именословъ 1867 г.»), Миклошича («Die Blidung der slavischen Personennamen» 1860 г.); 2) классификація личныхъ именъ по понятіямъ и т. д. у Морошкина же; 3) подробности относительно др-греч., санскрит. эранскихъ и германскихъ и кельтскихъ именъ у Авг.-Фика («Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt mit d. Namensystemen verwandter sprachen verglichen und systematisch geordnet» Götttingen 1874 г.),—относительно древне-прусскихъ у А. Бецценбергера («Die Bildung d. altpreuss. Personennamen» 1876 г.) относительно сербо-хорватскихъ у Маретича («o narodnim imenima i prezimenima u Srba i Hrvata» 1886 г.).

Мнѣ остается только съ своей стороны представить въ видѣ иллюстраціи списокъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ (двуосновныхъ) личныхъ именъ, бывшихъ въ употребленіи у русскихъ, и ихъ уменьшительныхъ, предварительно провѣривъ ихъ насколько было возможно сопоставленіемъ съ именами какъ прочихъ славянъ, такъ и вообще племенъ индо-европейской группы.

Предлагаемый списокъ далеко не полонъ. Въ него хотя и вошли всѣ имена лицъ, упоминаемыхъ въ памятникахъ, кромѣ немногихъ, пропущенныхъ или случайно, или намѣренно вслѣдствіе моего недовѣрія къ нимъ въ томъ или другомъ отношеніи, но остается еще много личныхъ именъ, сохранившихся въ названіи мѣстностей и фамиліяхъ. Впрочемъ и не было моею цѣлью представить полный списокъ русс. двуосновныхъ именъ и ихъ уменьшительныхъ.

Цифры при именахъ указываютъ года, подъ которыми они встрѣчаются въ томъ или другомъ памятникѣ. Приведеніе всякихъ другихъ указаній только увеличило бы размѣръ статьи, не прибавивъ къ ней ничего существеннаго.

Древне-русскія полныя (двуосновныя) имена.

Бог-данъ 1148
Богу-славъ 1229 (и въ назв. гор. Кіев. обл. 1195 Богуславль).
Богу-хвалъ 1555.
Боле-слава 1167.
Бори-славъ 1152, 1218
Бране-витъ (въ назв. урочища въ Галицкой обл. Браневичарль 1230).
Брячи-славъ 1003 кн.
Буди-миръ (былинное)
Бѣло-володъ 1185

Верхо(у)-слава 1137
Вито-миръ 1202
Вито-славъ (въ назв. села въ Новг. обл. въ половинѣ XI в. Витославичи).
Води-славъ (1546, 1229?)
Вод-молъ 1216 (въ Новг. IV Вод-молъ).
Вои-боръ 1162
Вои-гость 1105
Вои-славъ 1169
Вои-тихъ,-тѣхъ 1128
Володи-миръ,-мѣ(е)ръ.кн.
Володи-славъ 945, 1169
Вороти-славъ 968
Все-добръ (въ назв. села въ Москов, об. 1328 г. Все-добричь).
Все-славъ(а) кн. 1187
Выше-славъ(а)
Вяче-славъ 1127, 1208
Вят-славъ 1351

Гори-славъ(а) IX в. 1229
Горя-сѣръ 1015
Городи-славъ XII в.
Госто-мыслъ
Гуди-миръ,-моръ (былинное).

Дажь-богъ 1394 (въ отчествѣ Дажбоговичъ въ Архивѣ кн. Сангушко 1394)
Дань-славъ 1117
Данъ-славъ 1378
Держи-край 1223
Держи-славъ 1228
Добе-славъ 1649
Добро-гость 1204
Добро-славъ 1294
Долго-мѣръ (былинное).
Дома(о)-гость (въ назв. города въ землѣ Вятичей Домагощь 1147).
Дома(о)-жиръ 1208 и въ назв. урочища въ Галицкой обл. Доможиря или Домамиря печера 1241).
Дома-миръ,-мѣ(е)ръ 1233
Дома-нѣгъ 1176
Домо-славъ 1266
Дорого-бугъ (въ назв. города въ Волын обл. Дорогобужь 1084).
Дорого-милъ 1268, 1299
Дѣдо-гость (въ назв. села въ Смоленской обл. Дѣдогостичи 1150).
Дѣдо-славъ (въ назв. гор. въ землѣ Вятичей Дѣдославль 1146)
Же(и)ли-славъ 1262
Жиди-миръ 1314
Жиди(о)славъ 1172/4
Жидь-славъ 1317
Жито-миръ (въ соврем. назв. гор. Жито-миръ; должно-бы быть въ древ.-русс. Житомирь).
Жиро-славъ 1078

За-видъ 1122
Звѣни-слава 1142
Збы(и)гнѣвъ 1399

Избы(и)гнѣвъ 1152
Изя-славъ.
Изо-славъ, (лѣт. Новг. I.)
Кази-миръ,-мѣ(е)ръ 1640 (и былинное).

Люд-гость (въ назв. улицы Людгоща въ Новгородѣ, Людгощичи).

Мило-нѣ(е)гъ 1177
Миро-нѣгъ 1186
Миро-славъ 1134
Мои-славъ 1194, 1347
Моли-богъ 1228, 1240
Мьсть(и)богъ 1202
Мь(е)сти-славъ
Мьсти-уй 1228

Мути-жиръ
(въ назв. сел. въ Кіевской области 1160—62 Мути-жиръ, вѣроятно вм. Мути-жирь).

На-жиръ 1160
На-мѣсть 1240
На-славъ 1125
Ново-силъ
(въ назв. мѣстности Ново-силь 1155)
Ново-силець 1374

Ор(о)-го(е)сть(ъ) 1100
Осмо-мыслъ
Остро-миръ 1064

Пако-славъ 1211
Пере-витъ
(въ назв. гор. въ Рязан. обл. Перевитескъ).
Пере-милъ
(въ назв. гор. въ Волын. обл. 1195 Перемиль).
Пер-милъ (былинное)
Пере-мыслъ
(въ назв. гор. въ Галицкой обл. 981, 1097 Пере-мышль и въ Москов. обл. 1328.
Пере нѣгъ 1016, 1213
Пере-свѣтъ 1380
Пере-славъ 1162
Передъ-слава 945

Перея-славъ 1162
(и въ назв. гор. Переяславль)
Пиро-гость(ь)
(въ прилагательномъ Пирогощаявъ «Словѣ о полку Игоревѣ».
Прѣи-боръ 1262

Радо-гость(ь)
(въ назв. гор. въ Черниговской обл. Радо-гощь 1155).
Радо-мыслъ
(въ современ. назв. мѣстн. въ Кіевск. губ. Радомысль)
Радо-нѣгъ
(въ назв. мѣстности въ Москов. обл. Радонѣжь, с. Радонѣжское.
Радо(н)славъ 1164
Радь-славъ 1164
Рад-славъ 1331
Рати-боръ 1079, 1269
Рати(ь)миръ 1128, 1240
(и въ назв. урочищавъ Переяслав. обл. Рать-мира дуброва 1127.)
Рати(ь)славъ 1266
Рогъ-володъ
Рогъ-нѣдъ(ь) ж.
Рож-нѣдъ, м. 1135
Роди-славъ 1164
Род-славъ 1194
Рости-славъ.

Сбы-слава 1102
Събы-славъ
Свято-полкъ
Свято-славъ
Святъ-славъ
Свято-горъ (былинное)
Сде(ѣ)славъ 1180
Седе-славъ
Сине-володъ
(въ назв. урочища въ Галицк. обл. Синеволодьско 1240)
Стани-миръ 1217
Стани-славъ 1136
Суди-миръ 1147
Судо(ъ)миръ
(въ назв. рѣки въ Полоцк. обл. 1021 Судомирь).
Суди-славъ 1155
Сѣро-славъ 1157

Тверди-славъ 1208
Твори-ми(ѣ)ръ 1043
Толи-гнѣвъ 1281—2
Ти(ѣ)хо-миръ
(въ назв. мѣстн. Тихомль).

Хот-мыслъ
(въ назван. гор. на Ворсклѣ Хотмысль).

Я-володъ 1216, 1210
Яро-полкъ 1211
Яро-славъ.

Древне-русскія уменьшительныя къ двуосновнымъ именамъ, расположенныя по основамъ.

Основа бор
Борко 1287
Борыня 1171
Борейша (современ. фамилія)
Борю(у) та 1536
Боря (соврем.)
Борята (въ совр. фамиліи Барятинскій, гдѣ а вм. о вслѣдствіе аканья)
Боръ
(въ назв. мѣст. въ Кіев. обл. Бори-

чевъ увовъ)
Бори-с-ъ, (уменьшит. I-ой группы въ Бориславъ)
Осн. Бог—
Богъша 1161
Богунъ
Божко (соврем. фамилія)
Боша 1231
Богунъ 1651
Божа 1418
Бужько
(въ назв. мѣстн. въ Волын. обл. Бужьковичи 1238)
Осн. Бряч(и)
Бренько 1380
Осн. буд—
Будята
(въ назв. мѣстности Будятино (въ лѣтоп.) и Будятичи (Архивъ Сангушко)
Будило
(въ соврем. фамиліи Будиловичъ)
Будута
(въ назв. сел. въ Кіев. обл. 970 г. Будутина Весь)
Буды(й) 1015
Осн. бут—
(сравн. др. пресс: Buta въ Wissebute, въ литов. Narbut)
Бутъ 1177, 1410
Бутята
(въ назв. мѣстн. въ Новгородѣ Бутятинъ вымолъ)
Осн. вит—
Витко
(въ назв. улицы въ Новгор. Виткова)
Витъ
(въ назв. мѣстн. въ Кіев. обл. Витичевъ холмъ 1095)
Витанъ 1208
Витя (соврем.)
Осн. вон—
Вонкъ
Вонкина 1086
Воята
Войло (?) 1388
(Воинъ (?) 1326)
Осн. Волод—
Владъ 1424
Володьша
Володя (соврем.)
Волод-арь 1207, 1000
Володърись
Осн. ворот(и)
Воротынъ
(въ назв. гор. въ землѣ Вятичей Воротынскъ 1154)
Осн. выш(е)
Вышко 1162
Вышата 1043
Осн. вяч(е)
Вячко 1167, 1224
Вячь 1186
Осн. вят(?)
Вятка 1225
Вятокъ
Вять
(въ назв. племени Вят-ичи)
Осн. год
Годинъ } (былинныя)
Годенъ }
Осн. гор
Горята 1126
Горѣтъ
(въ назв. сел. въ Московской области 1328 Горѣтово)
Горѣнъ 1147
Осн. город
Городьша 1197
Городята 968
Осн. гост
Гостило 1420
Гостята 1140
Гостилецъ 1134
Осн. дан
Данко 1230
Данило (? древн. и соврем.)
Даня (? современ.)
Дашко 1136—5
Дакша 1135
Осн. доб
Добечь
(въ лѣтоп. Добычевичь, отчество подъ 1188 г.
Осн. добр)
Добря 1506
Добрята
(въ назв. сел. Смол. обл. 1150 г. Добрятино
Добрило 1164
Добрынъ 968
(въ отчеств. прилагат. Добрынь сынъ)
Добрыня 1116
Добрышь
Доброща (м. б. вѣрнѣе Доброша?)
Доброчко
(въ назв. мѣстн. въ Смолен. обл. Добрсчково 1150)
Добрянко 1004
Осн. дом
Дъмка 1215
Домаша 1176
Домашъ 1229
Доманъ } 1245
Домась }
Домата
Осн. дорог
Дорож(ь)ъ 1283
Дорожай 1184
Дорожка 1327
Драго-с-инъ 1424
(уменьшитель. I-ой группы въ Драгославъ и т. п.).
Осн. дух
Душило 1213
Душилецъ 1218
Осн. дѣд
Дѣдъ } 1177
Дѣдило }
Дѣдилецъ }
Осн. Жел
Желанъ
(въ назв. сел. и рѣки въ Кіев. обл. 1093 и соврем. Желань)
Осн. Жид
Жидъ

(въ назв. гор. въ Кіев. обл. 1257 Жидичевъ)
Жидко
(въ назв. сел. въ Смолен. обл. 1150 Жидчичи)
Жидята 1036
Жидило 1343, 1266
Жданъ 1134
(въ назв. горы Жданова, Жданя 1137 въ Сузд. обл. а также въ позднѣйшихъ памятникахъ какъ употребит. личное имя; сравни распространенную соврем. фамилію Ждановъ)
Жихно 1266
Осн. Жир
Жирохъ 1257
Жирохне новг. лѣт. 1267
Жирошка 1197
Жирята 1137—8
Осн. Жит
Житанъ
(въ назв. урочища въ Волын. обл. Житань 1270)
Житко
(въ соврем. фамиліи Житковъ)
Житомъ
(уменьшит. І-ой гр. къ Жито-миръ)
(въ назв. гор. въ Волын. обл. Житомель (иль) совр. Житомиръ).
Осн. Люб
Любъ 1204
Любко 1341
Любанъ 1613
(и въ соврем. назв. мѣстн. Любань)
Люби/ѣнъ 1341
Любынъ
(въ назв. гор. въ Ряз. обл. 1146 Любыньскъ)
Любыта
(въ назв. рѣки въ Новг. обл. Любытина)
Любо-м-ъ
Любимъ (соврем.)
(уменьшит. І-ой гр. къ Любомиръ,—мыслъ и т. п.)
(въ назв. гор. въ Волын. обл. Любомль 1287 и соврем.)
Осн. Люд
Людка 1348
Людя | (соврем.
Люша | уменьш.
Люля | къ Людмила)
Люди-м-ъ
(въ назв. гор. Людимльскъ)
(умень. 1-ой группы къ Люди-миръ,-милъ,-мыслъ и т. п.)
Осн. Лют
Лютъ 975
Осн. мал
Малъ
Малъкъ
Малъко
Малкаж.
Малуша
Малюша
} 970
Малота
(въ назв. гор. въ Переясл. обл. Малотинъ 1139)
Малышь 1199, 1311
Малюта
Осн. ман
Манъ 1294
Манко 1121
Манько
(соврем. малорусс. фамилія)
Манило
(въ фамиліи гоголевскаго героя Маниловъ)
Машко 1294, 1317
Осн. мил
Милята 1160
Милюта
Мила (соврем. уменьш. къ ж. им. Людмила)
Осн. мир
Мирята
(въ назв. села въ Смолен. обл. Мирятичи 1150)
Миръ
(въ фамиліи Мир-овичъ)
Осн. мои
Моиша
(въ назв. мѣстн. въ Смолен. обл. Моишинская земля 1150)
Мойко
(въ соврем. фамиліи Мойковскій)
Осн. мон
Мьнята
(въ назв. мѣстн. Мнятинъ въ Арх. кн. Сангушк. 1448)
Осн. мьст(и)
Мь(и)стиша 945
Осн. мут
Мутиша 1517
Осн. нѣг
Нѣгъ 1194
Нѣжата 1138, 1200
Нѣжило 1234
Нѣгутинъ
Нѣгута 1234
Нѣгочь 1229, 1194
Негочь 1162
Осн. Остр
Острята 1208
Осн. пир
Пирята
(въ назв. город. въ Переяслав. обл. Пирятинъ 1155 и соврем.)
Осн. прбы
Прибытокъ } 1216
Прибыша }
Осн. пут
Путьша 1015
Путята 1097, 1284
Путило 1217, 1275
Пути-в-ъ

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

LXIII.

№ 54. Банская Быстрица, сирѣчь Neusohl. $\frac{8}{20}$ іюня 1842.

Вчера послѣ обѣда выѣхалъ изъ св. Микулаша, ночевалъ въ Осадѣ, а сегодня въ 4 часа былъ тутъ. Дорога отъ Ружомберка на югъ идетъ къ Осадѣ и далѣе до горы Штурца узкой долиной, по которой течетъ рѣчка Ревучанка; горы поросли смрѣками и елями, и отчасти бучиной, а кое гдѣ выдаются красивыми скалами. Штурецъ очень крутъ и довольно высокъ, но дорога прорублена очень хорошо кьярами (поворотами, зикзаками), такъ что переходъ черезъ нее съ экипажемъ продолжается два часа, между тѣмъ какъ пѣшкомъ по тропинкѣ легко можно пройдти въ часъ. Между деревьями поляны на нихъ пасутся овцы и козы, каждая съ звонкомъ; пастухи, кто сидитъ, кто ходитъ, кто поетъ, кто играетъ на флейточкѣ, кто хлопаетъ бичемъ, прислушиваетъ къ раскатамъ эхо. Передъ Осадой я видѣлъ вечернюю музыку, т. е. танцы, а сегодня въ Ревуцѣ сватьбу. Спустившись съ Турца, снова входишь въ узкую долину, подобную прежней, и ею доходишь почти до самой Быстрицы. Долина почти вся занята жилищами рудокоповъ и различными рудными домами. Въ лѣвѣ осталась Herrngrund, гдѣ есть цементная вода, претворяющая желѣзо въ мѣдь. Быстрица довольно хорошенькій городокъ съ 5—6000 жителей, центръ промышленности края. Площадь очень велика: на ней въ каждомъ домѣ корчма. Жители были прежде Нѣмцы, а теперь все ославянилось. Въ Быстрицѣ въ предмѣстіяхъ множество садовъ.—Тутъ я познакомился съ еванг. священникомъ Кузмани [1]),

---

[1]) Карлъ Кузмани (1806—1866)—одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ словенскихъ патріотовъ; впослѣдствіе проф. теологіи въ Вѣнскомъ университетѣ и супер-интендентъ Пресбургскаго округа; Кузмани много писалъ для народа и принималъ ревностное участіе въ его политическихъ дѣлахъ.

издателемъ журнала Гронки, ревностнымъ Славяниномъ, но боящимся Мадьяровъ. Съ нимъ посѣтилъ я доктора Ципсера [1]), члена нашей Академіи: болтунъ и едва-ли ученый человѣкъ, впрочемъ очень прилежный.

Полгора. 24-е іюня (Сахар. фабрика, гребли деревъ, Hütten).

21-го выѣхалъ я изъ Быстрицы въ Черною Леготу, гдѣ священникомъ Самко Халупка [2]), молодой, образованный человѣкъ, занимающійся собираніемъ народныхъ словъ и выраженій. Желая воспользоваться его собраніемъ, я остался на два дни и списалъ что мнѣ нужно было. Легота лежитъ въ сторонѣ отъ дороги, въ крошечной долинкѣ, такъ что ея не видно, пока не подойдешь очень близко. Кругомъ нагорныя поля и лѣса, а далѣе голы или голи, т. е. горы голыя, очень высокія, еще покрытыя кое-гдѣ снѣгомъ. Вчера намъ пѣли дѣвки Ивановскія пѣсни: «Ой Яне, Яне, ой Яне!» и «Дай, Боже, дай!» Сегодня утромъ мы поѣхали вмѣстѣ въ городъ Брезно, гдѣ священникомъ его братъ. Его не было дома; насъ приняла его жена, и я всетаки успѣлъ просмотрѣть его лексикальныя записки. Брезнянскій Халупка—извѣстный Слов. писатель-сатирикъ [3]). Онъ между прочимъ написалъ нѣсколько комедій о Коцурковѣ, вымышленномъ мѣстечкѣ, представивши въ нихъ со смѣшной стороны нравы шляхты и мѣщанства Словацкаго; а недавно кто-то выдалъ въ Лейпцигѣ его нѣмецкій романъ, въ которомъ осмѣяны Турчанскіе нравы и Мадьяризмъ. Онъ же былъ въ числѣ депутатовъ съ репрезентаціей въ Вѣнѣ. Брезно—небольшой городокъ съ большою площадью; послѣ пожара онъ хорошо выстраивается. Зволенцы — чипкари, т. е. дѣлаютъ и продаютъ чипки (кружева деревен.). Такъ всякая столица имѣетъ свой особенный промыселъ, иначе не могла бы и выжить.

29-е. Хижно въ Муранской долинѣ.

Изъ Полгоры я пріѣхалъ въ Тисовецъ, мѣстечко Гёмер. столицы въ Мал. Гонтѣ. Дорога идетъ черезъ гору въ долину, очень романическая и премерзкая: мѣста принадлежатъ коморѣ (казнѣ), но она не хочетъ поправлять ее, а столица тоже не хочетъ. Тисовецъ лежитъ между огромными горами—Градовой и Черемошной; очень крошечное мѣстечко, но по малу обстраивается.

---

[1]) Christian Andreas Zipser 1783—1864)—естествоиспытатель, минералогъ и географъ.

[2]) Само Халупка (род. 1812)—одинъ изъ патріотическихъ поэтовъ словенскихъ; собраніе стихотвореній его (Spevy Sama Chalupky) было издано въ Банской Быстрицѣ въ 1868 г.

[3]) Янъ Халупка (род. 1791).

Тутъ священникомъ суперинтендентъ (епископъ евангелическій) Іозефи [1]), ходившій вмѣстѣ съ Годжею [2]), Халупкой и Ференчикомъ [3]) съ репрезентаціей въ Вѣну, старикъ почтенной. Я сложилъ свои вещи въ постояломъ дворѣ, но, пошедши къ нему, остался тамъ и ночевать и все время проводилъ у него. Онъ и старушка жена приняли меня какъ сына. Къ ужину пріѣхалъ и Брезнянскій Халупка, и мы болтали съ нимъ до часу по полночи. Разговоръ его блещетъ остроуміемъ. На другой день я былъ на екзаменѣ въ сельской школѣ и потомъ поѣхалъ съ капеланомъ Іозефи Скультетымъ (съ которымъ познакомился еще въ Моравіи) въ Римавскую долину къ Брезновскому свящ. Босому, человѣку ученому, сдѣлавшемуся на старость поэтомъ [4]). Онъ переводитъ Шекспира (Гамлета, Макбета, Веронскихъ господъ и т. д.) и пишетъ оригинальную поэму «Волоской Орѣхъ». Къ сожалѣнію, какъ стилистъ, онъ большой педантъ и безъ нужды мѣшаетъ нарѣчія. На ночь опять къ Іозефи. На другой день былъ въ обѣдни; церковь очень большая и прекрасно, хоть и просто, украшенная; это лучшая изъ евангелич. церквей, мною видѣнныхъ въ Венгріи. Послѣ обѣда пошелъ съ Скультетымъ въ Пилу къ свящ. Лучеку, собирающему старыя книги, и тамъ остался на ночь. На утро заѣзжали мы въ Тисовецъ къ Іозефи, собиравшемуся въ Пештъ съ женою, простились съ ними и поѣхали въ Муранскую долину. Она начинается у подножія Муранскаго замка. Изъ Подмурани до него на верхъ горы два часа ходьбы и довольно круто. Замокъ былъ очень великъ, но развалины уже очень развалились; видъ на окрестныя скалы и Муранскую долину очаровательный; она видна вся до двухъ послѣднихъ горъ, наз. Сестрами, за мѣстечкомъ Ельшавой (на каждой былъ замокъ, и съ одного въ другой протянутъ былъ, говоритъ преданіе, ременной мостъ; теперь и развалинъ нѣтъ). Въ тотъ же день мы поѣхали далѣе по Муранской долинѣ сначала въ мѣстечко Ревуцу, гдѣ я познакомился со свящ. Рейсомъ [5]), ученымъ человѣкомъ, сообщившимъ мнѣ любопытныя извѣстія о древностяхъ края, а потомъ въ деревню Хижно къ свящ. Томашику, хорошо знающему Гемерскіе обычаи [6]). Переночевавши, Лучекъ поѣхалъ вчера домой, а я послѣ обѣда ѣздилъ съ Томашикомъ въ Ельшаву къ свящ. Ференчику. Въ Ельшавѣ была когда-то православная церковь, и вообще въ этомъ краѣ были можетъ

---

1) Павелъ Іозефи.

2) См. выше.

3) Сам. Ферьенчикъ (1793—1855)—почтенный словенскій патріотъ, другъ Коллара.

4) Михаилъ Босый (Bosy).

5) Самуилъ Рейсъ (Reisz).

6) Самуилъ Томашикъ (род. 1813)—одинъ изъ патріотовъ словенскихъ, авторъ многихъ пѣсенъ (между прочимъ «Hej Slováci»), стихотвореній и повѣстей.

быть еще за 150 лѣтъ (православные); но теперь остается одно преданіе. Сегодня остаюсь на цѣлой день въ Хижномъ распрашивать Томашика.

30-е. Тельгартъ.

Деревня горная на высотѣ какихъ нибудь 4,000 футовъ, у подножія Краловой голы (голами въ Татрахъ называются горы голыя, покрытыя на вершинѣ травою; другія называются горами и покрыты лѣсомъ, такъ что гора=лѣсъ на горѣ, а гора вообще=врхъ). Истокъ Грона очень близко: Тутъ живутъ Словаки, но Греко-Уніатской вѣры, равно какъ и въ Шумяцей и Вернгрѣ (всего въ этихъ трехъ приходахъ около 4,700). Прежде были протестантами. Служба на старо-Славянскомъ. Рожь уже тутъ не ростетъ: жители питаются картофлями и овсянымъ хлѣбомъ. Всѣ они у верховій Грона по преимуществу называются Гронцами и считаются молодцами. Есть между ними и удальцы збойники, особенно (или исключительно) изъ Валаховъ, т. е. горныхъ пастуховъ. Дорога изъ Муранской долины сюда черезъ лѣсъ (4 часа) черезъ гору Яворину: на гору высоко, съ горы мало. Со священникомъ здѣшнимъ ходилъ въ церковь: все какъ у насъ, впрочемъ скамьи по цѣлой церкви и подъ ризой у священника альба длинная, да кромѣ того въ церковной службѣ простой народъ весь поетъ молитвы, даже «Иже херувимы».

Іюля 1-е. Грановница.

Это уже въ Спишской столицѣ (Zipser Comitat). Я остановился тутъ кормить лошадей и себя. Отъ Тельгарта до Вернара 2 часа черезъ гору и лѣсъ. Мѣсто страшное въ преданіи; впрочемъ, мы прошли благополучно, не видавши никого, кто бы похожъ былъ хоть сколько нибудь на разбойника. По дорогѣ встрѣчались только угольщики съ углями, возы съ рудою и фурманы. Какъ бы то ни было, захолустье захолустьемъ, лѣса еще не видавшіе топора, скалы, знакомыя только медвѣдямъ и волкамъ. За Вернаромъ спустились въ долину, по которой течетъ потокъ, впадающій въ Попрадъ. Тоже запустѣнье, та же дичь природы, впрочемъ, уже какъ-то веселѣе.

Іюля 1-е же. Шмексъ.

Изъ Грановницы я выѣхалъ въ полдень, сюда пріѣхалъ въ 4. Ну, какъ-же напр. было не подумать о васъ, милая маменька, и о моихъ друзьяхъ, когда Татры отъ Кривани до Ломницы раскрылись передъ глазами со сво-

ими сѣро-бѣлыми скало-снѣжными вершинами. Внизу долина, по которой течетъ Попрадъ, широкая, холмистая безлѣсная, но покрытая вся ралями; прямо передъ глазами Татры, кругомъ другія горы, какъ дѣти вокругъ гигантовъ. До ихъ подножія по ширинѣ долины добрыхъ три часа ѣзды; а онѣ кажутся въ полуверстѣ. Я любовался и звалъ въ душѣ къ себѣ всѣхъ, которые провожали меня изъ Харькова. Долина Попрадская почти вся, исключая концовъ, населена Нѣмцами. На половинѣ моего пути лежалъ городокъ Попрадъ съ 2 церквами, небольшой и нечистой; за нимъ еще два и потомъ еще одна деревня. Дорога очень дурная. Шмексъ—купель съ желѣз. водами; нѣсколько дрянныхъ домиковъ по опушкѣ лѣса, а надъ ними возвышается Плѣшивая и Ломница (на востокъ). Поѣвши земляники и взявши проводника, я пошелъ—куда—скажу завтра, а сегодня спать.

Іюля 2-е, 3-е. Левоча (Leutschau).

Вчера не случилось писать; а сегодня уже опять я далеко отъ вершинъ Татранскихъ. Шпицъ Ломницкій считается высшимъ, но теперь онъ за снѣгами еще неприступенъ. Подлѣ него къ западу другой шпицъ, наз. Плѣшивая или Ширая, почти такой же высокой, но пологой, по крайней мѣрѣ не такъ крутой, какъ Ломница, Кривань или Стрѣла (на западъ отъ Плѣшивой,—до самой вершины всегда неприступный). Я рѣшился взойдти на Плѣшивую. 3½ часа взбирались мы на верхъ, пришли туда передъ захожденіемъ солнца, полюбовались картиной, и еще до 11-ти были дома. Солнце зашло чудесно: оно разбилось объ остріе не знаю какой-то далекой Липтовской вершины, покрывъ всѣ другія розовымъ блескомъ, а по долинамъ легли тяжелыя полосы тѣни, отрисовавъ собою каждую гору, каждый холмикъ. По вершинѣ Плѣшивой ходить можно свободно, съ одной только стороны утесъ и пропасть. Надъ нею сѣли мы, оборотившись къ солнцу задомъ и глядѣли на Ломницу и пропасти вокругъ нея. Проводникъ держалъ меня крѣпко: я не боялся. Вчера утромъ я поднялся въ 4 часа и снова въ путь къ подножію Ломницы, къ водопадамъ, образуемыхъ Кольбахомъ. Водопады хороши, красивы, но не высоки: самой большой не выше 11—12 саженъ; впрочемъ весь Кнольбахъ (s.), пока стекаетъ со скалъ, можно назвать однимъ водопадомъ; вся эта прогулка, продолжалась съ небольшимъ три часа. Воротившись, я сѣлъ въ свою кибитку, и поѣхалъ внизъ, въ Кежмарокъ—Нѣмецкой городокъ съ лицеемъ. Я ожидалъ отъ него болѣе: малъ и такъ-сякъ. Тутъ я посѣтилъ профессора Бенедикта, бывшаго когда-то пріятелемъ Шафарика и Колара и теперь совершенно омадьяреннаго. Оттуда въ Левочу.

Левоча—порядочной городокъ; стоитъ на горкѣ, какъ наша Холодная или немного выше, кругомъ долинка, и за нею горы выше и выше. Площадь очень велика и хорошо обстроена, столичный домъ очень великъ и недурно выстроенъ. На площади стоятъ двѣ церкви: католическая и евангелическая. Первая велика и оригинально украшена алтарями въ родѣ нашихъ складней, только огромными съ готическими верхушками; все красиво вырѣзано изъ дерева. Евангелическая также велика, построена въ 1837, и красива, впрочемъ, Нѣмецкая (вообще Левоча болѣе Нѣмецкой городъ). На площади же стоитъ и ратуша, построенная въ старо-Нѣмецкомъ вкусѣ. Въ Спишской столицѣ Нѣмцевъ много; однихъ городовъ 16. Вчера еще я былъ у Томашика, ректора здѣшняго Евангелич. лицея [1]). Сегодня были вмѣстѣ у Главачка [2]), профессора и вмѣстѣ пастора, который извѣстенъ въ цѣлой Венгріи какъ опаснѣйшій Руссоманъ. Обѣдали у Томашика. Потомъ были въ такъ называемомъ Volksgarten, небольшомъ саду подъ городомъ, гдѣ собралось почти все Левочское общество. Вечеромъ въ Касино, гдѣ можно читать журналы, играть въ карты и на бильярдѣ, курить и ѣсть; мебель очень дурная Вчера и сегодня по обычаю католическому были дни отпущенія; народъ со знаменами ходилъ процессіей на одну изъ горъ (Кальварію); вмѣстѣ съ образами несено было множество разукрашенныхъ статуй Маріи и разныхъ святыхъ. Дѣвушки носятъ тутъ красивые порты (вѣнцы) и вѣнцы (діадемы изъ стекляруса и блестокъ), а младенцы—шляпы со множествомъ цвѣтовъ и перьями.

7-е. Прешовъ (Eperies).

Это главный городъ въ Шаришской столицѣ. Сюда пріѣхалъ я вчера вечеромъ вмѣстѣ съ Томашикомъ. Дорога лежитъ черезъ городокъ Kirchdrauf, довольно порядочный, принадлежащій также къ 16 Спишскимъ городамъ. За Корытной мы поднялись на гору и потомъ спустились въ Шаришскую столицу. Въ этой есть замѣчательный ручей: съ шумомъ втекаетъ онъ въ гору, течетъ подъ нею и, вытекая изъ подъ нея недалеко отъ Корытной, уже такъ великъ, что приводитъ въ движеніе мельницу. Въ Еперіесѣ мы остановились у профессора Фукса: онъ братъ жены Томашика и въ отвѣтъ на мою просьбу отыскать мнѣ квартиру убѣдилъ меня остаться у него, и уступилъ мнѣ свой кабинетъ. Миленькая жена его—дочь ректора академіи Муняя, къ которому изъ св. Микулаша посланы были мои вещи. Они уже ждали меня. Фуксъ—Нѣмецъ; тѣмъ для меня изумительнѣе его обязательный пріемъ.

---

[1]) Янъ-Павелъ Томашикъ (род. 1820)—братъ Самуила Томашика.

[2]) Мих. Главачекъ (Hlaváček).

Вчера собрались тучи, а сегодни съ утра пошелъ обложной дождь; поэтому я городъ еще мало видѣлъ. Сколько видѣлъ, думаю, что онъ гораздо лучше Левочи. Онъ расположенъ въ прекрасной большой долинѣ, по которой течетъ Ториса. Площадь очень велика и длинна, хорошо обстроена. Вчера мы видѣли передъ каждымъ домомъ на лавочкахъ сидящихъ дамъ съ работою: это обычай не только тутъ, но и въ Левочи и особенно въ Кежмаркѣ; день работаютъ дома, а на вечеръ на улицу. Это мнѣ очень нравится.

8-е.

Уже давно говорятъ, т. е. говорили о затмѣніи солнца, ожидая его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ 8-е іюля наступило. Я проснулся рано, и прямо къ окошку, чтобы посмотрѣть, свѣтло ли, пасмурно ли небо. Было пасмурно. Послѣ 6-ти стало темнѣть. Я вышелъ въ корридоръ посмотрѣть на солнце: половина была за мѣсяцемъ. Мы завтракали, потомъ пошли въ библіотеку: къ 7-ми солнце покрылось совершенно мѣсяцемъ и ушло совершенно въ тучи; было такъ темно, что можно было подумать, что солнце взойдетъ еще часа черезъ три. На площади былъ базаръ, люди испугались, стали падать на колѣни, а иные побѣжали въ церковь, говоря: что это сталося, что солнце такъ захворало. Быстро но постепенно свѣтлѣло и къ 8 было совершенно свѣтло. Надъ звѣрями я ничего не замѣтилъ: лошади спокойно везли или стояли, собаки не подали ни малѣйшаго голоса.—Обѣдалъ сегодня у Муняя.

10-е. Енральтовца.

Вчера, пообѣдавши, я простился съ добрымъ Фуксомъ и поѣхалъ далѣе по Шаришской столицѣ. Она вся, какъ и южная часть Спишской, покрыта небольшими горами, между которыми разлегаются долины. Лѣсовъ уже не такъ много, какъ на западѣ, деревни меньше и біднѣе. Протестантовъ также меньше; я впрочемъ все еще нахожу знакомыхъ пасторовъ. Въ $1^1/_2$ часа отъ Прешова я заѣхалъ въ Комлошъ. Бѣдненькая фара (домъ священника) похожа на избушку. Фараръ, молодой человѣкъ, живетъ съ маленькимъ братомъ и сестрою почти въ одной комнатѣ. Къ вечеру пріѣхалъ я сюда: здѣшній фараръ, Гловикъ, есть вмѣстѣ и сеніоръ. Фара тоже бѣдная и полна народу: у него три сына, три дочери, еще чужой ученикъ, двѣ няньки, жена. Все это помѣщается въ двухъ комнаткахъ. Мы поужинали супу, яичницы и галушекъ; и послѣ ужина весь полъ покрылся постелями. Днемъ эти постели поддвигаются подъ другія постели, и становится нѣсколько просторнѣе. Пасторъ—человѣкъ въ лѣтахъ, довольно образованный и очень доброй. Жена его—простая, но добрая женщина. Мы встали сегодня въ 5 часовъ и гуляли;

потомъ завтракали жинчицу (овечная молочная вода, остающаяся отъ сыра) и хлѣбъ съ масломъ. Кофій у меня есть, но я не смѣлъ предложить, чтобъ не обидѣть.

Унгваръ. 13-е іюля.

Третьяго дни рано возъ былъ готовъ, вещи уложены, я сѣлъ и поѣхалъ въ Земянскую или Земплинскую столицу. Вмѣстѣ со мною выпросился ѣхать садовникъ, родомъ Мадьяръ, молодой, очень добрый человѣкъ. Первая станція была въ Кладзанахъ. Тутъ священникомъ братъ Гловика. Онъ былъ въ полѣ; меня приняла его жена, прекрасная, довольно образованная женщина, послала за мужемъ, и между тѣмъ накормила меня кислымъ молокомъ и чернымъ кофіемъ. Къ 5 часамъ воротился и мужъ и упросилъ меня остаться на ночь, говоря что на дорогѣ я не достану хорошей квартиры въ жидовской корчмѣ. Передъ ужиномъ мы ходили въ ближній лѣсъ поглядѣть на могилы. Тутъ ихъ вообще не мало, и чѣмъ дальше къ Галиціи, тѣмъ больше. Съ горы видѣли мы вершину горы Вигорляца или Вихорлата, на которой находится очень большое озеро. Это самая высокая гора въ Земплинской столицѣ. Горы тутъ уже примѣтно унизились, съ холмовъ видна уже обширная равнина, идущая къ самой Сербіи и Кроаціи. Лѣсу гораздо меньше, ручьи текутъ тихо, попадаются и болота и пески. Рожь уже жнутъ, между тѣмъ какъ за 2 часа выше въ горахъ она еще совершенно зелена. Не только деревни, но и мѣстечки совершенно закрыты деревьями, между которыми часто попадается грецкій орѣхъ. Вчера мы ѣхали цѣлый день отъ половины 6-го до половины 9-го. Въ Поздишовцахъ я хотѣлъ было посѣтить священника, но не засталъ дома. За Михайловцами, жидовскимъ мѣстечкомъ, мы переѣхали изъ Земянской столицы въ Унгварскую. Въ Луччахъ я заходилъ къ калвинскому попу и съ большимъ трудомъ выпросилъ у него, т. е. купилъ молитвенную Словацкую калвинскую книгу. Если бы не мадьяризмъ, которому привержены калвинскіе священники, то я бы конечно не досталъ: Словацкихъ книгъ калвинскихъ печатать уже не позволено; бѣдный народъ, незнающій ни слова по Мадьярски, долженъ пѣть въ церкви Мадьярскія пѣсни; не мудрено, что онъ ненавидитъ школу и не посылаетъ въ нее дѣтей. Домъ священника—бѣдная хижина. Я заходилъ и въ церковь. Внутри она похожа болѣе на школу нежели на храмъ. Кругомъ а) лавки; съ боку кафедра; въ серединѣ с) столъ покрытый сукномъ и на немъ крестильная чаша, закрытая платкомъ. Тайны освящаются только, когда кто хочетъ причаститься, и то все разомъ готово. Служба бываетъ каждый день два раза; то-есть поютъ

пѣсни; а по воскресеньямъ бываютъ проповѣди. Въ церкви нѣтъ ни образка, ни креста, ни свѣчки, ни органа.—По дорогѣ къ Унгвару мы спускались и поднимались по холмамъ, и болѣе спускались; видѣли довольно сжатыхъ полей, и нѣсколько виноградниковъ. Унгваръ порядочный городокъ весь закрытъ садами. Постоялой дворъ у Короны очень порядочной; комнаты въ чистотѣ и все въ порядкѣ.

Вечеръ. Утромъ, не заставши уніатскаго епископа Василія Поповича дома, просидѣлъ дома. Послѣ обѣда въ 4-ъ часу опять пошелъ къ нему и только что воротился. Человѣкъ довольно молодой, прекрасный въ обращеніи, довольно просвѣщенный, и, какъ я уже давно слышалъ, очень добрый. Показавши свою домашнюю библіотеку, онъ повелъ меня въ епископскую, гдѣ есть довольно старопечатныхъ книгъ, а потомъ въ замокъ, гдѣ помѣщается семинарія. Тутъ онъ меня познакомилъ съ ректоромъ, профессорами, студентами-клериками, когда они ужинали, и съ библіотекой, гдѣ нашлась и пергаминовая рукопись. Вообще онъ большой Славолюбъ, и не хотѣлъ со мною иначе говорить, какъ по Русски. Одѣтъ онъ и всѣ его окружающіе по католически, въ реверендахъ съ крошечными скуфеечками на головахъ; бородъ не носятъ. Это впрочемъ стало уже въ недавнее время, а прежде все носило бороды. Въ семинаріи живетъ 60 учениковъ, а еще нѣсколько по домамъ. Есть и сиротскій домъ за священническихъ сиротъ.—Я хотѣлъ-было завтра ѣхать изъ Унгвара, но епископъ убѣдилъ меня остаться, пригласивши завтра на обѣдъ. Унгваръ (Унг-Варъ, варъ значитъ по Венгерски крѣпость) называется по рѣкѣ Унгу или Угу, текущему мимо его и по всей столицѣ.

14-е.

Унгваръ вовсе не порядочной, а обыкновенной нашъ уѣздный городъ, впрочемъ не малъ. Обѣдалъ я у епископа. За обѣдомъ была и старушка мать его, говорящая только по Руснящки, т. е. по Малорусски; а потому и все говорило по Малорусски. Уже и въ Земянской столицѣ есть Русняки, а тутъ въ Унгварской, они составляютъ главную часть народонаселенія, равно какъ и въ Угочской, Берегской и Мармарошской. Послѣ обѣда мнѣ показывали сакристію и въ ней епископскія одежды: очень богатыхъ нѣтъ. Далѣе ходилъ я къ Лучкаю [1]), издателю Руснацкой грамматики, приходскому священнику. Онъ теперь пишетъ исторію Мукачевской епархіи. Настоящій хохолъ.

---

[1]) Mich. Lutckay (ум. 1843 г.) извѣстенъ, какъ первый издатель народныхъ руснацкихъ пѣсень (въ его грамматикѣ въ 1830 г. напечатаны четыре пѣсни).

Нѣсколько лѣтъ онъ былъ священникомъ у герцога Лукскаго, въ то время когда герцогъ, питая надежду сдѣлаться королемъ Греческимъ, хотѣлъ познакомиться съ религіей Греческой.

15-е. Мукачовъ.

Въ 5 часовъ утра я выѣхалъ изъ Унгвара и пріѣхалъ сюда въ половинѣ 12. Мукачовъ или Мункачь лежитъ уже въ Бережской столицѣ; маленькой городокъ. Жиды на каждомъ шагу; простой народъ говоритъ по Руснацки и отчасти по Венгерски. На сѣверо-западѣ отъ города въ ¼ часа, на полугорѣ окруженный виноградниками и садами лежитъ Руснацкій монастырь, прекрасно, можно сказать, богато построенный; далѣе за нимъ тянутся горы выше и выше, сливаясь съ небомъ. Монахи носятъ бороды, но не усы, и узкія рясы съ францисканскими видлогами. На юго-западъ отъ Мукачова въ ½ часѣ, на отдѣльной горѣ, возвышающейся середи безконечной равнины, стоитъ замокъ, обращенный теперь въ тюремный, гдѣ содержатся важнѣйшіе преступники государственные. Есть колодезь чрезвычайно глубокой. Видъ съ замка на равнину очень хорошъ. Я стою тутъ у жида въ постоялом дворѣ и имѣю превосходную комнату, очень чистую, мило меблированную. Между украшеніями есть и самоваръ. Хозяйка замѣтила, что я утомленъ, и предложила напиться чаю (а не тее, какъ тутъ обыкновенно называютъ), еще и Русскаго чаю. Не знаю, каковъ то будетъ.

16-е. Верецка.

Чай былъ не дуренъ, приготовленъ съ ромомъ, за то и заплатилъ за стаканъ 36 крейцоровъ, сирѣчь 54 коп. Теперь жду опять чаю, т. е. воды, и самъ хочу себѣ приготовить чаю, но вода что-то нейдетъ. Комната моя ужасно нечиста; постели не получу, а буду спать на сѣнѣ, еще самъ не знаю, чѣмъ покроюсь и какъ буду сражаться съ блохами. Я уже близь границъ Галиціи, и оставляю Венгрію. Пора. Остается два мѣсяца путешествовать, а надобно побывать и въ Галиціи и въ Польшѣ. Впрочемъ скорѣе бы домой. Ужъ такъ хочется къ вамъ, что иногда, какъ напр. и сегодня, становится такъ грустно, что хоть плакать.

ГАЛИЦІЯ.

17 іюля. Сколе.

Я тутъ остаюсь ночевать, потому что до Стрыя еще пять миль, лошади утомлены и пришлось бы ночевать на одной постели съ жидомъ, если не подъ лавкой. Изъ Верецкой выбрался я сегодня нѣсколько поздо, въ 6 часовъ, заснулъ передъ утромъ, потому что въ жидовской подушкѣ было по крайней мѣрѣ 10000 блохъ, а изъ жидовской комнаты слышалось пѣнье молитвы. Вчера у нихъ былъ шабашъ, а сегодня праздникъ и постъ Тишебафъ (9-й день) мѣсяца Офа, къ которому жиды имѣютъ обыкновеніе приготовляться строгою молитвою. Блохи меня мучили, а пѣнье было очень печально. Какъ сравнишь это пѣнье съ христіанскимъ сельскимъ, то станешь слушать съ непріятнымъ чувствомъ, и притомъ благочестіе, лишь бы было искреннимъ, хорошо во всякой формѣ; но эти блохи жидовскія, эта подушка, пропахнувшая саломъ разныхъ столѣтій, вонявшимъ изъ подъ двухъ полотенецъ, которыми я закуталъ ее, и притомъ ихъ безнравственное обхожденіе съ христіянами, безжалостные обманы надъ бѣдными мужиками.... Думалъ я думалъ, вертѣлся, вертѣлся и заснулъ когда уже пастухъ затрубилъ въ рогъ. Вереска считается мѣстечкомъ, а сама по себѣ предрянная деревня съ деревянной церковью. Тутъ Венгерская таможня: въ ней визировали мой паспортъ. Далѣе подниматься мы стали на гору, и поднимались часа два. Я шелъ пѣшкомъ и собиралъ землянику. Тутъ ея еще пропасть, а въ Мункачовѣ уже давно нѣтъ. Дорога дурна: въ иныхъ мѣстахъ очень крута, въ другихъ идетъ ненужными поворотами; впрочемъ дѣлается уже новая. За 7 лѣтъ была несравненно худшая. На границѣ жидовской домъ. Тутъ видны во всѣ стороны Бескиды или Бещадь. Такъ называются въ народѣ восточные Карпаты. Вершины ихъ голы, скалы видны рѣдко. Несчастные Русняки должны тутъ подниматься не только съ плугомъ, но и съ жилищами очень высоко, и озимины вовсе не сѣютъ. Деревеньки ихъ состоятъ изъ разбросанныхъ маленькихъ немазанныхъ домовъ. Отъ границы спускъ съ горы уже по Галицкой дорогѣ, прекрасно сдѣланной съ мильными и четверть-мильными столбами. Эта гора называется Перекатъ великій. Подъ горою крошечная деревенька Клинецъ и въ ней Галицкая таможня. Паспортъ мой былъ опять визированъ, но вещей не осматривали. Уходя въ канцелярію, я оставилъ дозорщику ключи отъ чамодана и мѣшка, а онъ передалъ ихъ кучеру говоря: «вѣрно ничего нѣтъ запрещеннаго, другой бы не былъ такъ унжениртъ». Воротившись къ повозкѣ, я получилъ отъ него титулы Милости и Доктора и счастливый путь.

Жидъ, собиравшій дорожныя деньги (это цольны госьцинѣць), взявши съ меня 12 крейц. серебр., повторилъ тоже. Отъ границы до Сколе 6 миль, и я заплатилъ уже за дорогу 33 кр. сереб. за три лошади, около 1,20 коп., слѣд. почти по копѣйкѣ съ лошади за версту. Въ Тухолкѣ мы кормили, и я накормился яицами въ смятку и кислымъ молокомъ. Жиды не даютъ ничего больше, потому что сами постятъ. По дорогѣ встрѣчалось много Русняковъ и Руснячекъ; сегодня воскресенье, но одѣты всѣ бѣдно; лица очень красивыя. Одной Русняцкой дѣвушкѣ я далъ кольцо за нѣсколько пѣсенъ, которыя она мнѣ продиктовала. Она полюбовалась, вздѣвши на палецъ, а потомъ спросила, что онъ стоитъ. Пять дудо̂къ (грошей) чишто, отвѣчалъ я. «Такъ озьмить перстень, та дайте мини гроши, бо у мене мати стара́, хлиба нема́: пійду до мѝста, куплю ій хлиба». Я далъ ей серебр. грошъ (три крейц.) и оставилъ кольцо. «Панъ Бигъ вамъ воздай! Отъ такъ быхъ мушила вамъ, милостивый панцику, цѝлый день спѝвати», и насильно поцѣловала мнѣ руку. Потомъ улыбнулась, пригладила волосы и стала диктовать еще одну пѣсню. «Мати моя, мати, колижъ бы си знала, где то я ходила, зъ кимъ я розмовляла» etc. — Сколе дрянной городишко, полный Жидовъ. Лежитъ въ долинѣ между горами.

18-е. Стрый.

Главный городокъ Стрыйскаго края. Горы уже чуть-чуть видны вдали; а тутъ кругомъ равнина, какъ за Мункачевымъ на югъ. Часть дороги сюда шла по берегу рѣки Стрыя, текущаго и тутъ у города: рѣка не глубокая, не широкая, но шумная и быстрая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она бѣжитъ по камнямъ, въ другихъ обливаетъ собою островки. Стрый городъ жидовской. Лишь только я въѣхалъ, меня окружили они, и давай распрашивать, куда я ѣду, нужна ли Gelegenheit, нужна ли квартира; рвутъ и вправо, рвутъ и влѣво, и дерутся между собою. Простой народъ одѣтъ уже лучше, чище, красивѣе. Въ городѣ 2 церкви; улицы широкія, есть между домами очень хорошенькіе, нѣсколько новыхъ каменныхъ. Впрочемъ Жидовъ такъ мало, что уже скучно. Жиды носятъ тутъ пейсики и длинные кафтаны; между тѣмъ какъ въ Венгріи ихъ надобно отличать по физіономіямъ.

Хламберхъ: корчма въ $7^1/_4$ миляхъ отъ Стрыя,
въ $1^3/_4$ мили отъ Львова.

Мои исторіи съ Жидами кончились благополучно: я нанялъ одного изъ фурмановъ за 10 гульд. .... =4 серб. (около 10 руб.) на 9 миль,

т. е. до Львова. Могъ бы и желалъ быть еще сегодня тамъ, но не случилось: сначала остановили безконечныя «кхебнси мир нох етвас» (дайте еще что-нибудь), потомъ градъ, потомъ дождь. Жидъ, или лучше сказать Жиды (потому что ихъ 2 кромѣ присѣдающихъ) везутъ, впрочемъ, хорошо: лошади здоровыя, большія, будка (такъ тутъ и называется), хоть и велика, такъ что я въ ней лежу, но легка на ходу. За 7 съ небольшимъ часовъ 7 съ небольшимъ миль, т. е. около 45 верстъ съ тремя большими остановками и множествомъ малыхъ: куда ни шло. Первый разъ мы останавливались въ корчмѣ на 4-ой милѣ, у берега Днѣстра. Тутъ кругомъ его луга, есть мѣсто, гдѣ ему разливаться; впрочемъ онъ тутъ еще не годенъ въ братья Днѣпру и Дону. Въ Миколаевѣ есть два прекрасныхъ заѣздныхъ дома. Далѣе дорога идетъ съ холма на холмъ, и въ лѣсъ. Ѣхавши имъ, я любовался на свѣтящихся жучковъ: во множествѣ они лежали по дорогѣ и между кустарниками, какъ звѣздочки. А теперь я слушаю завыванья Жидовъ, вышедшихъ на середину дороги молиться. Каждый поетъ своимъ голосомъ, а одинъ жужжитъ, жужжитъ да такъ вдругъ завоетъ, что, кажется, его рѣжутъ, и опять зажужжитъ. Слушаю и съ ужасомъ думаю о постели: я еще не легъ, а уже меня обдали блохи какъ варомъ. Комната что называется экстра циммеръ, но скорѣе похожа на хлѣвъ.

Львовъ.

Пріѣхавши въ Лембергъ, я остановился въ Hôtel de Russie и пошелъ искать Запа [1]), литератора Чешскаго, здѣсь служащаго, и, отыскавши его, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ одному изъ южно-русскихъ литераторовъ, а потомъ къ нему и далѣе гулять. Городъ Лембергъ не можетъ не понравиться, особенно послѣ городковъ, которые до сихъ поръ видѣлъ такъ долго. Онъ прекрасно и чисто построенъ, архитектурою похожъ на Пештъ и Тріестъ: улицы широкія прямыя, множество церквей... На мѣстѣ, гдѣ былъ прежде валъ, теперь сдѣланы гульбища, усаженныя тѣнистыми деревьями. Польскій языкъ есть господствующій: по Нѣмецки говорятъ Жиды и Нѣмецкіе чиновники; по южно-Русски простой народъ, приходящій изъ селъ. Жидовъ впрочемъ множество. При самомъ въѣздѣ въ Hotel они облепили меня, поминутно заходили въ мою комнату съ различными предложеніями и продолжаютъ свои посѣщенія ежедневно. На другой день я былъ въ театрѣ: играли 2 комедійки на Польскомъ языкѣ, и играли прекрасно, особенно Новаковскій. Самое театральное зданіе, построенное графомъ Скарбкомъ, есть одно изъ лучшихъ въ цѣлой Австрійской имперіи:

[1]) Карлъ-Владиславъ Запъ (1812—1870).

театръ въ серединѣ, кругомъ огромный четвероуголъ въ 3 этажа для лавокъ и приватныхъ квартиръ. Скарбекъ построилъ съ тѣмъ чтобы 50 лѣтъ пользоваться самому, а потомъ передать городу. Зданіе библіотеки Оссолинскихъ также отстраивается. Въ ней я былъ съ Росцишевскимъ изъ Росцишева, галицкимъ дворяниномъ, Полякомъ, старикомъ и чудакомъ, который, узнавши, что я его хочу посѣтить, самъ пришелъ ко мнѣ, и никакъ не позволяетъ мнѣ прійдти къ себѣ. Посѣщаетъ онъ меня каждодневно, и, признаюсь, ужъ наскучилъ: мѣшаетъ работать и болтаетъ безтолково и безъ конца. Изъ литераторовъ польскихъ я познакомился съ старикомъ Коминскимъ [1]), образователемъ Львовскаго театра, написавшимъ въ послѣднее время комедію Krakowiacy, Górule (2-ая часть), на которой я былъ въ театрѣ. Комедія не дурна, но пѣсни, но музыка—ужасныя: Итальянскіе мотивы Татранскому горцу также пристали, какъ коровѣ сѣдло. Другой литераторъ Польскій, съ которымъ я познакомился есть Бѣлевскій [2]), редакторъ журнала модъ; занимается и исторіей. Поля [3]), издавшаго чужое собраніе пѣсень, нѣтъ. Залѣсскій [4]), издавшій также пѣсни, сдѣлался совершеннымъ чиновникомъ, и о пѣсняхъ и литературѣ, о Славянизмѣ и народности и слушать не хочетъ. Изъ русскихъ литераторовъ познакомился съ Вагилевичемъ [5]), Головацкимъ [6]), Зубрицкимъ [7]) и Левицкимъ [8]). Вагилевичъ помѣшался на томъ, что въ него влюбляются. Головацкій много путешествовалъ. Зубрицкій много сбиралъ историческихъ матеріаловъ, Левицкій плохой грамотѣй, хоть и написалъ граматику. Познакомился и съ другимъ Левицкимъ, каноникомъ, цензоромъ книгъ. Видалъ и Русскія книги, видалъ и Сніпъ. Ну ужъ правописаніе. Основьяненка читаютъ съ восторгомъ. Видалъ и Москвитянина. Условился съ Миликовскимъ о пересылкѣ книгъ.—Былъ на высокомъ замкѣ съ котораго прекрасный видъ на Львовъ, растилающійся подъ нимъ: теперь нѣтъ почти слѣдовъ замка князей Львовскихъ. Былъ въ Ставропигіальномъ архивѣ: есть любопытныя рукописи. Кое-что нашелъ и въ уніатскомъ монастырѣ. Каждый день имѣлъ что нибудь для работы — и такъ прожилось 10 дней.

---

[1]) Янъ-Непомукъ Каминьскій (1778—1855)—директоръ львовскаго театра.

[2]) Августъ Бѣлевскій (1806—1876), извѣстный своимъ изданіемъ Historica Poloniae monumenta.

[3]) Żegota Pauli (Род. въ 1814).

[4]) Вацлавъ Залѣсскій, извѣстный подъ именемъ Wacław z Olecka (род. 1800 † 1849).

[5]) Иванъ Вагилевичъ (1811—1866)—одинъ изъ дѣятелей русскаго возрожденія.

[6]) Я. Ѳ. Головацкій (род. 1814)—извѣстный дѣятель по сближенію русскихъ Галичанъ съ Россіей.

[7]) Денисъ Зубрицкій (1777—1862)—извѣстный изслѣдователь галицко-русской старины.

[8]) Іосифъ Левицкій (1801—1860)—составитель первой Галицко-русской грамматики (Grammatik der klein-russischen Sprache in Galizien), переводчикъ Шиллера.

Тутъ окончу мое письмо. Цѣлую вашу ручку, милая маменька. Поклонитесь нашимъ знакомымъ.

Вашъ И. Срезневскій.

Если бы мои книги пришли еще до меня въ университетъ, то прошу Амвросія Лукьяновича и Александра Петровича принять ихъ, а вы, маменька, заплатите, что будетъ стоить, и помѣстите ихъ, гдѣ найдете мѣсто.

LXVI.

№ 55. 1-е августа. Краковъ.

Въ концѣ 1-го пополудни Eilwagen нашъ пріѣхалъ въ Подгорье (Podgórze) и сбросилъ съ себя насъ и наши вещи. Я отправился въ полицію визировать паспортъ, вещи мои перевезли черезъ Вислу по мосту (Висла тутъ не шире нашей Лопани, мостъ даже короче и хуже) въ тачкахъ и на другомъ берегу переложили въ коляску (фьякръ), паспортъ мой тутъ у меня взяли и дали билетъ, и я поѣхалъ къ Розѣ въ Краковъ черезъ Жидовское предмѣстье Казимирь въ другое—Страдомъ. Послѣ обѣда я искалъ профессора Вишневскаго [1]) и библіотекаря Мучковскаго [2]); но этого не засталъ дома, а тотъ живетъ за городомъ. За то я нагулялся вдоволь, къ сожалѣнію безъ проводника, а потому не многое понялъ. Польскій языкъ какъ у насъ Русской, безъ него нельзя двинуться. Народъ миловидной; но народу мало, и въ городѣ какъ то жалко пусто. Въ этомъ отношеніи можно сравнить Краковъ съ Венеціей, но и въ Венеціи, не говоря ужъ о Марковской площади, несравненно больше жизни. Правильнѣе сравнить съ Дубровникомъ (Рагузой): какъ и тамъ сквозь мостовую пробивается трава, много старины, напоминающей о жизни, но уже не живущей. Безжизненность Кракова еще страшнѣе нежели въ Дубровникѣ: тутъ нѣтъ моря, нѣтъ пристани и притомъ городъ пребольшой, старины—множество. Въ серединѣ города огромной рынокъ, кругомъ его собственный городъ; кругомъ него на мѣстѣ валовъ аллеи; за ними во всѣ стороны предмѣстья и сады. Церквей и прекрасныхъ домовъ очень много, но рядомъ съ ними стоятъ и бѣдныя лачужки, какъ и у насъ за Лопанью. Конфетныхъ лавокъ множество; кофеенъ не замѣтилъ ни одной хоро-

---

[1]) Михаилъ Вишневскій (1794—1865)—авторъ исторіи польской литературы.
[2]) Іосифъ Мучковскій (1795—1858)—польскій историкъ.

шей. Русской табакъ, Русскія деньги, на Русской манеръ одежда солдатъ; Краковячкамъ пристали очень длинные полузавитые распущенные по плечамъ волосы; этимъ отличаются дѣвушки, замужнія носятъ платки на головахъ очень странно широко распустивши ихъ по головѣ. Миленькихъ очень много, какъ и между мужчинами, самыми бѣдными мужиками, много благородныхъ лицъ. Вотъ примѣръ честности: у одной торговки купилъ я вишень связку, далъ денегъ, получилъ сдачу, положилъ, не считая въ карманъ, и пошелъ далѣе. Иду, за мною торговка бѣжитъ и кричитъ: «проше пана ту јешче (јещче) цјенць грошув, јам нје додала, запомнјала». Я не понялъ, думалъ, что она передала, что хочетъ отъ меня еще, вынулъ сдачу, отдалъ ей, она снова считать: «видзиш, панје, цјенць грошув бракује, ту со цјенць грошув, дзјękује». Еще и «дзјękује» (благодарю)! а могла бы удержать у себя, и я бы и не догадался. Славяне—всюду Славяне.

2-е августа.

Съ однимъ изъ моихъ вчерашнихъ соседей въ Eilwagen'ѣ, я нанялъ сегодня коляску и поѣхалъ въ Величку, чтобы посмотрѣть солеломни. Онѣ открываются въ 10, а мы пріѣхали въ 9 (это только миля, т. е. 1 часъ отъ Кракова), и потому ждали. Между тѣмъ собрались и другіе посѣтители: два англичанина, возвращающіеся изъ Египта, одна Польская дама изъ Познани съ 2 дочерьми и 3-мя молодыми людьми, еще одинъ Полякъ. Маленькое общество, а между тѣмъ слышны были рѣчи Польскія, Русскія, Нѣмецкія, Французскія, Итальянскія, Англійскія. По Польски я начинаю рѣшаться говорить, но робко. Какъ Русскому, мнѣ какъ-то стыдно, что я не говорю по Польски. Въ глубину солеломни можно спуститься на 30 саженъ по веревкѣ въ двѣ минуты, но дамы не рѣшились, а мы не хотѣли отдѣлиться, и пошли по ступенямъ внизъ. Шли очень долго и довольно глубоко. Ступени сдѣланы очень хорошо и покойно. Ходы очень широки и правильны. Залы велики и высоки. Въ одномъ мѣстѣ на плотѣ переѣзжали черезъ воду; тутъ намъ освѣтили залу бенгальскимъ (разноцвѣтнымъ) огнемъ. Впрочемъ и безъ него мы видѣли все хорошо, потому что съ нами было довольно и лампъ и вѣниковъ. Капелла св. Антонія сдѣлана вся изъ соли, особенно хорошо распятіе. Соль конечно по малу таетъ, формы стираются, но всетаки хорошо. Капелла была для насъ освѣщена какъ будто для службы. Провожалъ насъ одинъ изъ практикантовъ и разсказывалъ все подробно. При входѣ дали намъ широкіе длинные холстинные халаты,—и мы всѣ стали похожи, особенно дамы на мертвецовъ въ Робертѣ Дьяволѣ. Мы были подъ землею только три часа, и потому видѣли немного. Чтобы видѣть все надобно

провести тамъ нѣсколько дней. При выходѣ мы заплатили по 1 гульдену съ человѣка, не считая дамъ. За фьякръ заплатили мы 2 гульд. 50 кр. сереб. по 1—25 съ человѣка. Вообще фьякры тутъ дешевы. Но бѣда съ деньгами: идутъ и Австрійскіе, и Польскіе, и Русскіе, и Прусскіе; считается все на Польскіе злотые, и потому непривыкшему кажется все бестолковымъ.

Вечеромъ.

Былъ на Замкѣ, обошелъ вокругъ его стѣнъ, любуясь на городъ и окрестности, потомъ спустился и обошелъ по аллеямъ вокругъ всего города. Замокъ стоитъ на горѣ надъ Вислою; въ замкѣ пусто: тамъ казармы, тюрьмы, старики и дѣти. Все показываетъ, что было что-то знатное, богатое прежде и вымерло. Аллеи вокругъ города чудесныя, и чѣмъ дальше шелъ тѣмъ больше встрѣчалъ людей, особенно дамъ: иные сидятъ подъ орѣхами, акаціями, липами, другіе гуляютъ подъ рядами тополей. Болѣе 1½ часа ходилъ я тамъ, правда тихо, но всетаки шелъ впередъ. Думается мнѣ поэтому, что городъ Краковскій мало меньше Вѣнскаго.

Августа 3-го.

Сегодня утромъ въ третій разъ былъ у Мучковскаго и не засталъ, а воротившись вечеромъ домой, вижу по билету, что и онъ не засталъ меня. Я цѣлый день былъ не дома, даже не въ городѣ. Не заставши Мучковскаго, я взялъ фіакръ и поѣхалъ въ Лобзовъ къ Вишневскому: тамъ онъ на лѣто занялъ весь верхній этажъ замка, гдѣ еще на всѣхъ дверяхъ видны гербы Сигизмунда 3-го. Предобрый человѣкъ. Сначала мы говорили по Русски, потомъ по Польски. Онъ меня угостилъ чаемъ, потомъ оставилъ и обѣдать. Между чаемъ и обѣдомъ мы ходили по саду, всходили на могилу, извѣстную въ преданіи подъ именемъ гроба Жидовки Естерки, любовницы Казимира (вы знаете повѣсть). Послѣ обѣда пошли въ Волю, гдѣ встрѣтились съ вчерашними дамами и вмѣстѣ ходили по саду. Оттуда на гору Брониславы, на которой возвышается величественная могила Косцюшки, и на ней выждали захожденіе солнца. Что за видъ: на югъ Висла и за нею до Татровъ, къ Бабьей горѣ, величайшей изъ горъ Татрашскихъ въ Галиціи; за нею вдали видны и верхи собств. Татровъ бѣлоголовыхъ. На востокъ Краковъ и за нимъ лѣса, гдѣ когда то охотились короли. На сѣверъ холмистая равнина до границы Польской, на западъ Висла и различные деревни и замки. Пѣсни раздаются вокругъ. Могила огромна, не ниже 18—17 саженъ въ вышину Подъ нею часовня св. Брониславы. Вишневскій съ сыномъ, 15 лѣтнимъ

милымъ молодымъ человѣкомъ, проводилъ меня до города, и вотъ теперь уже бьетъ 10. Вишневскій благородный человѣкъ по своимъ мыслямъ. О, если бы такъ думали всѣ Поляки. Съ нимъ вспоминали мы и о Корженевскомъ,—это его товарищъ. (Амвросій Лукіановичъ, поклонися отъ него Корженевскому и скажи, что онъ съ его вновь печатанными драмами еще совершенно незнакомъ).

Вечеромъ. 4-е августа.

Сегодня пришелъ ко мнѣ Вишневскій, и вмѣстѣ мы пошли въ соборъ, находящійся въ замкѣ: это Архангельскій соборъ Польскихъ королей. Церковь не очень велика, но кругомъ ея множество часовень, и въ нихъ памятники королей, а подъ церковью погреба съ гробами. На право отъ главныхъ дверей, при входѣ въ церковь, часовня св. Креста: тутъ по бокамъ гробовцы королей Владислава Ягеллона и сына его Казимира (XVI вѣка) изъ краснаго мрамора (какъ и почти всѣ другіе съ сохраненіемъ физіономій и одеждъ), а въ серединѣ, гробовецъ епископа Краковскаго Каетана Солтыка, на которомъ есть рельефное изображеніе, какъ козаки въ каретѣ везли его въ Сибирь (бѣлымъ мраморомъ по черному). Подъ этой часовней лежитъ король Михаилъ Вишневецкій. Эта часовня называлась когда то Русскою: прежде можно было видѣть на потолкѣ между греческою живописью и надписи старо-славянскія. За нею, угломъ къ ней часовня Маріи дѣвы, принадлежащая фамиліи Потоцкихъ, вся выложенная красиво мраморомъ. Въ ней есть бюсты работы Торвальдсена и его же статуя Спасителя превосходной работы. Въ слѣдующей за нею часовнѣ Шафранцевъ или Doctorum, погребенъ въ погребѣ историкъ Польскій Матвѣй Мѣховита, лекарь Сигизмунта 1-го. Далѣе часовня Вазитовъ съ гробовцами Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира, запропастившихъ Польшу: вся выложена чернымъ мраморомъ, и мрачна. За нею слѣдуетъ боковой входъ въ церковь и потомъ часовня Сигизмундовская, по Сигизмунду 1; и снаружи она превосходно выложена огромными камнями и покрыта позолоченною мѣдью; и внутри украшена богато и со вкусомъ. Тутъ на лѣво есть огромный складень, или поход. олтарь съ живописью по серебру, изъ котораго онъ вылитъ. Надъ часовней въ церкви висятъ соврем. портреты Сигизмунда 1-го и его жены (онъ съ часами въ рукахъ: въ такой чести были въ то время часы). Противу слѣд. часовни Богоматери стоитъ статуя Владимира Потоцкаго изъ бѣлаго мрамора чудесной работы Торвальдсена. За часовней Іоанна Крестителя (гдѣ Іоаннъ сдѣланъ съ лицемъ Мицкевича) слѣдуетъ часовня св. Андрея съ гробовцемъ короля Яна Альбрехта. Напротивъ нея гробъ Казимира Великаго изъ краснаго

мрамора, современной, но чудесной работы. Далѣе подъ часовней Невинныхъ младенцевъ погребенъ епископъ Янъ Павелъ Воронич, знаменитый какъ писатель: она угольная. За нею—св. Ѳомы, и потомъ на срединѣ задней стѣны часовня Ciborium, бывшая въ связи съ дворцомъ. Тутъ молились короли; тутъ гробовецъ Стефана Баторія. Противъ нея, задомъ къ серединѣ церкви памятникъ королю Яну Собіескому, изъ чернаго мрамора, и другой тоже изъ чорнаго мрамора короля Михаила Вишневецкаго. Далѣе вдоль церкви слѣдуетъ еще по стѣнѣ 7 часовень. Противу одной изъ нихъ гробовецъ Владислава Локетка, XIV вѣка, изъ бѣлаго камня. Послѣдняя на лѣво отъ входа главнаго обдѣлывается вновь. Въ серединѣ церкви есть еше одна часовня св. Станислава съ серебряною богатою ракой, гдѣ почиваетъ прахъ святаго. За этой часовней главный алтарь, съ гробомъ (на право) королевы Гедвиги. а главный образъ прекрасной работы Донабелли. На право у входа въ церковь, противу часовни св. Креста, есть входъ въ погребъ, гдѣ лежатъ между прочимъ тѣла короля Яна III и двухъ знаменитыхъ Поляковъ, Костюшки и Понятовскаго (по волѣ Александра императора). Въ лѣвой стѣнѣ церкви есть входъ въ ризницу (sacristie=skarbec): много богатства, много воспоминаній для poczciwych Polaków, между прочимъ и старый крестъ изъ золота съ камнями старой Русской работы, и голова св. Станислава, вложенная въ сосудъ или ящикъ изъ чистаго золота. На главной колокольнѣ (ихъ двѣ) есть колоколъ, наз. Сигизмундомъ, въ который ударяютъ только въ большіе праздники: чтобы раскачать его надобно 8 человѣкъ. Изъ собора мы спустились съ горы Замковой въ городъ, и, прошедши через старинный суконный рядъ (sukiennice), пришли къ церкви Богородицы. Это красивѣйшая изъ Краковскихъ церквей съ двумя прекрасными башнями, и очень высока. Далѣе заходили мы въ книжную лавку Чеха, въ кондитерскую, и потомъ пошли обѣдать въ Hotel de Russie. Потомъ къ Мучковскому. Наконецъ я увидѣлъ этого ученаго старика, старика, впрочемъ, очень занятаго собою и съ стараніемъ приглаживающаго свои бѣлые волосы. Мы пошли въ библіотеку, а тутъ пришли и мои дамы Познанскія. Библіотека передѣлывается, и книги стоятъ и лежатъ громадами: книгъ до 80.000; однихъ рукописей 12,000. Есть много любопытнаго, но не Польскаго. Идя сегодня по рынку, Вишневскій показалъ мнѣ въ одномъ изъ оконъ сѣдую, важную голову смотрящую на разводъ полицейскихъ солдатъ: «знаете кто это?»—Не знаю, но я третьяго дни обѣдалъ съ этимъ генераломъ у Розы.—«Этотъ генералъ Хлопицкій» [1]). Въ Краковѣ жителей 45.000, изъ нихъ 15.000 Жидовъ.

---

[1]) Іосифъ Хлопицкій (р. 1772 г.)—сподвижникъ Костюшки, участникъ въ походахъ Наполеона въ Испанію и въ Россію, диктаторъ въ Варшавѣ въ 1831 г.

8-е. Вратиславь.

Третьяго дни въ 9 часовъ вечера выѣхалъ изъ Кракова, а сегодня въ половинѣ 5-го утромъ пріѣхалъ сюда. Къ Пуркинѣ—его нѣтъ дома, но старушка служанка тотчасъ узнала меня, и бросилась цѣловать руки. «Ah, ah, ah, der lustige Herr; а дѣти такъ часто васъ поминаютъ. И чемоданъ вашъ уже долго ждетъ, и профессоръ боялся, не заболѣли ли вы». Обѣщавшись воротиться, я пошелъ къ Челяковскому (онъ тутъ профессоромъ Славянскихъ нарѣчій), и просидѣлъ у него часа два. Жалуется на своихъ учениковъ; но благодаря Бога теперь уже не въ такой нуждѣ, какъ прежде. Вратиславь въ сравненіи съ Краковомъ живой городъ. Отъ двухъ ночей спанья въ экипажѣ у меня болитъ голова.

14=2 августа. Познань.

Третьяго дни вечеромъ пріѣхали мы сюда, мы, т. е. я и Бодянскій. Третьяго же дни мы и увидѣлись съ нимъ въ первый разъ совершенно нечаянно. Прихожу къ Челяковскому, а онъ тамъ, только что пріѣхалъ, и остановился въ той же Силезіи, дверь обо дверь, такъ что даже слышалъ, какъ мы разговаривали съ Пуркиней, хоть и не узналъ ни языка чешскаго, ни голоса Пуркини. Онъ хотѣлъ ѣхать прямо въ Варшаву, но потомъ рѣшился вмѣстѣ со мною въ Познань. И вотъ мы тутъ. Вчера были у Лукашевича [1]) и въ библіотекѣ Рачинскихъ, а сегодня у профессора Поплинскаго [2]) и бродили по городу. Городъ менѣе Вратислави, вообще хуже его, но есть и превосходные домы новой архитектуры. По Польски слышно, но и по Нѣмецки говорятъ много, даже самый простой народъ понимать начинаетъ. Поляки тутъ хвастаются, что пользуются большими свободами, а постепенное онѣмеченіе народа замѣчаютъ не многіе: на свободѣ Поляки тутъ со временемъ забудутъ любовь къ языку и онѣмечатся. Театръ Нѣмецкій; Польская труппа изъ Кракова была и поѣхала. Польщизну надобно тутъ поддерживать искуств. средствами.—Бодянскій по физіономіи и характеру занимаетъ середину между Шпигоцкимъ и Иноземцевымъ [3]) Харьковскимъ. Человѣкъ добрый,

[1]) Іосифъ Лукашевичъ (род. 1800)—польскій историкъ; былъ библіотекаремъ въ библіотекѣ Рачинскихъ.

[2]) Антонинъ Поплинскій—польскій писатель, библіотекарь въ библіотекѣ Рачинскихъ

[3]) Пав. И. Иноземцевъ—одинъ изъ харьковскихъ литераторовъ 1830-хъ гг.

но очень любитъ свое я, и словомъ «я знаю: это хорошо, чрезвычайно хорошо» подкрѣпляетъ все; къ тому же очень спѣшитъ заключеніемъ. Прейса ставлю я несравненно выше его; ему же, кажется, не нравится, что я хвалю Прейса. Впрочемъ, у кого нѣтъ своихъ грѣховъ. По Чешски онъ говоритъ хорошо, по Сербски не забылъ, говоритъ и по Лужицки; мы говоримъ съ нимъ то по Русски, то по Польски, то по Сербски, то по Чешски; по Лужицки я не могу уже почти ни слова. И то хорошо еще, что по Чешски привыкъ опять кое какъ. По Нѣмецки онъ говоритъ плохо. Бѣдной. съ ногами все еще возится: каждый вечеръ мочитъ ихъ водою.

16-е.

Сегодня утромъ ходили мы съ проф. Поплинскимъ въ главную церковь соборную. Она довольно велика; особеннаго ничего нѣтъ, исключая одной часовни Мечислава I и Болеслава Храбраго, украшенной недавно стараніемъ графа Рачинскаго и народа (собрано 24,000 злотыхъ, а прочее прибавлено Рачинскимъ). Круглая, довольно большая, и очень богато украшенная: полъ— мраморная мозаика; стѣны и сводъ въ золотѣ и различныхъ краскахъ вкуса рококо, сдающагося на Греческій; много изображеній святыхъ на сводѣ. На лѣвой сторонѣ отъ входа бронзовыя статуи двухъ князей (работы Рауха), и Болеславъ, какъ говорятъ, сдѣланъ похожимъ на нашего императора. (Странно на мечѣ, шлемѣ и поясѣ вставлены въ бронзу разноцвѣтные камни). По правую сторону гробы князей. Олтарная картина еще [не] вставлена.—Подлѣ этой церкви есть маленькая XIII вѣка старой готической архитектуры, стоитъ уже впустѣ и лопнула.

Бѣда со здѣшними литераторами: хочешь говорить о литературѣ, а они свертываютъ на политику. Безъ политическаго разговора ни на шагъ. И къ чему ведетъ это?

Вечеромъ купался съ Поплинскимъ въ Вартѣ, и потомъ пилъ у него чай.

День мы проводимъ такъ: рано я пью кофе, а Бодянскому приносятъ воду для купанья, и потомъ онъ идетъ въ садъ пить молоко и заниматься. Я остаюсь одинъ въ комнатѣ и тоже занимаюсь. Въ 1 $^1/_2$ идемъ въ Базаръ (такъ наз. нов. трактиръ, лучшій въ Познани, гдѣ есть и прекрасныя комнаты, и лучшій столъ по $^1/_2$ талера съ человѣка); оттуда домой и до 5 дома или гдѣ-нибудь. Въ 5 въ библіотеку. Вечеромъ болтаемъ.

Иногда бываю у д-ра Цегельскаго, молодого Поляка, много обѣщающаго. Миленькая женочка его меня снабжаетъ мазурками и краковяками.

25-е. Варшава.

Наконецъ я вотъ съ 3-го дня и тутъ, въ Варшавѣ, милая маменька. Прекрасный городъ, большой городъ, широко разложившійся городъ, шумный городъ. Мы пріѣхали въ него третьяго дня около полудня; одѣвшись пошли къ Дубровскому, издателю Русско-Польской Денницы [1]), съ нимъ къ Евецкому [2]), и такъ прошло до вечера. Вчера утро дома (ко мнѣ приходилъ Андружскій), потомъ обѣдъ, далѣе къ Ивану Николаевичу. Онъ живетъ довольно далеко отъ насъ. Принялъ меня какъ родного, приглашалъ къ себѣ жить, но я не могъ принять, потому что живу въ одной комнатѣ съ Бодянскимъ. Мы и поплакали и посмѣялись. Онъ женатъ, и уже имѣетъ дочку Машиньку, съ которою мы начинаемъ уже дружиться. Жена его Француженка, молодая и пріятная женщина. Квартира у нихъ прекрасная: кажется комнаты 4 или 5, двѣ служанки. Жалованье получаетъ кажется болѣе 7,000 злотыхъ, любимъ, уважаемъ. По Польски не говоритъ. Сегодня пойду къ нему послѣ обѣда. А вчера отъ него къ Дубровскому, и вечеромъ съ нимъ и Бодянскимъ были въ засѣданіи Варшавскихъ литераторовъ, издающихъ Варшавскую Библіотеку. Они читаютъ свои сочиненія и одобренныя печатаютъ въ журналѣ. Собраніе впрочемъ безжизненное.

28-е.

Каждой день то туда, то сюда, и не находишь времени, чтобъ записать хоть слово въ это письмо. У Ивана Николаевича обѣдалъ 3-го дня: жена его Марья Фердинандовна добрая женщина; Машинька премилая дѣвочка. Живутъ хорошо. Въ театрѣ былъ нѣсколько разъ, и въ большомъ, и въ маломъ. Зданіе театра огромное; кулисы очень хороши. Актеры порядочные: Жулковскій лучшій,—болѣе смѣшитъ, но играетъ и серьозныя роли прекрасно; Гальпертъ стара, но недурна. Опера только-что сносная. Лучше всего балетъ: 2 главныя танцовщицы—Травна и Вендтъ. Мнѣ нравится Травна, особенно, когда танцуетъ мазурку соло: нѣжность и характерность тѣлодвиженій, выразительность положеній восхитительны. Балетная труппа огромна, заходитъ за сотни, и все свѣжее, молоденькое. Вчера были въ Лазенкахъ: это садъ съ дворцомъ и амфитеатромъ, у котораго сцена на островкѣ пруда. Играли бѣд-

[1]) П. П. Дубровскій (1812—1882)—впослѣдствіи экстр. академикъ СПб. Имп. Академіи Наукъ.

[2]) О. С. Евецкій—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; онъ служилъ въ канцеляріи намѣстника царства Польскаго.

наго рыбака и балетъ пажей. Былъ и Паскевичъ. Передъ дворцомъ играло 2 полков. музыки: прекрасно. Было и освѣщеніе (illumination). Народу пропасть: въ одномъ театрѣ было 1200, а всего тысячъ до 10. Третьяго дня были тутъ во дворцѣ съ Ив. Ник. и женой; дворецъ маленькой, но хорошенькой. Вчера ходилъ въ Русскую церковь: не велика, но хороша, и пѣвчіе хороши. Главная католич. церковь св. Яна также хороша и не мала. Сегодня ѣздили съ Евецкимъ по городу: много прекрасныхъ зданій и площадей. Лучшее украшеніе Варшавы открытые сады въ серединѣ города, а лучшій изъ нихъ Саксонскій. Были у Окунева, министра народ. просвѣщенія, у сенатора Стороженки, у Бентковскаго, писателя [1]), у Кухарскаго [2]). Русскій языкъ тутъ свой, безпрестанно слышишь. Есть много и Русскихъ лавокъ. Много козаковъ и всякихъ солдатъ Русскихъ.

3 сентября. Воскресенье.

Въ четвергъ было получено телеграфическое извѣстіе о рожденіи дочери у Александра Николаевича. Былъ театръ безденежный: кто прежде приходилъ, тотъ и впускался. Вечеромъ освѣщеніе. Вчера коронація. Торжественный молебенъ въ Рус. церкви. Гулянье и вольный театръ въ Лазенкахъ. Въ городѣ освѣщеніе. На домѣ ратуши горѣлъ богатый вензель Н. А.

На этихъ дняхъ видался съ Герасимомъ Николаевичемъ: повидимому ищетъ въ Варшавѣ учительскаго мѣста и нуждается.

Прибавлю только этотъ кусочекъ [3]), чтобы поспѣшить отослать письмо. Я въ Вильнѣ, и дней черезъ 15, много черезъ 20 буду у васъ. Сердце бьется, летѣлъ бы птицей и если бы летѣлъ, то былъ бы скорѣе 4 дней. Сдѣлайте одолженіе, душенька маменька, пріищите или квартиру для насъ вмѣстѣ, недорогую, но помѣстительную, комнаты три, четыре, или комнату для меня подлѣ вашей квартиры. Все, что сдѣлаете, будетъ къ лучшему, лишь бы я, пріѣхавши, могъ начать заниматься, то есть расположиться съ книгами и тетрадями. Съ дороги буду писать чаще, по крайней мѣрѣ 2 раза напишу.

LXV.

[С]тараго [с]тиля. 30 августа 1842. Ковно.

Около половины 12-го было, когда мы спустились къ Нѣмню и уви-

[1]) Феликсъ Бентковскій (1781—1852)—польскій библіографъ, проф. исторіи въ Варшавскомъ университетѣ.

[2]) Андрей Кухарскій († 1862)—польскій писатель и путешественникъ по славянскимъ землямъ.

[3]) Писано на отдѣльномъ листкѣ.

дѣли Ковно. Этотъ городокъ лежитъ на правомъ берегу Нѣмня; съ другой стороны течетъ Вилія и впадаетъ въ Нѣмень подъ холмомъ, гдѣ былъ когда то Ковенскій замокъ. Нѣмень тутъ очень широкъ, мало чѣмъ уже Дуная у Новаго сада, но очень мелокъ; черезъ Нѣмень мостъ. Переѣхавши черезъ него, дилижансъ остановился у таможни, и началась осмотрка вещей. Таможенный начальникъ—впрочемъ, очень вѣжливой человѣкъ: онъ переглядывалъ только вскользь, а до рукописей даже и не дотронулся. Въ ¼ часа все было готово, и мы поѣхали на почту, оставили тамъ вещи наши, и обѣдать. Послѣ обѣда въ полицію, казначейство, и къ 4 часамъ была у меня готова подорожная. Теперь мы пьемъ чай (я, Бодянскій и еще одинъ помѣщикъ), а между тѣмъ лошадей мнѣ запрягаютъ.

31-е авг. Вильна.

Ковно очень небольшой городокъ. Жаль такого прекраснаго мѣстоположенія для такого дряннаго городка: у стока двухъ судоходныхъ рѣкъ, изъ которыхъ одна идетъ въ море, могъ бы быть торговый большой городъ; но что дѣлать съ лѣнью Литовцевъ и съ Жидами: Литовецъ пропиваетъ свою послѣднюю копѣйку. Жидъ обманываетъ Литовца, тутъ и вся промышленность. На Нѣмнѣ есть впрочемъ нѣсколько барокъ. У города за Виліей милая Виленская=Ковенская долина, воспѣтая Мицкевичемъ. Надъ нею и городомъ между рѣками, впрочемъ ближе къ Виліи возвышается Зеленая гора, бывшая укрѣпленною въ 1812 и 1830. Съ противной стороны берегъ Нѣмня горной (лѣвой) покрытъ красивымъ лѣсомъ.

Я выѣхалъ въ 6 часовъ вечера изъ Ковна и пріѣхалъ въ Вильну сегодня въ 10: 138 верстъ. За лошадь плотится по 2½ к. сер. отъ версты, и отдѣльно за повозку: всего едва ли не болѣе 8 р. сер. Дорога до Волкомиря (Wiłkomirz) прекрасная, шоссе; потомъ песчаная. Задержки нигдѣ не было, и запрягали проворно; но за то тележонки прекрошечныя. Почтальоны съ трубами. Почти всю ночь лилъ дождь. Станціонные смотрители вѣжливы. Одинъ только будто не хотѣлъ со мною говорить. Я уже сидѣлъ въ повозкѣ, когда онъ спросилъ меня: вы ѣдете прямо въ Харьковъ?—Да, отвѣчалъ я. «Тамъ теперь много малёновъ и кавоновъ», прибавилъ онъ, и обтеръ рукою губы. Тѣмъ разговоръ и кончился, и я уже дорогой отгадалъ, что дѣло шло объ арбузахъ и дыняхъ. Изъ ямщиковъ одинъ разсказывалъ мнѣ о состояніи мужиковъ, и особенно хвалилъ Государ. палату. Странно, что тутъ государя императора зовутъ королемъ.—Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ мѣстоположеніе красивѣе, лѣсовъ вообще довольно. Избенки немазанныя и

курныя—дурны. Корчемъ чортова пропасть. Жидовъ по дорогѣ попадается почти въ четверо болѣе Литовцевъ.

1 сентября.

8 сентября. Минскъ.

Прожилъ въ Вильнѣ почти недѣлю, и не имѣлъ времени писать. Даю теперь отчетъ о моемъ Виленскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ первый вечеръ я ходилъ къ инспектору гимназіи Кергичановичу, и отъ него узналъ что Леоновы еще въ Вильнѣ [1]). Пошелъ къ нимъ. Иванъ Ѳедор. и Марья Яковлевна ѣздили гулять, Катинька, ставшая теперь чуть не вполнѣ Катериной Андреевной, узнала меня тотчасъ и пригласила подождать. Я ждалъ до 8 часовъ и потомъ, боясь не найдти моей квартиры, ушелъ. На другое утро Иванъ Ѳед. искалъ меня, встрѣтился на улицѣ и повелъ къ себѣ. Я непремѣнно долженъ былъ перейти къ нимъ жить. Въ маленькомъ кабинетикѣ сложены были мои вещи, а на ночь кровать для меня вносилась въ гостинную. И вотъ, какъ пошли наши дни: утромъ около 8-ми пили чай, и потомъ я или ходилъ по дѣламъ или сидѣлъ съ Марьей Яковлевной. Между 12 и 1 обѣдъ. Послѣ обѣда какъ и до обѣда; вечеромъ большею частію всѣ вмѣстѣ. Марья Яковлевна прежде была больна, но теперь ей, слава Богу, лучше, только кашель, особенно ночью. Иванъ Ѳед. здоровъ, только въ хлопотахъ по случаю сдачи и упаковки вещей академическихъ. Они надѣются переѣхать въ Кіевъ, и до переѣзда поѣхать заграницу. Катинька здорова и милочка. Лошадей не держатъ. Марья Яковлевна стала хозяйкой. Меня приняли какъ роднаго, да и я съ своей стороны располагался какъ у себя дома. Былъ нѣсколько разъ у попечителя округа Бѣлорусскаго, Грубера, и разъ обѣдали у него вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедор. Еще познакомился съ типографомъ Марциновскимъ, съ Едуардомъ Одыньцемъ [2]), поэтомъ (онъ теперь издаетъ губернскую газету Wilnski Dziennik), съ Гербуртомъ, занимающимся древностями каноникомъ, съ отцемъ игуменомъ Троицкаго монастыря Арсеніемъ, съ почтъ-инспекторомъ Имбергомъ, съ его помощникомъ Евреиновымъ. Иванъ Ѳед. и Марциновскій водили меня по Вильнѣ; а съ Марьей Яковл. и Ив. Ѳед. ѣздилъ однажды въ окрестности Антоколь и Леонишки. Окрестности Вильны прелесть: всѣ изрыты холмами и долинами, покрыты рощами; на каждомъ шагу новый видъ. Самъ го-

---

[1]) См. выше.

[2]) Э. Одынецъ (род. 1804, ум. 1884)—другъ Мицкевича, извѣстный польскій писатель.

родъ былъ бы очень хорошъ, если бы былъ чище: улицы тѣсны, площадей почти нѣтъ (исключая одной, гдѣ католическій соборъ, прекрасной, но худо обстроенной); дома на Нѣмецкій манеръ; Жидовъ тьма тьмущая; церквей (католич.) множество: особенно хорошъ соборъ. Нашъ соборъ сдѣланъ изъ католич. церкви. Прежде было нашихъ 16 церквей, но всѣ исчезли, и въ митрополичьемъ соборѣ помѣщался анатомическій кабинетъ. Замковая гора укрѣплена валами и пушками. Очень хорошъ домъ генералъ-губернатора. Третьяго дня мы были въ обѣдни, потомъ обѣдали, и часу въ 6-мъ, напоивши меня чаемъ, и снабдивши меня на дорогу и булкой, и пирогами, и масломъ, и цыпленкомъ, и грушами, проводили— Марья Яковлевна и Марциновскій изъ дому, а Иванъ Ѳедор. за заставу. (Кладбище ..... очень красивое, и ..... катакомбы, какъ улеи, съ обѣихъ сторонъ каплицъ. Бекетова башня надъ утесомъ, туда готовая обрушиться и пр..... Книжная лавка ..... [1]).

До Минска я ѣхалъ около 27 часовъ—186 верстъ. Много песку, и при перемѣнѣ лошадей возятся не долго; я ожидалъ только въ одномъ мѣстѣ, въ 1-й станціи отъ Вильна. Минскъ порядочный, широко расположенный городъ; домовъ мало: пожаровъ было много. Сегодня праздникъ (Пречистая что-ли) и дѣятельности не видно. Жиды празднуютъ вчера и сегодня и цѣлую недѣлю свои кучки—странствіе 7 лѣтъ по пустынѣ (на этотъ случай строятъ они по деревнямъ при домахъ шалаши, покрываютъ сосновымъ игольемъ и тамъ ѣдятъ). Познакомился съ инспекторомъ гимназіи Григ. Вас. Смирновымъ, сообщившимъ 6 изъ Бѣлорусскихъ пѣсень (его и въ трудахъ Бѣлор. учениковъ). Были съ нимъ у Кобылинскаго въ его кабинетѣ рѣдкостей: есть вещи любопытныя. Останавливался въ трактирѣ Лукашевича: нечистая комната, а 5 злотыхъ въ сутки. И въ Минскѣ нашъ соборъ—изъ католической церкви.

14-е сент. Кіевъ. Понедѣльникъ.

Вотъ ужъ 3-й день какъ я въ Кіевѣ. Изъ Минска я ѣхалъ на Бобруйскъ и Черниговъ, все на перекладныхъ, обывательскихъ (почтовыхъ не давали отъ самаго Бобруйска: онѣ были оставляемы для великаго князя Михаила Павловича, который долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ и сегодня пріѣхалъ). Дорога большею частію песчаная; Бобруйскъ чудесная крѣпость, но городъ пустъ и довольно дуренъ. Черниговъ лучше, но мало лучше, и опять пустъ; зданій хорошихъ мало, исключая гимназіи, лавокъ тоже мало. Есть остатки старыхъ укрѣпленій.— Кіевъ я увидѣлъ изъ Броварей (послѣдней станціи до Кіева), и потомъ съ

[1]) Нѣсколько словъ, замѣненныхъ точками, не разобрано.

шоссе, идущаго отъ Броварей до Днѣпра; лавра и часть Кіева были постоянно передъ глазами. На рогаткѣ Кіевской спросили паспортъ, и опять отдали. Я поѣхалъ прямо къ брату въ канцелярію, и у него остановился. Немного тѣсно и неловко (у него живетъ товарищъ Крафусъ); но какъ нибудь перебьюсь. Братъ принялъ меня по братски: добрѣйшій человѣкъ, но неакуратенъ. Расчетливымъ ему нельзя быть; много издержекъ бесполезныхъ и вмѣстѣ необходимыхъ. Жизнь болѣе уединенная (т. е. подалѣе отъ товарищей) была бы ему очень полезна. Третьяго дни я ѣздилъ вечеромъ съ нимъ въ баню; въ дорогѣ я очень простудился, и это мнѣ помогло. Вчера былъ утромъ и вечеромъ у ректора Неволина, гдѣ нечаянно увидѣлся съ Надеждинымъ, ѣдущимъ въ Петербургъ служить, и на дорогѣ заболѣвшимъ ревматизмомъ. Сегодня заѣзжалъ за мною Мариновскій, мой прежній ученикъ, а теперь саперный офицеръ, и возилъ меня въ лавру, гдѣ служилъ митрополитъ, и въ Андреевскую церковь; а вчера мы съ нимъ ходили въ Царскій садъ гулять, и тамъ я увидался съ моею прежней ученицей Кошелевой. Кіевъ не городъ, а собраніе хуторовъ и дачъ около церквей. Печерскъ—цѣховой городъ, Липки—лучшаго общества, Крещатикъ—ни то ни се, Кіевъ старый—мѣщанскій, Подолъ— купеческій. Центра въ городѣ нѣтъ, и это ему очень вредитъ. Какъ жаль, что Днѣпръ мелѣетъ. Какъ богатъ Кіевъ видами, это городъ для живописца; другого подобнаго я не видалъ. Но за то и горы непослѣднее неудобство для жителей. Что вамъ лучше нравится, Кіевъ или Харьковъ? По мнѣ Харьковъ лучше. И въ Кіевѣ много хорошихъ зданій, но они всѣ такъ разсѣяны.

Дополненія.

Варіантъ письма XXXV.

Легницы (Лигницъ). 1840, 23 августа.

№ 24.

Наконецъ я простился съ Вратиславью, простился со слезами, будто съ родиною. Незабвенный Пуркиня провожалъ меня до почты, Маркусъ, у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ нарѣчіи, тоже; Макерле и Шпакерле не захотѣли тоже остаться дома,—одинъ несъ портфейль, другой трубку и табакъ,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ дома, а когда почтальонъ затрубилъ и я долженъ былъ садиться въ карету, Шпакерле обвился около меня, заплакалъ и, стыдясь слезъ, сталъ кусать меня въ плечо. Не говорю о старикѣ: онъ принимаетъ во мнѣ, въ моемъ путешествіи участіе,

чаея родной отецъ, и не скрылъ, что скучно ему будетъ безъ меня. Мое чувство не слабѣе: я такъ свыкся съ семействомъ Пуркини, что считалъ себя членомъ его, былъ сыномъ старика, братомъ малютокъ, и цѣлую дорогу до Легницъ скучалъ, грустилъ, молчалъ, досадовалъ, что другіе говорятъ. Теперь сижу одинъ, не дождусь, какъ дѣти придутъ звать меня ужинать и, сѣвши ко мнѣ на руки и обнявши меня, запоютъ: «поливка чека» (супъ ждетъ) или что нибудь подобное, не увижу почтеннаго лица старика,—и съ грусти сѣлъ за письмо къ вамъ, милая маменька. Авось легче станетъ.

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно по крайней мѣрѣ посмотрѣть, что это за маранье, а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ, который хоть и не великъ, но старъ и любопытенъ.

Подъѣзжая къ городу, видишь прежде всего кладбище (въ Германіи почти всюду такъ): такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ, и, разумѣется, на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Такъ и тутъ: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане, Венды далеко,— а уже все напоминаетъ Славянщину,—и физіономія, и одежды женщинъ, и расположеніе огородовъ, и самые плетни. Гляжу на эту страну, какъ на поле, на которомъ жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ уже вылѣзаетъ всюду. Была ли снятая жатва зрѣла? Уже ли безъ паханья не выростетъ новая?—Кто знаетъ.

Впрочемъ страна, по которой ѣхалъ я, не такъ скучна какъ Силезія: лѣсу больше, есть виды, и даже вдали видны очень Исполиновы горы. Чѣмъ ближе къ Саксоніи, тѣмъ болѣе надеждъ на возможность любоваться природою. Увижу, какъ будетъ далѣе, и напишу... а теперь спать.

24-е.

Лигницъ лежитъ при втеченіи Черной Воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низкое, по крайней мѣрѣ не скучное. До семилѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь остались только башни, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, а по серединѣ площади домъ ратуши съ разными частными пристройками, какъ и въ Вратислави, и во всѣхъ Силезскихъ городахъ и во многихъ Нѣмецкихъ. Улицы, расходящіяся во всѣ стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то расширятся, то съузятся, то сойдутся къ одному трехъугольному междоулку, то, раскланявшись, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей не много—три или четыре, но всѣ хороши, а лучшая Фрауен-

кирхе, въ 1822 году разбитая молніей и вновь исправленная, очень хороша. Съ дали городокъ лучше нежели вблизи: домы грязны, малы, некрасивой формы, такъ что есть пословица «die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen» — мертвымъ въ Лигницѣ лучше, нежели живымъ. Кладбища въ самомъ дѣлѣ прелестны: памятники, довольно милые, окружены цвѣтами и деревьями, разставлены правильно, а между ними дорожки, усыпанныя пескомъ и обвитыя лентами резеды. Лигницъ славится своими огородами «Kräutereien»: вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей 12.000, а между тѣмъ я весь городъ и въ серединѣ и вокругъ обходилъ въ 3/4 часа.

25-е. Кинастъ въ 1600 фут. надъ площадью моря.

По срединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ разставлены столы, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любуется видами: я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку и любуюсь. Маменька, да пожалуйте же сюда! Разсказать право не умѣю; а очень, очень хорошо. На право отъ себя сквозь пихты и развалины замка я вижу знаменитую Снѣжку, лѣвѣе и влѣво и далѣе кругомъ обширная долина, покрытая горами, рощами, деревнями... Вонъ и Вармбрунъ, изъ котораго я пришелъ сюда, вотъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, и т. д. Словомъ видъ какъ съ Бездеса, и Исполиновы горы ввиду... За нихъ заходитъ солнце, туда и я иду. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и разскажу болѣе. Теперь буду любоваться; окрестность горитъ, и глаза горятъ радостью.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ добромъ; посрединѣ столикъ, подлѣ него народно внесенная кровать: вотъ гдѣ я. Тоненькій огарочекъ горитъ быстро и заставляетъ меня спѣшить ложиться спать. Какъ уснется, не знаю: съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ одномъ углу тамъ же съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча дамъ, и болтовня и хохотня; подо мною—музыка и танцы поселянъ и поселянокъ; да и моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то какая нибудь изъ служанокъ, то всѣ вмѣстѣ сѣмьей. Къ тому же, утомившись трехчасовою ходьбою изъ Кинайса въ Маріенталь и проголодавши, я наѣлся на пропало

картофля и сливокъ... Вотъ мое положеніе! И даже некому со мною или надо мною посмѣяться. Приходится разныя объясненія отложить до завтра. Можетъ быть завтра будетъ счастливѣе въ отношеніи покоя и освѣщенія.

26-е.

Я уже всталъ, и выспался прекрасно. Свечера говоръ и музыка меня убаюкали, а, проснувшись ночью, услышалъ тирольскія пѣсни и подъ нихъ опять заснулъ.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи.—Въ Лигницѣ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ; король Саксонскій недавно въ роли ботаника прошелъ чрезъ нихъ; наша императрица съ Ольгой Ник. и Лейхтенбергскими и вся Прусская корол. фамилія тоже тутъ въ Фишбахѣ и Эрмансдорфѣ; на водахъ Вармбрунскихъ также много гостей. И горы же такъ занимательны: какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко отъ нихъ. Оставивши въ Лигницѣ свой багажъ, въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Оттуда до Вармбруна съ небольшимъ часъ ходьбы, а, если бы ждать, то надобно бы было ждать до 2-хъ часовъ пополудни и пропадать со скуки; я пошелъ пѣшкомъ и въ половинѣ 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и залѣ танцовально-концертной, и по бокамъ этой аллеи, лавочки съ разными товарами, начиная отъ дѣтской игрушки и грошеваго куска мыла до турецкой шали. Я гулялъ тутъ и по городу до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ пошолъ къ нему обѣдать. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать общество: оно поселено въ гостинницахъ и приватныхъ домикахъ, живетъ тѣсно, но мило, уютно, большею частью на открытомъ воздухѣ, весело, безпечно; языкъ Нѣмецкій слышенъ больше всего; кромѣ Нѣмецкаго Польскій и рѣдко Французскій; одѣты всѣ, какъ можно лучше.—И потомъ пошелъ я въ Герисдорфъ, оттуда въ Унтере-Кинастъ, гдѣ нанялъ проводника на все путешествіе по горамъ, и сталъ взбираться на Кинастъ. Я шелъ туда не одинъ; три дамы сидѣли на носилкахъ и несены были туда же, за ними партія ремесленниковъ и т. д.—Видъ съ Кинаста превосходенъ.—Дорога отъ Кинаста до Маріенталя очень тяжела: идетъ съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя черезъ ревущіе ручьи, черезъ лѣса и т. д.

Цакен-фаль.

2 часа пути отъ Маріенталя: впрочемъ проводникъ мой такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ и, какъ видите, пишу, а потокъ и водопадъ гремитъ... Отойдите шаговъ 15 отсюда, и вы его увидите, какъ падаетъ онъ съ вышины 120 футовъ, т. е. 17 саженъ, разбиваясь три раза о скалы. Я сходилъ и на самый [берегъ] и обрызганъ былъ пылью потока.

Скалы стѣною стоятъ тамъ у водопада, и покрыты вѣчною влагою. Кругомъ дикой еловый боръ. Обыкновенно потокъ сверху бываетъ нѣсколько запруженъ, но его можно пустить на волю, что и сдѣлали для меня,—и водопадъ загремѣлъ, заревѣлъ, облился пѣною. Какъ бы прекрасно напиться здѣсь чаю вмѣстѣ съ вами!

Новосилезская Буда.

Все выше на горы, все далѣе въ горы,—и вотъ уже я на высотѣ 3638 футовъ; гдѣ ночевалъ, Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко-далеко равниною горы и долины, полуподернутыя туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. Я сижу въ бесѣдкѣ, а у дверей играетъ дѣвушка на арфѣ, а старикъ слѣпой на кларинетѣ, и, разумѣется, ждутъ отъ меня зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ не совсѣмъ дурно, но мелодія такая Нѣмецкая, однообразно кисло-сладкая, что смотрѣть на горы и слушать ее просто непристойно.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Я вовсе не усталъ, но, поднимаясь все выше и выше, дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь: вотъ и исторія, и статистика моего странствія.

За Ново-Силезской будою, гдѣ наконецъ открылъ я и двухъ Чешекъ, очень не далеко тянется граница между Богеміей и Пруссіей. Сѣвши на кверштейнѣ, я видѣлъ въ одну сторону порядочный кусокъ Силезіи, а въ другую еще большій кусокъ Богеміи: и Бездѣсъ, и за Бездѣсъ, и Торнаву, и Ичинъ, и, если бы телескопъ, я видѣлъ бы чуть не до самой Праги. Можете представить себѣ, что это за видъ.

Эльбы истокъ называемый Бѣлою Водою, колодезь и лачужка въ открытомъ полѣ.

Эльбфаль. Спустившись внизъ, что бы лучше видѣть водопадъ, я приказалъ спустить воду, и закурилъ трубку. Вода взревѣла, широкою волнисто снѣжною дорогою рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ за облака, и эта пыль покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное!

Дорога оттуда до Шнеегрубенъ-буды тяжела; за то видъ отсюда чудо. Тутъ есть уже и телескопъ и очень хорошій: я навелъ его на Гиршбергъ и увидѣлъ улицы, людей... Буда или домикъ, въ которомъ сижу и гдѣ уже пообѣдалъ, очень милъ, и напоминаетъ Русскіе домики. Тутъ они называются Швейцарскими. Гуляющихъ по горамъ много. Много и дамъ. Ихъ несутъ носильщики на носилкахъ, и за это платится въ день 3 талера = 10 рублей! Согласитесь, что это не дорого. Довольно; пойду любоваться.

Schnee Koppe (Снѣжка).

Таки добрался; хоть не видѣлъ захожденія солнца, однако только потому, что тучи были на западѣ. Что увижу завтра, о томъ напишу, а теперь объ обществѣ, собравшемся на Снѣжку: всего на все человѣкъ около 20 съ проводниками и изъ нихъ Славянъ до 15. До моего прихода все говорило по Нѣмецки,—я, нашедши между ними знакомыхъ по Брну и по Вратиславі, заговорилъ по Чешски и теперь, хоть и молчу, однако всѣ говорятъ по Чешски.—Представьте себѣ маленькую часовню, раздѣленную на двѣ части, и надъ одной изъ нихъ полати: тамъ лягло 11 человѣкъ, въ томъ числѣ и мое мѣсто. Другіе располагаются внизу на полу; остаются два Чеха, играютъ въ марьяжъ, да я пишу. Становится страшно жарко; однако весело.— Знаете ли, маменька, сколько я сегодня прошелъ? Не менѣе $7^1/_2$ миль, побольше 50 верстъ, и право не усталъ, не хотѣлъ бы идти далѣе, но могъ бы, особенно по равнинѣ. Можете представить, какъ тяжело было идти, когда я уже въ 5000 футовъ, т. е. чуть не $1^1/_2$ верстѣ надъ поверхностью моря. Добрая ночь, милая маменька! Какъ бы я желалъ, чтобъ увидѣли, разумѣется, на картинѣ эту каплицу, превращенную въ гостинницу, въ ея теперешнемъ положеніи. Насмѣялись бы порядкомъ. Ахъ, если бы завтра солнце взошло порядочно. Пойду, посмотрю на окрестности, покрытыя мглою. Небо слилось съ землею, и все темно. Чудное чувство рождается, когда глядишь съ такой высоты на такое пространство. Глядя внизъ считаешь все человѣческое такимъ малымъ, такимъ блошинымъ, а вспомнишь, что и самъ такая же блоха, самъ не знаешь, что думать. Однако, прощайте до завтра.

27-е. Гампель-Бауде.

7-мь часовъ. Спускаюсь прямо съ горъ внизъ, и уже чуть не до половины спустился. Ночью вовсе худо спалось... Потомъ слышу голосъ: «А что не пора-ли на солнце глядѣть? У кого есть часы? Пане профессоре!» Всталъ, сталъ всматриваться въ часы, ничего не увидѣлъ. «Должно быть еще рано!» И улеглись опять. Черезъ какіе нибудь полчаса опять тоже, и потомъ опять тоже. Это продолжалось до 4-хъ. Въ четыре всѣ вскочили, и изъ часовни. Розово-туманная полоса на востокѣ, а все небо и земля кругомъ какъ одна туча. Да и холодъ такой, что возможности не было простоять болѣе 5-ти минутъ на открытомъ воздухѣ. Такъ мы то выходили, то входили въ часовню. Видѣли впрочемъ все. Розовая полоса расширялась, туманъ бѣлѣлъ, потомъ потянулись розовато-оранжевыя нити. Потомъ показалось...

Варіантъ письма XXVII.

№ 27. Будишинъ (=Бауценъ). 26 сент. 1840. Саксонія.

И такъ я простился со Сгорѣльцемъ. Вчера въ половинѣ шестаго подъѣхала къ моей квартирѣ коляска: сѣвши въ нея съ вещами, я поѣхалъ къ Гаупту; тамъ тоже все было готово; вещи уложили, простились, и поѣхали— я, Гауптъ, Шмалеръ—въ Будишинъ, столицу горныхъ Лужичанъ. Въ половинѣ 7-го мы выѣхали, въ часъ пріѣхали: всего 6 миль. По дорогѣ видѣли мы Вендовъ и Вендокъ, но вскользь. Въ Будишинѣ мы остановились у Молодаго Мѣсяца, въ томъ самомъ домѣ гдѣ живетъ д-ръ Клинъ, другъ Гаупта. Мы съ Смолярёмъ заняли комнату въ гостинницѣ, Гауптъ отправился къ Клину. Послѣ обѣда всѣ четверо отправились пѣшкомъ гулять по окрестностямъ Будишина и сдѣлали прогулку верстъ въ 25: были на одномъ школьномъ праздникѣ, посѣтили городище Доброшавское, прелестно рисующееся на скалахъ, стѣнами опускающихся къ Спрее; проходили черезъ нѣсколько Вендскихъ деревень, взбирались на гору Любенцъ, видѣли съ нея чуть не подъ ногами границу Богеміи, далѣе спустились въ Будишинскую равнину, гдѣ всякій уголокъ напоминаетъ о войнѣ Русскихъ съ Французами, ужинали въ какой-то гостинницѣ, минутахъ въ 10 отъ Будишина, и въ началѣ 10-го воротились домой. Прогулка прекрасная. Д-ръ Клинъ былъ душою нашего общества: какъ юмористъ, забавлялъ онъ насъ остротами; къ тому же онъ очень образованный человѣкъ, и Вендъ. Болѣе всего утѣшало меня то, что онъ, не

смотря на то, что онъ и докторъ, и совѣтникъ полиціи, обращался съ Вендами, какъ со своими родными или друзьями, ласкалъ дѣтей, жалъ руку старымъ... Такихъ чиновниковъ нѣтъ въ Чехіи. Венды—добрый, умный, милый народъ, не бѣдны, и между тѣмъ сохранили много старыхъ обычаевъ, а языкъ занимаетъ средину между Польскимъ и Великорусскимъ. Выговоръ мягкаго *е* чисто Московскій; да и вообще мнѣ кажется, никто лучше Москвовца не можетъ выговаривать по Вендски.

Вечеръ.

Сегодня опять цѣлый день мы бродили въ троихъ съ Гауптомъ и Смоларемъ, сначала по городу, потомъ въ половинѣ 10-го вышли изъ города по дорожкѣ къ горамъ. Обѣдали у лѣсничаго верстахъ въ 15 отъ Будишина, съ нимъ пошли на гору Чернобогъ, оттуда на Прашицу,—и къ 6 часамъ были дома, ни мало не утомившись. По дорогѣ мы заходили къ одному городищу. Чернобогъ очень высокъ и представляетъ прекрасные виды во всѣ стороны, на Лаузицъ, на Чехію, на Саксонію и Саксонскую Швейцарію. Многія мѣста на Чернобогѣ освящены преданіемъ: тутъ приносили въ жертву людей, тутъ была кафедра, тутъ Чертово окно, тутъ адъ. На Прашицѣ скалы красивѣе, но воспоминаній нѣтъ. Между ними Громадищъ — мѣсто собраній старыхъ язычниковъ Вендовъ, а неподалеку и котелъ, пробитый въ камнѣ, всегда наполненный водою, и въ немъ умывали они руки. Прогулка прекрасная и не малая, навѣрно верстъ 35 или тридцать. Вечеръ провели всѣ вмѣстѣ съ Клиномъ въ нашей комнатѣ. Тутъ были и два гимназиста Венда, изъ членовъ Вендскаго Будишинскаго общества.

27-го.

Воскресенье. Въ девять часовъ пошли мы съ Шмалеромъ въ Евангелическую Вендскую церковь и слушали проповѣдь, слушали и смѣялись искусству проповѣдника мѣшать нѣмщину со славянщиной. Не дослушавши, пошли мы въ католическую Вендскую церковь, но проповѣди уже не застали. Потомъ пошли въ соборъ. Чудное зданіе—кривое, искоробленное, и къ тому же еще раздѣленное на двѣ части: задній олтарь—католическій, а передній евангелическій. Обѣдали у Клина. Послѣ обѣда пошли за городъ, посѣтили два городища и скалу, называемую П ш и б о о м ъ «идоломъ». Скала стѣною; на скалѣ стародавнія липы, подъ скалою Спрее, и такъ глубока, что дна еще не достали. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ идолъ, и сверженъ былъ въ воду. Скалисто-лѣсистыя окрестности превосходны. Въ 7 часовъ мы

воротились домой, и съ Шмалеромъ цѣлый вечеръ занимались. Теперь уже скоро одинадцать. Пора спать. Желаю и вамъ покойной ночи. Вы вѣрно уже почиваете, милая маменька; а если нѣтъ, то вѣрно и обо мнѣ подумали хоть минутку. Прощайте.

29-е сент. т. е. 17-е.

Помните, милая маменька,—17-е сентября? Какъ не помнить вамъ когда вы меня такъ нѣжно любите!—Годъ тому назадъ вы провожали меня, плакали, благословляли и плакали. Господи, уже цѣлый годъ я не вижу васъ! Время это такъ быстро шло, что я самъ себя спрашиваю: ужели годъ? И слезы навертываются на глаза. Да, годъ! И я же могу хоть полужелать еще года полтора остаться не дома! Впрочемъ, милая маменька, право, я только полужелаю. Родные и знакомые, дома и не дома—большая разница.

Вчера я былъ въ двухъ библіотекахъ и работалъ цѣлый день надъ перечитываніемъ рукописей, тамъ найденныхъ. Сегодня утромъ то же. Послѣ обѣда съ Гауптомъ и Шмалеромъ ходили опять на Доброшовское городище и копали тамъ. Найдти ничего не нашли кромѣ черепьевъ перекаленнаго гранита и множество угля. На утесѣ, опускающемся стѣною въ 100 шаговъ къ Спрее, сидѣлъ я, смотрѣлъ на работы нашихъ работниковъ и мечталъ о давно минувшемъ, мечталъ, какъ на этомъ мѣстѣ приносились жертвы богамъ, сожигались мертвые, пѣлись пѣсни... Смотрѣлъ на окрестности, населялъ ихъ хижинами богомольныхъ язычниковъ, сзывалъ ихъ сюда къ молитвѣ. Вотъ какъ я встрѣтилъ новый годъ. Потомъ воротился домой и съ Шмалеромъ пилъ чай. Теперь сидимъ съ нимъ за однимъ столикомъ и оба пишемъ, я письмо, а онъ Вендскіе разговоры, которые приготовляетъ къ печати. Мы живемъ съ Шмалеромъ по братски. Доброй человѣкъ. Одно не хорошо: по Лужицки я говорить не могу, а слѣдовательно долженъ говорить по Нѣмецки.

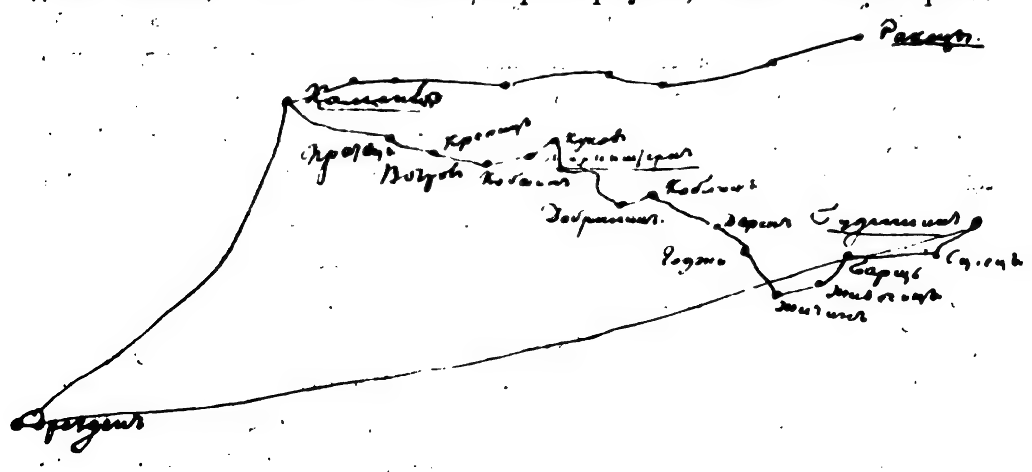
Еще два слова о Будишинѣ. Миленькій городокъ съ башнями и стѣнами, оставшимися отъ старыхъ укрѣпленій. Съ запада онъ опускается къ Спрее, и съ Дрезденской дороги рисуется амфитеатромъ. Жителей болѣе 10.000. Двѣ улицы прекрасны, широки и прямы. Лужицкое нарѣчіе слышится безпрестанно. Оно очень пріятно. Ну вотъ напримѣръ: Добру ноцъ, моя люба мачи! Я пшею (желаю) вамъ добре соны. То со вѣ, зо дыжъ со вамъ джіѣ со вамъ тей жъ вотe мнѣ доиѣчь будже (разумѣется, что во снѣ помечтаете вы и обо мнѣ). Кнѣзъ Смолярь дава вамъ велѣ добрево праичь (приказываетъ отъ себя сказать вамъ все хорошее, т. е. кланяется вамъ). Добру ноцъ, моя наилюбша!—NB. Читайте это совершенно по Русски.

Монастырь Маріенштернъ (Клоштеръ святеи Марьи звѣздички) въ 4 часахъ отъ Будишина. 1-е октября 1840.

Вотъ гдѣ я, милая маменька. И прошолъ уже первый день нашего пѣшеходнаго путешествія по Лужицамъ. Въ половинѣ 10-го вышли мы съ Смолярёмъ изъ Будишина, до обѣда осмотрѣли три городища, послѣ обѣда четыре, и пришли сюда въ половинѣ 7-го, исходивши не менѣе 3½ миль, если не болѣе. День прекрасный. Путешествіе занимательное и веселое. Вы увидите, какъ далеко пойду я. Сегодня я не говорилъ ни слова по Нѣмецки: все по Горно-Лужицки, и въ Лужицахъ не хочу говорить иначе. Лужичане хорошо живутъ, и народъ радушный, гостепріимный, довольно просвѣщенный, веселый. Что меня болѣе всего радуетъ, это пѣсни: какъ въ Россіи, онѣ раздаются тутъ всюду, и даже многіе напѣвы напоминаютъ о Русскихъ. Какъ жаль, что этотъ народъ такъ малъ! Земля богата; виды на горы очень милы; деревни на каждомъ шагу. Въ поляхъ дѣятельность: сѣютъ и боронятъ или собираютъ отаву.

Каменцъ. 2 окт.

Въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Маріенштерна, заглянувши прежде въ самый монастырь и въ церковь. Монастырь этотъ женскій, и, какъ всѣ католическіе монастыри, хорошо построенъ. Самое селеніе очень мило. Всего милѣе сестра хозяйки постоялаго двора, гдѣ мы останавливались. Простившись съ Маріенштерномъ, мы пошли искать городищъ, и до сихъ поръ осмотрѣли три. Теперь одинадцать часовъ; мы завтракаемъ и черезъ четверть часа идемъ далѣе. Каменцъ стоитъ на скалахъ, хорошо рисуется, но самъ очень не хорошъ.

И посмотрите, какъ мы странствуемъ, само собою разумѣется, по тропинкамъ—«счежкамъ», а гдѣ не по «счежчѣ» такъ черезъ поле или черезъ лугъ.

Теперь мы въ 5 часахъ ходьбы отъ Дрездена,—и идемъ вовсе не въ Дрезденъ, а на сѣверъ и потомъ на востокъ. Сегодня ночуемъ, не знаю гдѣ еще придется, а завтра у родныхъ Смоляря. Прощайте до вечера.

Вечеръ. Ракецы.

Сегодня сдѣлали мы препорядочной переходъ: никакъ не менѣе 4½ миль, т. е. около 35 верстъ. До Ваза, родины Смоляря остается два часа пути.—Что же сказать вамъ? Не могъ не замѣтить, что Венды народъ не только не бѣдный, но даже, кажется, богаче Чеховъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили, всѣ говорятъ и по Нѣмецки. Это двуязычіе не можетъ не вредить чистотѣ Вендскаго языка, и Венды точно довольно часто употребляютъ Нѣмецкія слова; впрочемъ, изъ устъ пасторовъ въ проповѣдяхъ желаютъ слышать чисто Вендскій языкъ и смѣются надъ тѣми, которые не наблюдаютъ чистоты языка. Мѣста прекрасныя: горы въ виду, лѣсу много, воды много, деревеньки премилыя, въ зелени, и каждый домикъ обвитъ виноградомъ, поляны роскошны. Только уже осень, осень. Туманъ насъ велъ по пути, а теперь льетъ проливной дождь. Хорошо, что намъ остается небольшой переходъ до отдыха. Впрочемъ, грязи большой тутъ быть не можетъ: почва усѣяна камнями.

Пруссія. Вазъ. 4 окт.

Вчера пока встали да осмотрѣлись, умылись да одѣлись, напились кофе да выкурили по сигарѣ, ударило девять. Подъ туманомъ пошли мы къ первой цѣли нашего странствія—къ Вазу или Лазу, родинѣ Смоляря, перешли изъ Саксоніи въ Пруссію, и черезъ 1¾ часа были въ Вазѣ. Изъ за густыхъ высокихъ липъ и тополей выглядываетъ башня церкви. Рядомъ съ нею стоитъ домикъ, называемый школою, тоже заросшій деревьями; къ этому домику подошли мы. Изъ домика услышали наши голоса и вышли встрѣчать жданныхъ гостей: вышелъ лысенькій старичокъ въ тулупѣ, вышла веселенькая полустарушка въ крестьянскомъ платьѣ, вышли двѣ босыя дѣвочки. «Витай, сынку! Витай, брачику! Витайче кнѣже» говорили они и по Вендскому обычаю жали намъ руки. Потомъ вошли мы въ домикъ. Въ этомъ домикѣ на право большая комната—школа, на лѣво комнатка съ стряпальною печью и за нею другая крошечная съ постелями. Въ сѣняхъ разные закоулки и кажется еще комнатка. На чердакѣ еще комнатка довольно длинная и очень, очень узкая. Эта послѣдняя была приготовлена для насъ. Мать Смоляря сама

не знала, какъ насъ угостить. Сначала былъ завтракъ, потомъ обѣдъ; послѣ обѣда мы пошли на верхъ, а въ школу подъ нами собрались мальчики и дѣвочки и подъ предводительствомъ старика Смоляря запѣли, зажужжали; потомъ кофе, въ 7 часовъ ужинъ; въ 8 пришелъ буръ съ буровкой (селянинъ съ селянкой), родные хозяйки, потомъ пасторъ Зейлеръ, знаменитый въ Вендской литературѣ сочинитель Горно-Лужицкой грамматики,—и пили шоколадъ. Говорили по Горно-Лужицки, и я тутъ же,—разговаривали весело, по просту, очень хорошо. Въ 10½ опять подали другъ другу руки и, сказавши другъ другу: «добру ноцъ! спиче дере (хорошо)», разстались. Зейлеръ съ фонарикомъ пошелъ домой, буръ съ буровкой тоже, мы съ Эрнестомъ на верхъ.

Теперь 8 часовъ. Намъ принесли кофе. Будемъ пить, потомъ заниматься, а потомъ въ церковь.

5 окт.

Въ церковь мы пошли въ половинѣ 10-го. Церковь была полна. На нижнихъ лавкахъ сидѣли женщины. На хорахъ, которые въ три яруса идутъ около церкви, были мужчины. Мужчины не имѣютъ почти ничего національнаго въ своемъ костюмѣ: длинные сюртуки, жилеты, шляпы дѣлаютъ ихъ похожими на нашихъ мѣщанъ. За то нарядъ женщинъ оригиналенъ: почти всѣ замужнія имѣли на головѣ большой широкій бѣлый платъ, заколотый подъ горломъ и прикрывающій всю талью, а дѣвушки имѣли на головѣ что-то въ родѣ очипка съ лентами; жарующія, т. е. въ трауръ, который продолжается тутъ 53 недѣли, были въ черныхъ юпкахъ, и тоже въ платѣ, но такъ длинномъ, что юбка видна снизу только на четверть. Зейлеръ говорилъ прекрасную проповѣдь, прекрасную по содержанію, прекрасную и по чистотѣ языка. Въ часъ мы пошли обѣдать къ Зейлеру. Потомъ глядѣли на обрядъ погребенія и крещенія. Вечеромъ опять были у Зейлера и просидѣли до 11 часовъ. Пили чай, а Зейлеръ съ Эрнестомъ и отцомъ его пѣли Лужицкія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ удивительное сходство по мелодіи съ Русскими.

Сегодня идемъ обратно въ Ракецы, гдѣ ярмарка.

Варіантъ письма XXXIX.

Дрезденъ. 19 окт. 1840.

Вы конечно угадали, милая маменька, что здѣсь начну я мой № 28. Проѣхать мимо было бы во всякомъ случаѣ непростительно: проѣзжая черезъ Дрезденъ въ первый разъ, я оставался въ немъ только на полтора дня, съ городомъ познакомился мало, собраній рѣдкостей и галлереи не видалъ, спѣ-

шилъ въ Прагу и надѣялся видѣть Дрезденъ еще разъ. Теперь я тутъ и останусь на нѣсколько времени. Послѣ обѣда буду заниматься моимъ дѣломъ, а утрами осматривать галлерею, музеи, библіотеку. И вотъ, какъ провелъ я вчерашній день.

Вы уже знаете, что третьяго дня въ Котбусѣ я сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ Госреверду, гдѣ меня ждали мои вещи. Получивши ихъ, я пересѣлъ въ Саксонскій дилижансъ—и въ Дрезденъ. Не могу не вспомнить о послѣдней Прусской станціи—отъ Госреверды до границы: дожди такъ испортили дорогу, что лошади не только не думали спѣшить, но даже и шагомъ идти. Большею частью мы шли пѣшкомъ. Шли пѣшкомъ и вязли. И такую дорогу называютъ шоссе! Въ 6 часовъ утра мы пріѣхали наконецъ въ Дрезденъ.—Я перебрался въ Hotel de Pologne, очистился, одѣлся, пошелъ къ придворному капеллану Грабѣтѣ, потомъ по городу таскаться, потомъ въ 11-ть въ католическую церковь, гдѣ былъ король и королева и гдѣ играла превосходная музыка, потомъ обѣдать, потомъ опять давай таскаться по городу, въ 6 часовъ въ театръ... Два слова о Дрезденѣ: на равнинѣ вблизи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ лежитъ онъ зеръ фрайндлихь, на правомъ берегу новый городъ, чисто, правильно выстроенный, на лѣвомъ старый городъ—главная часть Дрездена, и предмѣстія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивы, впрочемъ черныя зданія, перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, грязные, глухіе переулки съ улицами, не большими, но правильными. Площадей много, но всѣ, кромѣ Стараго рынка, или малы или неправильны; за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Зелени очень много,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена: садовъ и аллей болѣе нежели въ предмѣстьяхъ Вѣны. Потомъ Эльба, ея живописныя берега, превосходный (600 шаговъ длины) мостъ, съ котораго нельзя не любоваться и Дрезденомъ, и рѣкою, и ея берегами. О самыхъ жителяхъ не знаю что сказать: вчера было воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцовъ въ лучшемъ одѣяніи, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусія; вчера же я заходилъ и въ очень многіе домы, и не могъ не замѣтить, что входы, лѣстницы, сѣни, корридоры ужасно нечисты; можетъ быть, въ одинъ изъ ста домовъ не отвратительно войти, а иногда встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же театръ отмѣнно грязенъ и тѣсенъ. Взявши мѣсто въ Cercle, я вошелъ; мнѣ указали на скамью, смотрю—вся полна, пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой №, между двумя дамами, говорю имъ,—не отвѣчаютъ; что дѣлать? вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ «Um Endschuldigung» и сѣлъ на моихъ со-

сѣдокъ какъ въ кресло. Вы хохочете, и говорите, какой я невѣжа; иначе, маменька, нельзя; не сдѣлай я этого, я не получилъ бы своего мѣста,—и при томъ это обычай. Занявши мѣсто, я оглядѣлъ публику: мѣщанство, безвкусіе, рожи. Наконецъ занавѣсъ поднялся, раздалась скрыпка Липинскаго, потомъ вышла Шредеръ-Девріанъ... Давали Монтекки и Капулетти; Шредеръ играла роль Ромео, Кортинъ ролю Джульетты. На Кортинъ, выступавшую въ первый разъ на сцену, жаль было смотрѣть: миленькая съ пріятнымъ голоскомъ, но трусъ. За то Ромео! Алтъ не такой чистой и полной, какъ у незабвенной Врамбиллы, но мягкость управленія голосомъ, удивительное sotto-voce, и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій, тѣмъ болѣе поразительная, что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Сцена погребенія и весь конецъ превосходны: вспоминаешь Шекспира, слышишь Липинскаго, видишь Шрѐдеръ,—наслаждаешься. День окончился для меня совершенно нечаяннымъ образомъ: выходя изъ театра, слышу Русскіе голоса, оборачиваюсь... Калиновскій, Берлинскій знакомецъ, передо мною. Посмотрѣли съ изумленіемъ другъ другу въ глаза и обнялись. «Давно вы здѣсь?»—Сегодня пріѣхалъ. А Вы?—«Недѣлю живу, былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ двѣ недѣли отправляюсь въ Лейпцигъ.»—Такъ стало быть вмѣстѣ?—«И прекрасно!» Пошли ко мнѣ, оттуда къ нему, и до одиннадцати проболтали.—Впрочемъ уже ½ 9-го: пора въ галлерею. До вечера.

Второй варіантъ письма XXXIX.

Дрезденъ. 1840. окт. 27.

И такъ я въ Дрезденѣ, и вы, конечно, милая маменька, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена, и не завернуть въ него—это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ да и не къ чему; но картинная галлерея, но разные музеи, кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ сначала о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя издерживать въ день менѣе двухъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни, сыскалъ квартиру и переселился. Въ Wilsdruffergasse (NB. одной изъ лучшихъ въ Дрезденѣ) въ № 28 первый этажъ занимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную комнатку, другія отдаетъ въ

наемъ пріѣзжимъ; у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна Польская графиня съ теткой, да и только. Мои сосѣдки занимаютъ одну большую комнату и шлафъ-кабинетъ, я тоже шлафъ-кабинетъ и не такъ большую комнату. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ не заставленными,—и, что нельзя не замѣтить, мы—сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ я также слышу только шопотъ. Г-жа тетушка должна быть пресмирная женщина, а графиня 14 лѣтъ отправляется каждый день куда-то учиться. Только вечеромъ въ 10 часу слышу я «Отче нашъ» и «Вѣрую», читаемыя молоденькой графиней, и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ (то есть я) долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрыпъ пера или ворочанье листковъ». Можете представить, какъ у насъ тихо, когда и скрыпъ пера слышенъ. У графини есть дѣвушка служанка Полька, но это не разрушаетъ тишины: я только раза два говорилъ съ нею по Польски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физіогноміи. Надобно сказать слова два и о моей хозяйкѣ: старушка предобрая и преуслужливая: я ей вѣрю, а она очень рада, что я ей вѣрю, и еще болѣе рада, что я съ ней говорю и сажаю на софу. Въ знакъ благодарности она убрала мою постель тюфякомъ и одѣяломъ—по Русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной мы тоже въ миру. Плачу же я 3 талера за 2 недѣли.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе. Потомъ до 10 или 9 занимаюсь. Потомъ вонъ—въ картинную галлерею, библіотеку и т. п. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6-ть въ театръ. Въ 9 домой и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки: капеланъ Грабѣта и библіотекарь Клемъ единственные мои знакомые, да и тѣ были у меня раза по два. Къ Тику собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ, да и только. Былъ тутъ и Калиновскій изъ Берлина, да уже уѣхалъ.

Теперь о Дрезденѣ. Дрезденъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на лѣвомъ [1]) Neustadt. Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань; Altstadt шуменъ какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво изъ за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ,

[1]) Чит.: на правомъ.

и черезъ Georgenthor входишь въ шлоссъ-гассе; идешь прямо по ней и доходишь до Altmarkt, сворачиваешь на право, т. е. на лѣво (ошибся) нѣтъ, нѣтъ,—на право (не смѣйтесь: я не забылъ гдѣ право, а гдѣ лѣво, а такъ, ошибся) и по Wilsdruffergasse доходишь до почты, оттуда до глупаго Цвингера не далѣе какъ до церкви Дмитрія, оттуда до католической церкви не далѣе какъ до Острога отъ церкви, оттуда мимо Georgenthor и моста 100 шаговъ до Брюлевой террасы, оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерея не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества, оттуда шаговъ триста до Altmarkt Grüne Gevölbe въ 5 шагахъ отъ Цвингера. Японскій дворецъ, гдѣ и библіотека, за мостомъ, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до монастыря. Нагородилъ!

Ну, да Семенъ Семеновичъ [1]) вамъ объяснитъ. Лучшее украшеніе Дрездена—Эльба. Это не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нее въ 600 шаговъ длины—прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. Дрезденъ такъ малъ, что, идя по любой большой улицѣ, увидишь поле. И Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, еслибъ не этотъ проклятой сѣрой цвѣтъ, которымъ покрыты всѣ домы. Магазины на Шлоссъ-Гассе и Wilsdruffergasse очень богаты. Такъ бы вотъ и купилъ и то другое! Толкотня на этихъ улицахъ и на мосту безпрерывная до 10 часовъ; а въ 10 всѣ ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти также часто какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ тоже не рѣдкость. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго ничего нѣтъ.

Завтра буду говорить вамъ о церквяхъ, о театрѣ, о галлереѣ и т. д., а теперь спать. Мои сосѣдки давно уже почиваютъ; да и ночной сторожъ протрубилъ уже въ рогъ и пожелалъ покойной ночи. Пожелаю и я вамъ и себѣ той же покойной ночи. Сегодня былъ у меня вечеромъ Клемъ: завтра будемъ съ нимъ разсматривать рукописи въ библіотекѣ, а послѣ обѣда пойдемъ вмѣстѣ въ Porcellanen Sammlung. Послѣ завтра въ Staats Archiv; а сегодня утромъ осматривалъ разныя разности въ Цвингерѣ.—Покойная ночь.

XLV. a[2]).

11 февраля.

Можно ли такъ? Полмѣсяца ни строки! Вы уже ждете моего письма,

---

[1]) С. С. Лукьяновичъ.

[2]) По ошибкѣ это письмо было пропущено въ своемъ мѣстѣ; оно относится къ февралю 1841 г.

милая маменька, вы уже начинаете думать обо мнѣ, что со мною,—а со мною ничего. Живу однообразно какъ въ деревнѣ: утромъ приходитъ Хорватъ, и до 10 занимаемся; далѣе я самъ, или къ Вуку. Въ концѣ 1-го приходитъ опять Хорватъ, и идемъ обѣдать; послѣ обѣда опять занимаюсь, иногда вмѣстѣ съ Хорватомъ; вечеромъ то къ Вуку, то къ Княжевичу, то въ театръ (очень рѣдко), то дома. Занимался между прочимъ отчетомъ, и на днахъ посылаю. Княжевичу и Надеждину онъ понравился, не знаю что-то скажутъ о немъ у насъ въ Харьковѣ. Да узнаетъ о семъ Амвросій, и увѣдомитъ меня. Я было захворалъ: щека опухла. Надобно было сидѣть дома нѣсколько дней. Знакомые не забываютъ меня: Хорватъ, Заикинъ и Анненковъ, Вукъ, былъ и Надеждинъ съ Княжевичемъ. Что за человѣкъ этотъ Княжевичъ! О если бы у насъ было такихъ болѣе!

Въ театрѣ былъ въ это время два раза. Разъ въ Гофбургѣ, разъ въ Каринтійскомъ. Въ первомъ давали Корреджьо Эленшлегерга. Лёве въ роли Кореджьо былъ прекрасенъ; а Аншюцъ въ роли Микель Анджело еще лучше.— Въ оперѣ былъ вчера. Давали Фигаро Моцарта. Что за музыка! И Люцерова играла Сюзанну прелестно. Къ ней такъ пристало въ этой роли ея напочное, полненькое, мякенькое личико, ея медовой голосокъ! Тучекъ играла пажа также прекрасно. Пѣсню пажа и письмо графини (дуэтъ ея съ Сузанной) заставили повторить: стоило.

Въ этотъ разъ я познакомился въ театрѣ съ Русскимъ, гр. Ламбертомъ [1]), и узналъ отъ него, что Бодянскій во Фрейвадау лечится водою — 19 мѣсяцевъ, и помощи не видать. Это ужасно! Жаль его и какъ человѣка и какъ одного изъ насъ.

Сегодня съ Заикинымъ, Анненковымъ и двумя Датскими путешественниками ходили въ картинную галлерею гр. Лихтенштеина. Цѣлый домъ, цѣлый дворецъ: 25 комнатъ. Есть прекрасныя картины—Гвидо Рени, Рубенса, Корреджьо, Луки Джіордано, Каналетто и т. д. 1400 картинъ. Есть превосходныя; Іоаннъ Креститель Корреджьо чудо милъ; виды Каналетто—какъ обыкновенно; Рафаэль дуренъ.—Изъ галлереи пошли въ зимній садъ; это огромная оранжерея, а при ней огромный погребъ, усаженный елками, — дорожки, ручеекъ, мостики, цвѣтныя стекла въ окнахъ, статуи, и т. д. – игрушка, похожая немного на дѣтскую. Впрочемъ освѣщеніе деревьевъ сквозь разноцвѣтныя стекла очень красиво.

Сегодня даютъ «Вѣрность дѣвушки» Моцарта—хочется идти. Не полѣнюсь такъ и пойду.

[1]) К. О. Ламбертъ (ум. 1843)—французскій эмигрантъ, генералъ отъ кавалеріи русской службы.

14-е.

Полѣнился, и не пошелъ; а на другой день былъ въ картинной галереѣ царской, въ Бельведерѣ. Большая, но куда не такъ богата какъ Дрезденская. Въ бель-этажѣ на право Итальянская школа. Тутъ мнѣ особенно понравились Архангелъ Михаилъ, повергающій отпадшихъ духовъ, Маратты смерть Іосифа, Рафаэля Мадонна въ зелени и т. д. На лѣво школа Нидерландская: Рембрандтъ, Фанъ-Дейкъ, Рубенсъ, Теньеръ и т. д. Рубенсовъ Лойола—17 футовъ ($2^1/_2$ сажни) вышиною. Мать Рембрандта, имъ самимъ нарисованная, чудо что за старушка. Внизу и вверху разныя разности разныхъ школъ. Тутъ между прочимъ портретъ Купецкаго, имъ самимъ написанный—удивителенъ. Венера Ламли—чудо красота. Возвратъ солдата на родину Крафта тронулъ меня до слезъ, особенно когда взглянешь на нее, взглянувши на Уходъ этого солдата изъ родины. На этой—старикъ, жена, заплаканная съ дитятью на рукѣ и съ дитятью въ рукѣ, собака — провожаютъ солдата. Года черезъ три-четыре, онъ воротился: малютка его уже бѣгаетъ, другая стала большою дѣвочкой, жена отъ радости не знаетъ, что дѣлать, старикъ тоже рванулся, а вдали идутъ солдаты, и у самыхъ рядовъ жена бросилась къ одному изъ солдатъ и обнимаетъ его. Можно бы и лучше сдѣлать; но спасибо Крафту и за мысль. Дѣлать людей выше людей, ниже людей—хорошо; но дѣлать людей людьми—это выше всего. Вальдмюллеровъ Инвалидъ съ дѣтьми также милъ. Странны Арчимбольдовы Осень, Зима, Вода и Огонь: у Осени и носъ, и глаза, и волосы и все изъ плодовъ, у Воды все изъ рыбъ и черепахъ. Тамъ же Сальватора Битва, Казановы Битва, виды Каналетто. Много Менгса: нѣжно, безчувственно.

Вчера я получилъ письмо изъ Праги отъ Прейса. Пишетъ о Чешскомъ балѣ (былъ таки и блестящій) и о Чешскомъ театрѣ. Письмо превосходное. Когда нибудь прочту его вамъ [1]).

Вчера же вечеромъ былъ у Княжевича. Сегодня у него обѣдаю. Пора одѣваться.

15-е.

У Княжевича обѣдалъ, а вечеръ—въ театрѣ: давали Гугенотовъ или, какъ здѣсь передѣлали, Гвельфовъ и Джибеллиновъ, Майербеера. Изабеллу

[1]) См. Живая Стар., 1891, № 3, стр. 13—21.

играла Люцерова. Голосъ не громокъ, кричать не можетъ; но что за мягкость, что за нѣжность, что за выдержка, что за арпеджьо, что за тремоло, что за sotto-voce! Во второмъ дѣйствіи она въ своихъ садахъ,—и поетъ пѣснь, весело самодовольную: это ея характеръ. Я не зналъ, куда мнѣ дѣваться съ моей головой, съ сердцемъ, со всѣмъ тѣломъ,—чуть не метался какъ угорѣлой. Готовъ былъ вспрыгнуть, и по головамъ—къ Люцеровой... Разумѣется я остался на мѣстѣ и очень покойно; но до сихъ поръ слышу, вижу, чувствую ее. Четвертое дѣйствіе (заговоръ) исполнено было музыкою превосходно. Гейнсфеттеръ была бы хороша, но стара; Эрль просто гадокъ. За то музыка... хоръ дающихъ клятву—страшно превосходенъ.

Сегодня играютъ Монтекки и Капулетти—иду.

И былъ—и, ворочаясь, заблудился. Ни на что не похоже. Дорога черезъ гласисъ ровная, видная, широкая. Задумался—и заблудился. Джюльетту играла полуносая Леманъ; ну можно-ли пускать полуносыхъ на сцену! За то Гейнсфеттеръ въ роли Ромео была прекрасна, кажется не хуже Дрезденской Девріанъ. А бѣдная Брамбилла—помните?—потеряла голосъ, и пріѣдетъ въ Вѣну давать уроки. Жаль! То былъ альтъ. Этому то я задумался и заблудился.

Въ Вѣнѣ зима. Снѣгу вдоволь, вѣтры, иногда и мятель; доходило до 20 градусовъ. Ожидаютъ большой воды, и боятся. У насъ рѣки разливаются тихо, покойно; тутъ быстро.

Скоро, скоро оставлю Вѣну. На югъ. Какъ поѣду, еще самъ не знаю. Отвѣтъ на это письмо пишите въ Каттаро въ Далмаціи, poste restante. Когда буду въ Каттаро не знаю, но буду.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Здоровы ли вы, милая маменька? Или вы написали уже въ Аграмъ? Тамъ буду кажется не такъ скоро. Ну, я надѣюсь получить письмо въ Лайбахѣ. Такъ-ли?

Цѣлую ручку вашу. Срез.

(конецъ).

ОТДѢЛЪ II.

Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

Народный говоръ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи можетъ быть причисленъ къ сѣверно-великорусскому или «окающему» поднарѣчію, именно къ группѣ не «цокающей», къ каковой группѣ можетъ быть причисленъ и говоръ Ярославской губерніи вообще.

Проф. А. И. Соболевскій въ своемъ интересномъ трудѣ причисляетъ Пошехонскій говоръ къ группѣ «цокающей». «Одинъ изъ цокающихъ говоровъ въ Ярославской губерніи, говоритъ онъ, въ Поситы и отчасти въ Пошехоньѣ (Пошех. у.) имѣетъ не только *ц* вмѣсто *ч*, но и мягкое *дз* вмѣсто *д*, мягкое *ц* вмѣсто *т*». (Живая Старина 1892 г. № 2, стр. 17.).

Почтенный авторъ въ данномъ случаѣ неточностью источниковъ введенъ въ заблужденіе: ни «цоканья», ни «дзеканья» ни въ самомъ Пошехоньѣ, ни въ большей части Пошехонскаго уѣзда нигдѣ не услышишь. Пишущій эти строки, уроженецъ Пошехонскаго уѣзда, живущій въ г. Пошехоньѣ безвыѣздно болѣе двѣнадцати лѣтъ: за это время онъ имѣлъ возможность посѣтить, за исключеніемъ двухъ-трехъ волостей, всѣ волости уѣзда и *лично* наблюдать народный говоръ; за это время, а также и ранѣе онъ имѣлъ возможность пройти пѣшкомъ отъ г. Пошехонья до г. Рыбинска, Романова, Данилова и Любима, а также по многимъ внутреннимъ трактамъ уѣзда, причемъ онъ могъ наблюдать и говоръ Рыбинскаго, Романовскаго, Даниловскаго и Ярославскаго уѣздовъ. Говоръ означенныхъ уѣздовъ ему удалось наблюдать кромѣ того и при его неоднократномъ посѣщеніи имъ своихъ родственниковъ изъ среды сельскаго духовенства, живущихъ въ районѣ означенныхъ уѣздовъ.

«Дзеканье», пишущій эти строки слышалъ только на границахъ съ Новгородской губерніей, а «цоканье» или замѣну *ц-ч* и наоборотъ на границахъ съ Вологодской губерніей (мѣстность по р. Югу и др.). Здѣсь уже слышится не «птица», а «птича», не «что», а «що». На всемъ же остальномъ пространствѣ Пошехонскаго уѣзда, занимающемъ до 5234,3 кв. верстъ, ни «дзеканья», ни «цоканья» пишущій эти строки не слышалъ, точно также какъ не слыхалъ его и въ сосѣднихъ съ Пошехонскимъ уѣздомъ мѣстностяхъ Рыбинскаго, Романо-Борисоглѣбскаго *), Даниловскаго и Любимскаго уѣздовъ. Говоры этихъ уѣздовъ почти ничѣмъ не отличаются отъ нижеописаннаго нами Пошехонскаго говора, который имѣетъ сравнительно съ ними только гораздо болѣе архаизмовъ. Точно также мало отличается отъ означеннаго говора и говоръ Ярославскаго уѣзда. За то говоръ со-

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ означенныхъ уѣздовъ можно услышать образцы Тверского говора: это объясняется тѣмъ, что въ такихъ мѣстахъ поселились въ недавнее время крестьяне Тверской губерніи, извѣстные среди мѣстнаго населенія подъ именемъ «корелаковъ».

сѣдняго съ Ярославскимъ—Ростовскаго уѣзда имѣетъ уже рѣзкое отличіе: преобладаніе звука *о* теряется, говоръ пріобрѣтаетъ пѣвучесть и т. д. (Яр. Губ. Вѣд. 1888 г.)

Что же касается до «Анекдотовъ древнихъ пошехонцевъ» (Соч. В. Березайскаго СПБ. 1798 г.), на которые ссылается почтенный проф. А. Соболевскій и которые будто бы изложены на Пошехонскомъ говорѣ, то не должно забывать, что это сочиненіе юмористическое и, какъ намъ кажется, говоръ, на какомъ изложены эти анекдоты—говоръ каррикатурный, вымышленный. Былъ ли этотъ говоръ дѣйствительно говоромъ древнихъ Пошехонцевъ, рѣшить этотъ вопросъ мы не беремся, во всякомъ же случаѣ этотъ говоръ нисколько не похожъ на тотъ народный говоръ, какой распространенъ въ настоящее время въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Главную роль въ Пошехонскомъ народномъ говорѣ играетъ звукъ «о».

Вездѣ, гдѣ только стоитъ буква «о», она сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ и никогда не переходитъ въ другой гласный звукъ. Къ числу немногихъ исключеній принадлежитъ слово «сосѣдъ», въ которомъ «о» замѣняется «у» и которое сохраняетъ въ пошехонскомъ говорѣ свою первоначальную правильную форму (сусѣдъ), а также слова: «манастырь», «салдатъ», «дохтуръ» и нѣк. другія.

Напротивъ, звукомъ *о* замѣняются всѣ почти безъ исключенія наши гласные звуки. «О» замѣняетъ собою:

1) Иногда звукъ *а* безъ ударенія на немъ, напр. «боранъ», «робота», «конатъ», «розбой», «розумный», «стоканъ», «Ондрей», «Олексѣй», «тороканъ», «Огрофена», хотя въ тоже время говорятъ «народъ», «надёжа», «накрыть», «напрасно», «начальство».

Звукъ *о* выговаривается при этомъ ясно и отчетливо.

2) Звукъ *е* и *ѣ* съ удареніемъ на нихъ и безъ ударенія. Напр. «лицо», «цоловать», «жона», «топерь», «робята», хотя такая замѣна бываетъ далеко не всегда.

3) Звукъ *ы* съ удареніемъ на немъ и безъ ударенія, напр. «березонька», «косонька», «нонче», вмѣсто «березынька», «косынька», «нынче».

4) Переходя въ ё звукъ *о* замѣняетъ собою звуки *я*, *и* и *о*, такъ напр. «синёй», «дитё», «больнё», «миленькёй», «хорошенькёй».

Звукъ ё выговаривается при этомъ мягко, какъ средній между *о* и *е*.

Звукъ *у* другими гласными звуками никогда не замѣняется, иногда онъ только смягчается въ *ю* напр. «по столькю», «постелькю», «миленькюю», именно въ окончаніяхъ словъ, вслѣдствіе предшествовавшей замѣны одного твердаго гласнаго звука другимъ мягкимъ. «Постелькя»—«постелькю», «маленькёй»—«маленькюю».

Звуки *е* и *ѣ* безъ ударенія замѣняются иногда звукомъ *и*, причемъ *и* выговаривается, какъ нѣчто среднее между *и* и *ѣ*. Такая замѣна, впрочемъ, бываетъ далеко не всегда. Напр. «свича», «сміетца» (смѣется) «бисѣда», «повить» (повѣть), «тиби», «миня», «отвичать», но «бѣда», «вѣдунъ» и т. д.

Звукъ *и* иногда замѣняется звукомъ *е*, такъ напр. говорятъ: «налевать» (наливать) «кустечки», «разлеванный». Такая замѣна особенно часто слышится въ словахъ иностранныхъ, какъ напр. «депломатъ», «аглецкой», «гемназія».

Звукъ *ы* произносится всегда твердо, не переходя въ *и*, напротивъ, иногда *и* переходитъ въ *ы* послѣ *р*, напр. «крыкъ», «крынка».

Звукъ *а* переходитъ иногда:

въ *я* на концѣ словъ (мягкія *к*, *з* и *ц*) и рѣже въ срединѣ. Напр. «дѣвочкя», «маленькя», «маменькя», «пользя», «больниця», «бальзямъ»,

въ *е* напр. «браслетъ».

въ *ы* напр. «кyды».

Звукъ *я* переходитъ иногда въ *е* напр. «глежу», «ейцо», «порядилась» вм. «гляжу», «яйцо», «порядилась».

Звукъ *ѣ* безъ ударенія переходитъ иногда въ *я*, причемъ *я* выговаривается неясно, какъ среднее между *я* и *ѣ* напр. «свѣтой» (святой), «сясти», «дявочка».

Что касается до произношенія согласныхъ звуковъ въ народномъ говорѣ Поше-

хонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, то въ произношеніи ихъ можно отмѣтить слѣдующія особенности:

1) Очень часто встрѣчается двойное *м*, двойное *ж* и двойное *ш*.

Напр. «оммѣнъ» (обмѣнъ), «омморокъ» (обморокъ), «омманъ» (обманъ), «дожжикъ», «ѣжжалъ», «пушшай».

2) встрѣчаются мягкія *з*, *к* и *ц*.

3) звуки «х» и «ф» замѣняются одинъ другимъ: «куфарка», «штрахъ».

4) звукъ *в* передъ *у* иногда выпадаетъ: «голоушка», «дѣушка».

5) звукъ *г* замѣняется иногда *в* и ж, напр. «севодни», «испужалъ».

6) звукъ *п* замѣняется *м*, хотя и рѣдко: «мташка» (пташка).

7) звукъ *к* часто смягчается въ х и наоборотъ: «дохтуръ», «карактеръ» (характеръ).

8) Н въ началѣ собственныхъ именъ переходитъ въ м: Миколай, Микита.

9) щ и ч замѣняется *шш* или шт. Напр. «шти», «шшастіе», «шшастливый», «поштенный», «што» (а не щё).

Замѣны *ц* ч и обратно въ народномъ говорѣ Пошехонскаго уѣзда никогда не встрѣчается, точно также какъ не встрѣчается мягкаго *дз* вм. *д*, *ц* вмѣсто *т*. Въ большей части Пошехонскаго уѣзда говорится «деревня», «честь», «поди», а никогда не говорится «дзяревня», «цесть», «падзи».

Стяженіе гласныхъ—явленіе въ Пошехонскомъ говорѣ довольно часто встрѣчающееся, такъ напр. говорятъ: «мово», «твово», вмѣсто «моего», «твоего».

Встрѣчается иногда смягченіе гласныхъ черезъ *л*: «успленья», «милостливый» вмѣсто «успенія», «милостивый».

Родительный падежъ въ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ произносится не съ буквою г, а съ *в*. Напр. «доброва», «хорошова», «одново», «всево».

Родительный падежъ множественнаго числа въ именахъ существительныхъ оканчивается очень часто не на *ъ* или *ей*, а на *овъ* или *евъ*, напр. «дѣловъ», «будневъ», «обстоятельствовъ», «родителевъ».

Творительный и дательный падежи множественнаго числа замѣняются одинъ другимъ. Напр. «ходитъ ногамъ», «благодаренъ вами».

Предложный падежъ въ именахъ существительныхъ женскаго рода на *ь* оканчивается на *ѣ* вмѣсто и: «на печѣ», «по путѣ».

Родительный падежъ женскаго рода въ именахъ прилагательныхъ, а также нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ и числительныхъ оканчивается не на *ой*, а на ыё, напр. «больныё», «одныё», «всеё»; «съ больныё головы, да на здоровую».

На «ыё» и «ыи» оканчивается иногда и именительный падежъ множественнаго числа муж. рода съ именахъ прилагательныхъ. Напр. «синіи», «добрыи».

Сравнительная степень въ именахъ прилагательныхъ оканчивается на *ѣя* или *яѣ* напр. «алѣя», «бѣляѣ».

Въ мѣстоименіяхъ древнія формы «тя» и «ино» до сихъ поръ сохранились въ Пошехонскомъ простонародномъ говорѣ. Такъ говорятъ: «ино время», «волкъ тя съѣшь», «дуй тя горой».

Мѣстоименія «свой», «твой», «мой» въ творительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ окончаніе *емъ* вм. *имъ* «своемъ», а не «своимъ конемъ».

Съ твор. пад. сходенъ и дат. пад. мн. числа, а также и творительный «своемъ рукамъ».

Нѣкоторыя глагольныя формы встрѣчаются часто въ сокращенномъ видѣ, такъ напр. говорятъ «хошь» вм. хочешь, «вишь» вм. видишь.

Неопредѣленное наклоненіе въ нѣкоторыхъ глаголахъ удерживаетъ свою старинную форму на *ти* напр. «сясти».

Третье лицо ед. числа наст. времени глаголовъ на *ся* оканчивается не на *ся*, а на

са или даже на *тца*: «ругается», «бранитса». Окончаніе са удерживается и въ др. формахъ: «бранимса», «бранишса».

Въ повелительномъ наклоненіи, а также и др. формахъ, оканчивающихся на *сь*, *сь* замѣняется *ся*: «молися», «поклонися», «умываюся» вм. «молись», «поклонись». «умываюсь».

Глаголъ «дать» въ буд. времени во второмъ лицѣ ед. числа удержалъ свою старинную форму: во многихъ мѣстахъ говорятъ не «дашъ», а «даси».

Нѣкоторые, наконецъ, глаголы имѣютъ оригинальную форму многократнаго вида прош. времени: «спрашивливалъ», «сказывливалъ».

Растяженіе встрѣчается въ Пош. говорѣ не только въ пѣсняхъ, но и въ обыкновенномъ разговорѣ. «На хозяйскіихъ харчахъ», «сколькіихъ лѣтъ».

Очень многія слова, въ пошехонскомъ говорѣ сохраняютъ полногласіе. Такъ напр. говорятъ «соромъ» вм. «срамъ», «бологo», «оболоко» вм. «облако» вм. «благо» и т. д.

Вмѣсто предлога «за» очень часто употребляется предлогъ «по». «Ходить по воду», «ходить по ягоды» вм. ходить за ягодами.

Вмѣсто предлога «на» употребляется иногда предлогъ «при». «Жить при мѣстѣ» вм. «жить на мѣстѣ».

Вмѣсто предлога «изъ» употребляется часто предлогъ «съ». «Съ Гари» вм. «изъ Гари».

Глаголъ «читать» употребляется иногда съ предлогомъ «въ». «Читать въ книгу».

Глаголъ «уважать» требуетъ послѣ себя дательнаго падежа: «уважать ему».

Вмѣсто «мой-то», «твой-то» въ пошехонскомъ говорѣ постоянно встрѣчаемъ: «мой-ётъ», «твой-ётъ»; во мн. числѣ «мои-ти» и «мои-те».

Въ заключеніе нелишнимъ считаемъ помѣстить ниже краткій перечень мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ Пошехонскомъ говорѣ.

Алошный—алчный, жадный;
Алырникъ—алтынникъ;
Ась— а?
Бажать—сильно желать чего нибудь;
Баять—говорить;
Баловать—шалить, заигрывать;
бахтѣть—бахвалиться, гордиться;
баской—нарядный, щеголеватый; бáско—щеголевато; отт. «басота»
бушать—шумѣть, бухара—шмель;
буёкъ—металлическое кольцо, которое надѣвается на веретено въ качествѣ тяжеловѣса;
болѐзный—жалкій, бѣдный;
борзиться—сердиться;
блинникъ—мѣстное кушанье;
братеникъ—двоюродный братъ;
борониться—защищаться;
Выть—ревѣть, плакать;
верещать—кричать не своимъ голосомъ;
вѣкошка—часть ткацкаго стана;
выпускъ—выгонъ для скота;
воймовать—внимать, слушаться;
ворóбы, вѣйки, вьюшки—части сновальнаго станка;
вѣкоуша—старая дѣвушка не вышедшая замужъ;
выводъ—плата за невѣсту со стороны жениха оцу невѣсты;
варахавица—каша изъ зеренъ недозрѣвшей ржи;
веретено—мѣстное названіе стрекозъ.
Граять—кричать;
голубецъ—деревянная придѣлка съ боку у печи;
Дюжó—сильно;
должея—дверка у ульевой колоды;
дубасить—колотить кого нибудь;
дуть—бить кого либо;
дѣковаться—безобразить, дикариться;
Ещевулъ—человѣкъ хитрый;
Жалѣть—сильно любить кого либо;
Завара—каша изъ ржаной муки;
зачичеревѣть—захирѣть, зачахнуть;
заводопѣть—замедлить гдѣ либо;
займоваться—заниматься;
зорники—молнія безъ грома въ началѣ лѣта. Зорники, по народному повѣрью, способствуютъ созрѣванію хлѣбовъ.
Зорнть — выставлять ягоды на солнце для того, чтобы зеленыя недозрѣлыя ягоды сдѣлались красными на подобіе зрѣлыхъ;
Истопень—количество дровъ необ-

ходимое для того, чтобы разъ истопить печь.

Иму́—начну, стану; бить иму́—буду бить;

игрушка—гармоника;

Кербь—мѣра измятаго льна. Кербь имѣетъ 4 пятка; пятокъ равенъ пяти десяткамъ, десятокъ двѣнадцати повѣсмамъ. Повѣсмо—количество льну, какое можно захватить въ горсть.

Кумекать — обдумывать; роскумекать—понять;

кувалда—неряха (о женщинѣ).

кочевряжиться — куражиться, кобениться;

копылъ—донце, прялка;

колдобина—яма на дорогѣ;

круче—быстрѣе;

комолый—безрогій;

краски—менструаціи у женщинъ;

колькóй—который;

куть—мѣсто за печью въ заднемъ углу избы;

короводиться— хороводиться;

коли — когда,

кортома—аренда;

косица—високъ;

косарь—большой ножъ, которымъ щеплютъ лучину;

коромысло—стрекоза (веретено);

канитель—проволочка; канителиться;

конекъ—кузнечикъ;

кокуй—головной уборъ замужнихъ женщинъ;

кичига—деревянный валёкъ для обмолачиванія льна;

Луканька—нечистый духъ, чертъ;

лады́—дружба;

лѣтось—въ прошлое лѣто;

лытать—болтаться безъ дѣла;

лестить—льстить;

лютó—сильно;

лизавица—улитка:

Мостъ—повѣть, сѣни;

маяться—хворать, биться;

маякъ—кулакъ, прасолъ;

мутовецъ—острая желѣзная спица, которою прикалывается кужель льну къ копылу;

мотовило—снарядъ для наматыванія пряжи въ мотки;

Напыльникъ—мѣсто на печи между кожухомъ и стѣною;

набилки } принадлежности ткацкаго
ниченки } стана;

навой—часть ткацкаго стана, на которую навивается основа;

непутевый—непрокій;

невѣститься—становиться невѣстой;

николи—никогда;

неможется—нездоровится;

ноготь—конская болѣзнь;

настъ — отталвшая и затѣмъ подмерзшая поверхность снѣга; настить бѣлье—бѣлить его, выстилая на настъ;

наголовникъ — кусокъ полотна, которымъ покрывается головка спеленаннаго ребенка.

Ощерить зубы (о собакѣ)—оскалить зубы;

отволнуть—отсырѣть;

ономнясь—недавно;

очапъ—часть колодезнаго журавля;

озепать—сглазить;

отважный—вѣжливый, обходительный;

очестливый—вѣжливый;

околодокъ свертокъ вымытаго бѣлья;

отлынивать — подъ различными предлогами отказываться отъ дѣла;

Поварёнка—уполовникъ;

поварёшка—головастикъ;

противень—желѣзный листъ, на которомъ пекутся пироги;

подъизбица—подполье, мѣсто подъ избою;

павитьё—самыя мелкія вѣточки на деревѣ;

постелька – дѣтское мѣсто, послѣдъ;

почать—начать;

пытать—выспрашивать;

прилучить—приваднть;

прихехе—полюбовникъ, полюбовница;

переогорода—широкая межа возлѣ жердевой изгороди;

паужина—закуска въ полдень;

пришва—часть ткацкаго стана;

позавчерась—третьяго дня;

почетникъ — парень ухаживающій за дѣвушкою;

польга--польза;

притка—истерическая болѣзнь;

пуще—сильнѣе;

плестешокъ—стеклянное колечко у копыла;

пользовать—лечить;

повадный—веселый;
привадить—приучить;
паутъ—оводъ лошадиный.
Родимое—родимецъ;
ричать—кричать;
рохля—человѣкъ непрокій;
рукотертникъ—полотенце, которымъ вытираютъ руки;
рундукъ—помостъ на дворѣ;
рашпоры—часть ткацкаго стана;
Счувать—увѣщевать;
сливный (о дождѣ) проливной;
стегать—сѣчь;
славёнка—дѣвушка, которая отличается своею красотою;
солощій (о скотѣ)—отличающійся своимъ аппетитомъ;
стягъ—длинная жердь; стягъ говядины—туша говядины;
слега—толстая длинная жердь;
столѣшникъ—столовая салфетка;
сарынь—дѣтвора;
стебнать—строчить;
суслонъ—груда ржаныхъ сноповъ въ 22 снопа;
Тритенись—третьяго дни;
тужить—горевать;
трудиться—хворать;
талька—мотокъ нитокъ въ 10 пасмъ; пасмо=4 чисменкамъ, чисменка=3 нитямъ;
трупь—перхоть головная;
трудоножки — блины поджаренные на сковородѣ съ мелкоизрубленными яйцами;
Усови—колики;
убойна—говядина;
учливый—вѣжливый;
учать—начать;
уповодъ—участокъ дня;
утрѣ—завтра,
узорочье—человѣкъ непрокій;
ушатъ—деревянная посудина съ ушками;
Хаять—осуждать, бранить;
хвастать—разговаривать;
цѣновки—одна изъ принадлежностей ткацкаго стана;
цело—часть печи надъ устьемъ;
цѣвка—трубочка, на которую навивается пряжа для тканья; трубочка эта съ завитою на ней пряжею вставляется въ ткацкій челнокъ.
Чаморозкій—чахлый;
чуни—веревочныя лапти;
честить—бранить;
чичениться—чваниться;
Шастать—бродить безъ дѣла;
шантрапа—голь;
шишиться—медлить, копаться.
Щунять—бранить;
щекотунъ—дѣтская болѣзнь.
Яловый (о коровѣ)—безплодный.

Для характеристики народнаго говора въ Пошехонскомъ уѣздѣ приводимъ двѣ пѣсни, записанныя нами въ д. Ежовѣ, Давыдковской волости, Пошехонскаго уѣзда.

Рында, рында, рындочкя,
Гдѣ рында родилася?
На печѣ въ охлопочкахъ.
Стали рынду сватати,
Стала рында плакати.
Сходи, матка, на базаръ
Купи рындѣ сарафанъ...
Пошла рында за водой,
Посклизнулася ногой,
Нашла крынку штей,
Рукавицу вшей.
Два наперска табаку.
Лежитъ баринъ на боку
Помираетъ со смѣху
На Миронову сноху:
Аха-ха-ха, аха-ха!
Миронова сноха
Тройникёвъ принесла:
Миколку, сиколку, роскаракульлю.

Пошелъ же розудалой въ путь дороженькю
А на встричу ему два товарища.
Во глаза ему да насміялися:
Молодая твоя жона, да за гульбой пошла,
Вороныихъ то коней, да всѣхъ забросила,
Молодыихъ то людей всѣхъ оставила,
Свово милова дитя качать бросила...
Воротился розудалой съ путь дороженьки,

Подъѣжжаетъ розудалой къ широку двору,
Встрѣчаетъ розудалова молода жона
Въ своёй бѣлоей сорочкѣ и безъ кофточки,
Въ своихъ вязаныхъ чулочкахъ и безъ тюфелекъ.
Вынимаётъ розудалой саблю вострую,
Срубаётъ розудалой жонѣ голову.
Покатнлась голова конямъ подъ ноги.
Пошелъ же розудалой широкимъ дворомъ:
Вороныё то кони стоятъ всѣ обрежены,
Молодыё то люди спятъ всѣ успокоены,
Пошолъ же розудалой въ нову спаленькю—
Ево милоё дитя лёжитъ укачано...

А. Баловъ.

Г. Пошехонье.

Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда

Въ данномъ говорѣ звукъ—а подвергается измѣненію только въ ы въ союзѣ «да» и во всѣхъ происшедшихъ отъ соединенія съ нимъ словахъ, напр. дыкъ, тады и т. п.

Гораздо въ большихъ случаяхъ подвергается измѣненію звукъ *е*. Онъ именно измѣняется въ *а*, *и* и *я*. Относительно того, въ какихъ случаяхъ онъ измѣняется въ эти другіе звуки, можно судить по одному общему признаку—отсутствію ударенія на немъ. А въ частности, въ а онъ переходитъ послѣ *ж*, *ч*, *ш* и *щ*, напримѣръ *жаренный*, *чаго*, *шарстяный*, *щадрость* и т. п. Въ *и* переходитъ онъ послѣ всѣхъ согласныхъ, если удареніе стоитъ впереди его, главнымъ образомъ послѣ предшествующей мягкой согласной, а въ я,—если оно стоитъ послѣ, наприм.—*пдпилъ*, *пѐрстань*, *на березп*, *пясокъ*, *на бярóзи* и т. п. Говоря объ этомъ звукѣ, необходимо сказать, когда онъ произносится за *ё* противъ великорусскаго нарѣчія и когда, наоборотъ, не произносится. Произносится онъ въ слѣдующихъ случаяхъ: въ творит. един. числа, въ дат. и предл. падежахъ именъ существ. мн. числа, напр. *гастёмъ*, *у гастёхъ* и т. п.; на концѣ, 2 лица мн. числа изъяв. накл. наст. вр. и будущаго—иногда если на немъ удареніе, напр. *жнитё адолжитѐ* и т. п. А во 2 и 3 лиц. изъяв. накл. наст. вр. и на концѣ родит. падежа женск. рода ед. числа мѣстоименіемъ 3 лица не произносится за ё, напр. *жнешь*, *яе*.

И переходитъ въ *й* всегда, если стоитъ въ началѣ слова послѣ слова, оканчивающагося на гласную, и въ союзѣ «и», но не переходитъ въ *е* и *ъ* въ тѣхъ случаяхъ, почти во всѣхъ, въ которыхъ великорусское нарѣчіе измѣняетъ его въ указанные звуки, напр. *на Ивана* (праздникъ), *тый яго возьмишь ли*, а не *лей*, *пи*, а не *пей*, *шіювъ*, не *шью*, *чіе*, а не чье и т. п. При этомъ замѣтимъ что этотъ звукъ ставится въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, начинающихся съ нѣсколькихъ согласныхъ, напр. *ирвавъ*, *ирза ишовъ* и т. п.

О переходитъ въ *а* всегда, когда только нѣтъ въ словѣ ударенія на о напр. карова дачка и др. Только въ окончаніи уменьшительныхъ словъ „очка-и“ вмѣсто звука *о* слышится-ы, наприм. *татычка, састдычка*, *гусычка* и т. п., и въ окончаніи пред. падежа ед. числа муж. и средн. родовъ, напр. *объ добрымъ сялѣ*, *объ зяленомъ платцѣ*. Потомъ многія слова, начинающіяся съ этого звука, принимаютъ придыханіе—в, напр. *вакно, война*, *вайстрыйчь*, *воцитъ* (уксусъ) и т. п.

У также подвергается только что указанной особенности, напр. *вурокв*, *вубралв* и др. Других же изменений съ этимъ звукомъ не бываетъ.

Ѣ, если на немъ нѣтъ ударенія, также терпитъ измѣненія, а именно: въ началѣ словъ онъ всегда замѣняется звукомъ *я*, напр. *яздокв*, *ядунв*. Въ *я* онъ переходитъ и въ серединѣ, но это бываетъ въ немногихъ словахъ, напр. *гнядзо*, *сядло* и нѣкоторыхъ другихъ, а больше всего въ данномъ мѣстѣ онъ переходитъ въ *и*, въ который онъ переходитъ и на концѣ словъ, напр. *жэлизнякв*, *цвила*, *бида*, *у дарози* и т. п. Впрочемъ, объ измѣненіи даннаго звука въ срединѣ должно сказать то, что онъ иногда въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и словахъ переходитъ и въ *я* и въ *и*, наприм. *бида* въ им. пад., а въ род.— *бяды* и т. п. Кромѣ того послѣ звука *р* онъ замѣняется звукомъ *а*, напр. *свирапо́сть*, *рачна́я* и др.

Ы имѣетъ только ту особенность, что не измѣняется въ *о* тамъ, гдѣ онъ въ великорусскомъ нарѣчіи измѣняется, напр. *крыю*, а не *крою*, *крутый*, а не *крутой*, *мыю*, а не *мою* и т. п.

Ь обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что очень часто въ серединѣ словъ выпадаетъ, вмѣсто чего предыдущій согласный звукъ удвояется, напр. *куття*, *ноччу*, *лисся*, *ллю* и др.

Согласные г и р, имѣютъ особое произношеніе.

Что касается перваго, то онъ всегда произносится мягко, какъ въ славянскомъ языкѣ и какъ въ латинскомъ языкѣ звукъ h. Другой звукъ р произносится какъ разъ наоборотъ. Ему чужда всякая смягчаемость, вслѣдствіе чего тамъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчіи послѣ р слышится я или и-і или е-ѣ или ю, въ данномъ говорѣ являются звуки твердые—а, ы, э и у.

В имѣетъ мягкое произношеніе въ двухъ случаяхъ. Разъ,—когда онъ замѣняетъ звукъ *л* въ срединѣ послѣ гласныхъ, напр. повный, а другой разъ,—когда замѣняетъ его въ прошедшемъ времени ед. числа мужскаго рода, изъявительнаго наклоненія, напр. *я старается*. Въ данныхъ мѣстахъ этотъ звукъ произносится вмѣсто обыкновеннаго достаточно твердаго прижиманія верхней внутренней части нижней губы къ оконечностямъ зубовъ верхняго ряда только посредствомъ быстраго полуприкосновенія первой къ послѣднимъ. Такое произношеніе даннаго звука, между прочимъ, дало поводъ нѣкоторымъ на мѣсто его помѣщать гласный *у*, но я, по крайней мѣрѣ по отношенію къ данному говору моей родины, справедливымъ признать этого не могу. Этимъ звукомъ онъ замѣняется въ слѣдующихъ только случаяхъ: въ предлогѣ «въ» въ отдѣльности и въ связи его съ другими словами, больше съ глаголами, напр. *у йстопци*, *у таку*, *узлезв*, *узарвавв*, *уксусв* и т. п. мѣстоименіи весь (увесь): *ўся*, *усе*, *усяго*, *усей*, *усяму*, *усей*, *усимв*, *усёй*, *абв усёмв*, *абв усёй*, *уси*, *усихв* и т. д., и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напр. *удова*, *ую* и т. п. Потомъ относительно этого звука нужно сказать то еще, что онъ часто вставляется между двумя гласными, какъ въ срединѣ словъ, такъ и въ началѣ послѣ оканчивающагося на гласную слова для избѣжанія hiatus-а, напр. *ни во́днаго павука* и т. п.

Звукъ *ж* имѣетъ особое произношеніе въ 1 лицѣ единств. числа изъяв. наклон. настоящаго времени глаголовъ на —дѣть и дить въ неопр. наклоненіи, напр. видѣть, водить и подобныхъ и въ словѣ *бардчжэй*. Въ данныхъ случаяхъ вмѣсто одного звука ж слышится сразу три—*д*, *ч* и *ж* и при томъ такъ, какъ бы одинъ звукъ. Правда, какой именно звукъ является здѣсь вмѣсто «же», изобразить опредѣленно нельзя, а можно только сказать, что правильнѣе—соединеніе звуковъ *дчж*. Правильнѣе потому именно, что при скоромъ съ половинной мягкостью произношеніи этихъ трехъ звуковъ, при совмѣстной при этомъ ударяемости ихъ, получается такое именно произношеніе, какое совершается въ устахъ бѣлорусса моей родины.

Звукъ *т* предъ етированными гласными и полугласнымъ ь произносится мягче обыкновеннаго, но не какъ ц, что мы видимъ въ говорахъ Витебской губерніи по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ лицъ и какъ указываетъ г. Дембовецкой въ своемъ описаніи Могилевской губерніи.

Уяснивъ произношеніе этихъ звуковъ, мы перейдемъ теперь къ звукамъ: г, к, х, л, с, ф и ѳ, которые въ нижеслѣдующихъ случаяхъ замѣняются другими.

Первые три гортанные *г*, *к*, *х* предъ гласными *ѣ* и *и* въ дательномъ и предложномъ падежахъ ед. числа по старому—*з*, *ц*, *с*, напр. назѣ, абъ назѣ, руцѣ, абъ руцѣ, сасѣ, абъ сасѣ и т. п. Звукъ л замѣняется часто звукомъ в, какъ косвенно уже указано выше, во первыхъ, когда онъ стоитъ въ срединѣ послѣ гласныхъ, во вторыхъ въ ед, числѣ муж рода изъяв. наклоненія прошедшаго времени, напр. чавнокъ (челнокъ), хадивъ и т. п.

Звукъ с, замѣняется прежде всего звукомъ з предъ всѣми звуками въ началѣ словъ, исключая з, к, п, т, с, ф, х и ц, напр. збавивъ, звалився, згубивъ, здавивъ, злупивъ, змуливъ особенно же передъ звукомъ д, и т. д.; потомъ—звукомъ ш передъ ч напр. шчарую, шшумомъ (съ шумомъ) и т. п. и ш, ж, напр. жжалився, жжалабай (съ жа́лобой) и др.

Звукъ *ф* замѣняется двумя звуками *хв* въ началѣ и въ срединѣ словъ и звукомъ *п* въ срединѣ и въ концѣ, напр. хворма, кахвля, Сапронъ и др. Эти случаи замѣны однихъ звуковъ другими всегда неизмѣнны и зависятъ только отъ расположенія ихъ въ словѣ. Что же касается остальныхъ, отнесенныхъ нами къ числу принимающихъ эту особенность, звуковъ - *н*, *п* и *ч*, то они принимаютъ ее только въ извѣстныхъ словахъ. Такъ звукъ *н* замѣняется звукомъ *м* въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: Николай, Никита, Нектарій и другихъ: (Миколай, Микита, Миктарій). Звукъ *п* замѣняется звукомъ *ф* въ словѣ *копія*, особенно замѣчается у бабъ. Звукъ *ч* замѣняется звукомъ *ц* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ: цурбанъ, цудо, цотъ и пр.

Таковы фонетическія особенности разсматриваемаго говора. Теперь перейдемъ и прослѣдимъ особенности грамматической стороны его: склоненій, степеней сравненія и спряженій.

Что касается склоненій существительныхъ, то здѣсь замѣчается только слѣдующія особенности: имен. падежъ мн. числа всѣхъ именъ существит. муж. и ср. родовъ всегда имѣетъ одни и тѣ же окончанія—*ы* для твердыхъ, *и* для мягкихъ, напр. *во́рдены дровы*, *сабачки* и др.; дат. пад. того же числа въ нѣкоторыхъ словахъ имѣетъ окончаніе—*омъ*, напр. *купцомъ*, *паномъ*; съ предл. *по* употребляется не дат., а мѣстный пад. *по жидо́хъ*, и др.; твор. пад. ед. числа жен. рода употребляется всегда въ сокращенной формѣ, напр. *хвормай*, *пузіей* (фузея) и т. п. (Послѣдняя форма, нужно сказать, вообще преимуществуетъ въ разсматриваемомъ говорѣ).

Склоненіе прилагательныхъ въ общемъ также мало отличается отъ великорусскаго. А именно. Они имѣютъ только въ род. пад. жен. рода ед. числа окончаніе *ые*, въ дат. и твор. падежахъ—*эй*, въ предложномъ муж. и средн. родовъ ед. числа, какъ выше уже указано,—окончаніе твор. падежа—*ымъ*, а жен. рода—окончаніе *эй* и въ им. падежѣ мн. числа всѣхъ родовъ принимаютъ безразлично окончанія—*и* и *е*.

Склоненіе мѣстоименій имѣетъ свои особенности.

Что касается личныхъ мѣстоименій, то мѣстоим. 1-го лица—въ род. и вин. падежахъ ед. числа имѣетъ *мяне*, въ твор. *мной;* 2-го лица—въ род. и вин. имѣетъ *тябе*, въ дат. *табѣ;* въ тв. *табой* и предл. *абъ тябѣ;* и 3 л.—въ им. падежѣ имѣетъ *ёнъ*, *яна*, *яно*,—въ род. *яго*, *ее*,—въ дат. *яму, ёй*,—въ предл., *абъ емъ*, *абъ ей*,—въ им. мн. числа яны,—въ род. *йхъ*,—въ дат. *ймъ*,—въ твор. *йми* и въ предл. *абъ йхъ*. Этотъ образецъ склоненія удерживаетъ и мѣстоименіе возвратное.

Изъ указательныхъ мѣстоименій—«этотъ» прежде всего имѣетъ ту общую особенность, что впереди во всѣхъ падежахъ принимаетъ придыханіе *г*, а потомъ въ им. пад. ед. числа муж. рода измѣняется въ *гэтый* и далѣе склоняется, какъ полное твердое прилагательное, исключая имен. и вин. падежей ед. числа женск. и средн. родовъ, которые остаются въ неполной формѣ—*гэта* и *гэто*, *гэту* и *гэто*, и именительнаго пад. мн. числа, который оканчивается на *ые*. Мѣстоим.—*томъ*, также имѣетъ въ скло-

неніи особенности твердыхъ полныхъ прилагательныхъ, исключая имен. падежа муж. рода ед. числа и множ., гдѣ оно превращается въ *тэй* и *тые.*

Изъ вопросительныхъ мѣстоименій имѣютъ отличными падежи: *кто*—имен. ед. числа *хто, што* и твор. *кимъ, чимъ*; *какой*—им. ед. числ. *якій*,=род. и вин. *якого*, дат. *якому*, твор. *якимъ*. Предл. абъ *якомъ*; и мн. числа им. *якіе*, а остальные падежи имѣютъ особенности склоненія мягкихъ прилагательныхъ; *чей* имѣетъ отличными всѣ падежи ед. числа муж. и средн. родовъ, кромѣ имен. пад. послѣдняго рода, и им. мн. числа, такъ что имен. падежъ будетъ *чій*, род. *чійго*, дат. *чійму*, тв. *чіимъ*, предл. *абъ чіемъ* и им. мн. числа *чіе*; что же касается падежей жен. рода, им. падежа средн. рода и другихъ падежей множ. числа, то ихъ особенность сводится къ замѣнѣ звука *ѣ* звукомъ *і*. Изъ остальныхъ мѣстоименій только неопредѣленное—*нѣкій* имѣетъ особенность—вставляетъ *й* послѣ *ѣ*: *нѣйкій.*

Числительныя имена также имѣютъ свои особенности, а именно. Одинъ (*адинъ*) имѣетъ въ ед. числѣ тв. и предл. падежа на *ымъ* (*аднымъ*) и во мн. числѣ въ окончаніи всѣхъ падежей — *ы* (*адны*). Двѣ произносится *дьвѣ*. *Пять* и *шесть* (шесь) имѣютъ въ род. пат. кромѣ правильнаго окончанія—и окончаніе *ёхъ*, въ дат. *ёмъ*, твор. *ьми—пятёмъ, шастёхъ, пятьми, шестьми*. Семь (*семъ*), восемь (*восемъ*) девять (*девить*) и десять (*десить*) выбрасываютъ *ь* въ твор. падежѣ предъ *ю* и предложный имѣетъ на *ёхъ*. Девятю, десятю, абъ девятехъ, абъ десятехъ. Всѣ же остальныя числительныя согласны въ склоненіи съ великорусскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ сказаннаго, нѣкоторыя числительныя, количественныя и порядковыя имѣютъ особое произношеніе, а именно: *семь* и *восемь* имѣютъ на концѣ *г*, одиннадцать и двѣнадцать и до девятнадцати включительно имѣютъ *н* вмѣсто *д* передъ *ц*: одинанцать, дьвѣнанцать, трынанцать, чатырнанцать, пятнанцать, шаснанцать, семнанцать, васемнанцать и девитнанцать, *двадцать* и *тридцать* звукъ д—сцягчаютъ въ *ц*, девяносто на мѣсто *е* и конечнаго *о* принимаетъ *ь* и *а*; двацдать, трыцдать, дявьноста. Первый превращается въ *першій*. шестой—въ *шостый* и сотый въ *стовый*. Но особенно оригинально произношеніе дробныхъ величинъ. Вотъ онѣ: *павперша́, павтара́, павтраття, павчварта́, павпята́, павшаста́, павсима́* и *паввасьма́.*

Что касается степеней сравненія прилагательныхъ, то сравнительная имѣетъ ту особенность, что всегда принимаетъ краткое окончаніе—*й* и не всегда съ однимъ и тѣмъ же предшествующимъ гласнымъ *ѣ*: вслѣдствіе фонетическихъ правилъ вмѣсто него иногда является «э» послѣ звуковъ—*р* и шипящихъ, напр. *дабрэй, лавчэй, бардчжэй, хужэй* и т. п. Послѣднее мы видимъ и въ превосходной степени, въ которой еще кромѣ того мы встрѣчаемъ прибавляющуюся частицу «най», напр. *найхушшій, найлуччый* и т. п. При этомъ должно замѣтить, что первая степень обыкновенно соединяется съ предлогомъ «за», напр. *луччи за мяне.*

Въ спряженіи глаголовъ замѣчается общая всѣмъ имъ только одна особенность и именно та, что 3 лицо ед. числа и множеств. изъяв. наклоненія наст. времени оканчивается всегда на *ть*, напр. *ёнъ ходить, яны возять* и т. п. А такъ называемые *Агинцы*—крестьяне деревень восточной половины волости: Павловичъ, Мартьяновичъ и Дарошковичъ,—3 лицо ед. числа оканчиваютъ на *е*, а послѣ шипящихъ, согласно фонетикѣ на *а*, напр. *ёнъ еде, ёнъ пиша*. Въ частности, глаголъ *имѣть* въ данномъ говорѣ превращается въ *мѣть*, отъ чего образуются всѣ другія формы (*и* отбрасывается вездѣ)), и въ изъявит. накл. наст. времени—въ *маю, маишь* и т. д. Глаголъ *ѣсть* имѣетъ повел. наклоненіе *ѣжь-те*. Другихъ особенностей какихъ-либо рѣдкихъ, независящихъ отъ правилъ фонетики, въ спряженіи мы не встрѣчаемъ.

Теперь сдѣлаемъ краткое замѣчаніе и относительно лексической стороны говора. И именно то, что онъ принялъ въ свой словарь много словъ чужихъ—преимущественно польскихъ, причемъ многія изъ нихъ комически измѣнилъ, напр. *пузія, аткелзамъ, ма́спанъ, крамзе́ль* и др. Но всѣхъ ихъ мы не станемъ перечислять по причинѣ ихъ обилія. Этимъ мы и заключимъ нашъ очеркъ, а въ заключеніе представимъ образчики нашего говора.

Разсказъ.

Русалки чаразъ мяжу ня могуть хадить, аттаго вывялись. бо тяперъ, пярэй таго нябожа, вся зимля пирамѣрана. А у пярѐдъ (прежде), якъ йна ня мѣрына была̀, йхъ, было́ многа. У лѣси дыкъ ноччу только и чутно: гу, гу!.. Ажъ сумно. Давно, якъ казали старики, дьвюхъ привадили й къ намъ у дяревню.

Яны ничо́га ни гаво́руть, только плачуть й плачуть, ракой слиза̀ йллѐцца, пакуль пусьтють. А якъ пусьтють. тады запяеть, ды у лѣсъ.

Пѣснь.

А чія гэта мати
Па вулицы хо́дить.
А сусѣдычикъ просить:
Милые маи сусѣдычки!
А хадите вы ка мнѣ
Ды къ майму дитяти
Каравай качати.

Въ одной деревнѣ со мной живетъ крестьянинъ Леонъ Елисеевъ Лихачевъ. Лѣтъ 40, почти слѣпой, совершенно неграмотный. народный увеселитель, онъ является вечеромъ въ сборную избу парней и дѣвокъ, стариковъ и старухъ. Шумнымъ бываетъ всегда его приходъ. «Дядька Лявонъ, дядька Лявонъ!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ,—«разскажы намъ, што на бѣламъ свѣти дѣницца». Шумъ быстро смѣняется глубокой тишиной. «Дядька Лявонъ», усѣвшись на лавкѣ, тихимъ полутонкимъ голосомъ начинаетъ своимъ обыкновеннымъ предисловіемъ о томъ, что все будетъ сказывать правду, и потомъ рисуетъ въ риѳмической формѣ все подмѣченное имъ раньше и подслышанное современное.

«Казать сказки я ня вмѣю, — такъ начинаетъ онъ, — а разскажу, якъ тяперь на бѣламъ свѣти што дѣницца.

1. Тяперъ наставъ свѣтъ таковъ,
Што на свѣти мало дураковъ.
Бога за Бога ни мають,
За ниправду прысягають.
Сынъ батьку зниважаеть,
Ды йще за̀ лабъ патрасаеть.
Братъ брата ни маить за брата,
Дыкъ клядбы повна хата.
Систра на сястру,
А дачка на матку,
Съ тябе, гаворить, старая стерва
Нима парадку.
А якъ висна настанетъ,
2. Тады горшая сварка настанетъ.
Прыходить сусѣдъ ды къ сусѣду и
гаворыть:
Што, пане Якиме,
Будимъ Богу малицца хоть къ мякинѣ
—бо вжо хлѣба нима.
А якъ толька восенью хлѣба набивъ,
Такъ и на Бога забывъ.
«Ойчѐ» нашъ труесть зналився,
А въ небѣ свентя й забывся».
Хлѣба сколька намалотить,
То все ву каршму зава̀лочить.
Заллеть вочи гарѣлкой,
Ды й прыдить дамовъ ноччи,
Дома стануть сварицца,
А енъ тады й бицца.
Мавчать! я хазяинъ,
Я старався!
За другимъ разамъ пойдить,
Гарѣлки напъецца,
Ды дарогай павалицца,
Памарозить руки й ноги,
Тады й вѣчный убогій.
Якъ у насъ старый Варамей
Ды задумавъ жанить сына Сапрона,
А взять сабѣ дачку за нявѣстку
Кулину у Гапона.
А Кузьму хатѣвъ за свата взять.
Приходить къ яму Исакъ,

—ды гаворыть:
«Стой, братъ, ни такъ!»
Я думаю, кабъ Грышку за свата взять:
У яго калтуны висять;
Гэта—харошый сватъ.
Паслать треба мальчышку за Грышкомъ.
Паслали мальчышку за гэтымъ Грышкамъ.
—Што да мяне за прытэнсію маишъ,
Што за мной мальца пасылаешъ.
А нашъ старый Варамей атвѣчаеть:
—Што я ни прытэнсію маю,
А интэрасъ да тябе маю:
За табой мальца пасылаю.
Хачу жанить сына Сапрона
И взять нявѣстку дачку Кулину у Гапона,
Хачу тябе за свата взять,
Бо у тябе калтуны висять.
А енъ кажить: «баюся,
У сваты ни пайду: щарують».
А Исакъ ды й гаворить:
«Ня бойся—ни щарують.
Я атъ гэтаго што знаю,
То й табѣ нараю.
Чаразъ парогъ пиряступай,
Дыкъ на качаргу ступай.
Въ суботу ни рано сонце за лѣсъ заходить,
Грышка въ сваты приходить
Чаразъ парогъ ступаить
И на качаргу ступаить...
Дыкъ гэта качарга цавьемъ якъ замахнула,
Якъ дасть яму па лбу й па насу.
Разбила яму лобъ и носъ,
Ажъ енъ кудлами затросъ.
Тады гэтый Грышка зъ бою утамився,
Чуть къ лавцы прывалився
И на сватавство забывся...
А патомъ Грышка троху ачухався, алюхався,
Рашщибетався ня хужи соловья...
Атварачываецца Гапониха да Гапона:
Глядика,—кажить,—Гапонъ!
Дяржысь свайго закона.
Мала што будуть сваты гаварыть,
А дачку дарамъ няддавай.
Тады Гапонъ атварачываецца къ печы вячыма,
А на хату плячыма,
И табаку у трубку накладаеть
И сватовъ у евню атсылаеть.
Тады гэтые сваты тры дни плечы абъ глину били,
Пакуль высватали Кулину.
А за тры дни яны такъ згаладали,
Что Грышка ды гаворить у Исака:
«Ня будить тяперь пярдеть твоя срака».
А Исакъ ды гаворить да Грышки:
«Вытаргала ня худа й твае кишки».
Патомъ ужо прышли яны дамовъ,
Кулину высватавши.
И пасылаеть Варамей ды Грышку папа гадить.
А Грышка гаворить: ни пайду папа гадить, баюсь: щарують.
А Варамей ды й гаворить:
Ня бойся, ни щарують
Што знаю, то й табѣ нараю.
Зачапи, гаворить, жарновый камень за плечы,
Вазьми грамничную свѣчку
Й хлѣба пирапечку,
Лапти къ поясу привяжы,
Хто будить пытацца, ни кажи,
Разгаворовъ ни съ кѣмъ ня мѣй.

Здѣсь еще не конецъ. Но мнѣ не прислали изъ дому: не отыскали среди моихъ книгъ. Обѣщаюсь доставить конецъ и еще многое, если понадобится, такъ какъ я во время прошлыхъ каникулъ многое записалъ.

Долженъ еще прибавить, что содержаніе приведенныхъ и другихъ, имѣющихся у меня, не вымышленное, а имѣетъ себѣ соотвѣтствующее во многомъ, или даже въ большемъ, въ самой дѣйствительности.

Андр. Романовъ.

Жмудскія пѣсни изъ Полангена, записанныя въ іюнѣ 1893 г. Мечиславомъ Довойна-Сильвестровичемъ, переведенныя А. Погодинымъ.

PALONGOS ŽEMAITIŠKAS DAINES.

Отъ Аужиленисовой Уршули.

(Aužilene Uršule).

I.

— Rita ongsti keliau,
Doreles atveriau
Eiso, eiso ondinele;
Ale bet ne vyina (війна).
— Pastatik vedrelius!
Pagoldik naštelius!
Ekš, padeki, panoteli,
Zirgelius girdyti!
— Ne goldiau našteliu,
Ne statiau vedreliu,
Ne padejau aš berneliou,
Žirgeliu girdyti.
Ne ilgā stovejau,
Ne daug ta-kalbejau.
Jr pavita vainikelis,
Ont mona galveles.
Beg opele vingoudama,
Neš vainika lingoudama,
Jr nuneše, nulingava,
Pas brolele marga dvara,
Jr išeje broterelis.
Jr pažina vainikeli:
Tas yr seses vainikelis.
Tas yr seses žals rutelis!
Ai vainiki, vainiki,
Kor aš tavai pakavoso?
J skrineli pakavoso!
Vyina karta paveizejau;
Vainikelis bepelejis.
Ontra karta paveizejau;
Vainikelis sopelejis.

I.

Рано утромъ встала,
Двери отворяла,
По воду пойду я,
Все же не одна хоть.
— Ведра съ коромысломъ
Положи на землю,
Напоить моихъ лошадокъ
Помоги, дѣвица.
— Ведеръ съ коромысломъ
Я не положила,
Молодцу на помощь коней
Я не напоила.
— Долго не стояла,
Много не болтала,
И завялъ вѣночекъ
На моей головкѣ.
Вотъ бѣжитъ въ извивахъ рѣчка,
Мой вѣнокъ несетъ качая,
И къ усадьбѣ пестрой брата
Донесла и докачала.
Вышелъ братъ на бережочекъ
И узналъ онъ мой вѣночекъ:
То вѣнокъ сестрой сплетенный,
Изъ ея руты зеленой.
Ахъ, вѣнокъ, вѣночекъ,
Гдѣ тебя я спрячу?
Въ сундучекъ я спрячу!
Въ первый разъ туда взглянулъ я;
Плеснѣетъ вѣночекъ,
Во второй разъ поглядѣлъ я;
Заплеснѣлъ вѣночекъ.

II.

1 Jau vakaras nebtolyi,
Saule osileida!
Leisk ir moni matošele
So sauleli draugi.
O kad aš išeiso,

II.

Вечеръ не далеко,
Солнце закатилось,
Отпусти-же съ солнцемъ
И меня, родная.
А когда пойду я,

Jmso vyina biliuneli,
So savimi draug.
Šinavoso, kaipa galeso,
Aš ton biliuneli.
Jsidikso pas svirneli
Savyi ont akeliu.
Kada eisma pro biliuna
Tada aplaistisau.
Jr so ondinelio šalto
Visados laistisma.

Я возьму съ собою
Лишь однихъ піоновъ
Какъ смогу, я буду
Почитать ихъ вѣчно;
Около свѣтлицы
Посажу себѣ ихъ.
Какъ пойдемъ мы мимо,
Мы тогда польемъ ихъ (tada aplaistisau).
Мы всегда водой холодной
Поливать ихъ будемъ.

III.

Eit meškele par lendrina,
Lendres lonkstidama.
Stou strelčelios ož karklina,
Žad meškeli šauti,
— Eikš, meškele tatotele,
Soimk mon galveli.
Pakol mona gyva galva,
Aš so tavim šokso.
Ai, ai, ai, ai, ai;
Aš so tavim šokso.

III.

Плетется мишка въ камышахъ,
Камышъ угрюмо гнетъ.
Стоитъ охотникъ въ пвнякахъ,
Убить онъ мишку ждетъ.
— Эй, дядя Мишенька, сюда,
Головку мнѣ сорвать.
Пока я живъ, я радъ всегда
Съ тобою поплясать...
Ай, ай, ай, ай, ай
Съ тобою поплясать.

IV.

Eje višta i paredka!
Eje višta i paredka!
So šilkun sijono,
So kotouto kvartugo!
Jr sotika šiori gaidi!
Jr sotika šiori gaidi!
Klaus to višta: kor eti?
— Kvartugelie kon neši?
— Nešo miltu maišileli,
Jr vorelkas botelkeli.
Jr sopika šioris gaidis,
Jr išbarste maiša miltu,
Jr sokule šnapšes pleški

IV.

Пошла курица на свадьбу,
Пошла курица на свадьбу,
Съ шелковою юбкой,
Въ фартукѣ съ кистями.
Пѣтухъ щипанный на встрѣчу.
Пѣтухъ щипанный на встрѣчу!
«Ты куда идешь», спросилъ онъ,
«Что тамъ въ фартучкѣ несешь ты?»
—«Я несу муки мѣшочекъ
И горѣлочки бутылку».
Пѣтухъ щипанный озлился,
Онъ мѣшокъ муки разсыпалъ,
И разбилъ бутылку шнапсу.

V.

Pažiurek Žemaitike,
Kaip Saulite šoka!
Žemai spire, tonkei mine,
Žemaitis ne mate.
Ož stalele sedžo,
Ont ronkeliu rimau.
Gal matyti ir žinoti,
Kad mone ne mil.
Sedo rimojo, Dievou dekavoju.
Diekui Dievou, ponou Dievou,

V

Посмотри, Жмудинка,
Какъ Шавлянка пляшетъ!
Въ землю бьетъ, часто мнетъ,
А жмудинъ не видѣлъ.
За столомъ сижу я,
Опершись на ручку.
И узнать и видѣть можно,
Что меня не любитъ.
Я сижу въ раздумьи,
Славословлю Бога,
Слава Богу, пану Богу,

Svetius pamylejau!
Pamylejau vakar!
Pamylejau šindin!
Dar mylečo ir rito,
Kad bačka tiletu.
Alaus bačka nebišmana,
Girgždeti pradeje.
Jr giros kobilas bildeti pradeje.
Leido svetius pro kamara:
Girda kas tın šneka.
Ir boniokā, botilokā
Pasiritis plaka.
To išlioje, išvilioje paskotini laša.
Eširelis šapalelis;
Ta skani žovele.
Vo vaikelou kad kas douda,
Jaunoji mergeli.

Я гостей почтила!
И вчера почтила,
И сегодня чтила,
И почтила-бъ завтра,
Кабъ молчала бочка.
Бочка пива глупа,
Воркотню подняла и т. д.

VI.

Sejau rutas, sejau rožes,
Sejau lelyeles.
Sejau sava jaunas dyinas; (дійнас)
Kaip darži žoleles.
Digst rutele, digst roželes,
Digst ir lelijeles.
Digst ir mona jaunas dyinas;
Kaip darži žoleles.
Aug rutele, aug roželes,
Aug ir lelijeles.
Aug ir mona jaunas dyinas;
Kaip darži žoleles.
Žid rutele, žid roželes,
Žid ir lelijeles
Žid ir mona jaunas dyinas,
Kaip darže žoleles.
Nužid ruta, nužidrožes,
Nužid lelijeles.
Nužid mona jaunas dyinas;
Kaip darže žoleles.

VI.

Руту и розу я сѣяла.
Сѣяла лилію я,
Сѣяла дни свои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Стала расти моя лилія,
Рута и роза мои,
Также и дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Выросла чистая лилія,
Рута и роза мои,
Выросли дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Стала цвѣсти моя лилія,
Рута и роза мои,
Также и дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.
Вотъ отцвѣла моя лилія,
Рута и роза мои.
Также и дни мои юные,
Словно цвѣточки въ саду.

VII.

Biliunelis poikos,
Biliunelis gražos,
Biliunele žali lapā,
Raudoni židelē.
— O berneli mona!
O jaunasis mona!
Kor idiksva biliuneli,
Svetimo šalele.
O berneli mona!
O jaunasis mona!

VII.

Ты, роскошный мой піонъ,
Мой піонъ прекрасный,
У піона листъ зеленъ,
А цвѣточки красны.
Молодецъ мой, юный мой,
Ты молодчикъ юный!
Гдѣ намъ вырастить піонъ
На чужой сторонкѣ.
Молодецъ мой, юный мой,
Ты молодчикъ юный!

Isidiksav biliuneli,
Svirni ant akeliu.
Kas riteli vakareli,
Anan aplaistisav.

Мы взростимъ съ тобой піонъ
На глазахъ въ свѣтлицѣ,
Каждымъ утромъ, вечеркомъ.
Мы съ тобой его польемъ.

VIII.

Gol mergele patorie;
Aš tariau kad vovere.
Aš pasakiau škač[1]), škač, škač!
Ana saka: eikšt to pats!

VIII.

Подъ заборъ легла дѣвица,
Я какъ бѣлочка болталъ.
Я промолвилъ: шкачь, шкачь, шкачь!
А она: пошелъ ты самъ.

IX.

Kokou girioj' geguželė;
Verke bedna siratele.
Klaus: ko verki siratele?
Ar ne tori matošeles?
Gol matoše ant linteles,
Verk dokrele pri kojeliu.
—Ak matoše, matošele,
Ar ilga ši naktele?
— Ko bus ilga ši naktele?
Ar ne minksta perinele?
Graba skyidu [2]) poduškele,
Plonos drobes—drobolele.
Grabas mona—dvaras mona,
O doubele—teviškele!
Patrubočē—pasekejē.
Karuneles—vyišnes mona,
Zvakes mona panas mona,
Nešejelē—vedlei mona.

IX.

Вонъ кукушечка кукуетъ,
Горько плачетъ сиротинка,
Что ты плачешь, сиротинка?
Развѣ мать твоя скончалась?
— Мать лежитъ уже на доскахъ,
Плачетъ доченька у ножекъ.
— Ахъ, ты матушка родная,
Что, долга-ли эта ночка?
— Почему долга мнѣ будетъ,
Вѣдь мягка моя перинка;
Изъ гробовыхъ щепъ—подушка,
Полотяная простынка,
Дворъ мой—это гробъ мой тѣсный,
Моя родина могила,
Поѣзжане—трубачи(?)
Мои гостьюшки—хоругви
Мои свѣчи—мои паны,
А носильщики—то сваты.

* *
*

Отъ Пляциды Элингъ.

X.

Balts balandelis po sodna lakioje;
Jauns jaunikaitis priso manes atjoje.
Nedeles dyina, par cela adina
Poule ant žemes nebgyva buvos».
— Oi sesi sesi, seserelі mana.
Ne buk nuliudusi del sveta marnasti!
Sveta marnastis, vis tai mon už neka,
Darži rutelei tatai mon pateka.
Keik yra mediu ant šaku lapeliu;
Tyik yr po sveta vargdeiniu mergeliu.

X.

Бѣлый голубчикъ по саду леталъ,
Юный молодчикъ ко мнѣ прискакалъ.
Въ день воскресенья онъ наземь упалъ,
Словно умершій, онъ часъ пролежалъ.
О ты, сестрица, сестрица моя,
Ты не горюй о мірской суетѣ.
Суетность міра, ея я не чту.
Все наслажденіе—рута въ саду.
Сколько листочковъ на вѣткахъ деревъ,
Столько на свѣтѣ несчастнѣйшихъ дѣвъ.

---

[1]) Крикъ, которымъ отгоняютъ кошекъ.
[2]) Skyida-skiedra.

XI. Sirata.

Kukuj girio geguželi:
Verk ir bedna sirateli.
Ne verk bedna sirateli;
Nebatverksi ma·ušelis.
Kukuj girio geguželi;
Be ne mana matušeli?
Nu kukavima, nu lingavima,
Rodos mana matušeli,
Nu raibu plunksneliu,
Rodos gyrio geguželi.
Kad žinočio ton kalvele,
Kur gul mana matušeli,
Aš nueitčo, aš abyigdio.
aleis rutais, baltoms lelijeliums.
Trinktereto su kojeli,
Aš atversto velenele.
Zadinto, bodinto, matušele mana.
Kelk, kelk matušeli!
Jššokovkai man kaseles!
Matušele atlipdama,
Po žemele guledama:
— Tegul šukuj pamotele tava kaseles!
— Pamotele chitra širdele;
Draska man galvele.
Pamotele raganale muše peši;
Plaukus draski, par vainele duona dave.
Kukuj girioj geguželi;
Verk ir bedna siratele.

XI. Сирота.

Въ лѣсу кукушечка кукуетъ,
Сиротка бѣдная тоскуетъ;
Не плачь, сиротка, не воротишь:
Скончалась матушка твоя;
Въ лѣсу кукушечка кукуетъ,
Ахъ то не матушка-ль моя?
По кукованію, по крику
Какъ будто матушка моя,
По пестрымъ перышкамъ судя,
Какъ будто изъ лѣсу кукушка.
Кабы знала я могилку,
Гдѣ лежитъ моя родная,
Я пришла бы, обсадила
Лиліей, зеленой рутой;
Постучала бы я ножкой,
Оторвала-бъ дернъ зеленый,
Разбудила-бъ, закричала-бъ:
Ахъ, вставай моя родная!
Причеши мнѣ косы вставши.
Но въ землѣ холодной лежа,
Отказала мать родная:
Пусть ужъ мачиха причешетъ.—
Хитро мачихино сердце;
Только рветъ она головку,
Вѣдьма-мачиха сердита:
Рветъ и щиплетъ.
Драла волосы, насильно
Хлѣбца дала.
Въ лѣсу кукушечка кукуетъ,
Сиротка бѣдная тоскуетъ.

XII.

Kelk, kelk dokrele!
Kelk, kelk jaunoje!
Ar dar ne išmigoje?
Sena matuši ji neveryje.
Jauna mergele nebgyva guleje;
Kad i graba deje,
Tatošis matoši raudoti pradeje;
Kad i brika deje,
Brika linga, žirgai žvinga.
Gemene raudoje;
Kad nuveži pas bažniče,
Varpai sudzvanyje;
Jr išeje kunigelis, vargamistra,
Mones apgidote.
Kad ineši i bažniče,
Šešes žvakes dege.
Kad nuneši i kapelius,
J doubele deje, smelteliu bere:

XII.

Доченька, вставай,
Юная, вставай!
Иль не высыпалась?
Матьвей не вѣритъ.
Юная дѣва не жива лежала,
Въ гробъ ее клали.
Горько заплакали батюшка съ матушкой,
Клали въ телѣгу.
Кони заржали, телѣга качалась,
Плакали близкіе.
Вотъ привезли ее къ церкви, и въ колоколъ
Вотъ зазвонили.
Ксендзъ, органистъ теперь вышли,
Мессу служить.
Какъ принесли ее въ церковь, шесть свѣчекъ

Visi gentis ir sosedai po saujele,
Vo tetošis ir matoše alpa verke,
Pas doubele stovedama.
— Nabužilga trumpa česa
Jr jus če sugrinšet.

Возлѣ зажгли.
Вотъ принесли и на кладбище,
Клали въ могилу, пескомъ посыпали.
Всѣ то родные, сосѣди погорсточкѣ
Батюшка съ матушкой плакать устали,
Ставъ у могилы.
—Всѣ чрезъ короткое время
Къ намъ вы воротитесь.

XIII.

Bajorā.
Вар. Bezzenberger Lit. Forsch. Götting. 1882. № 1. (гдѣ указаны другіе варіанты). прим. перев. Visi bajorā žergus balnoje,
J vaina joje.
Eikem seseles i augšta svirna,
J augšta svirna, broli redite.
Viena seseli broleli redı.
Antra seseli žirgeli ševeiti,
Vo ši tretioje visomažoje,
Vartus atveri ir palideje.
— Oi broti, broti, broteli mana;
Ar tu pavisi raitu polkele?
— Vite pavisiu ginte paginsio;
Dievas tik žena arba sogrinšiu.
Eikem sesele i veiškeleli;
Ar nasolavksma sava broleli?
Kad mes stovejem kalne doubele;
Mes nurimojem augšta torele.
Parbeg žergelis par poskelele;
Auksa kelpeles svirov šaleles.
Parneš mondure auksa gozekeleis,
Balta grometele kraujo parašita.
Oi žergi, žergi, tu joudbereli;
Kor tu padejē musa broleli?
— Aš ji palikau Ringos mesteloj.
Ringos mesteloj svetio šalelej.
Užvajavoje Ringos mesteli,
Jr iškapoje dedi vaiskeli.
Devines mares plaukte isplaukiau,
O ši dešimta nerti parneriau,
Devines kolkas prošali leki;
O ši dešimta broleli kerta.
Kor galva krita, rožes išdiga.
Kur kraujei triška, žemčiui blizga.

XIII.

Всѣ дворяне коней осѣдлали,
На войну поѣхали.
Пойдемъ, сестрица, въ высокую свѣтлицу,
Въ высокую свѣтлицу собирать братца.
Одна сестрица собираетъ братца,
Другая сестрица конька чиститъ,
А та третья, самая младшая,
Ворота отворяетъ и провожаетъ.
— Ахъ, братецъ, братецъ, братецъ мой,
Иль ты завянешь въ полку конниковъ?
— Завять зявяну, защитить защищу,
Только, Богъ знаетъ, вернусь-ли?
Пойдемъ, сестрица, на большую дорогу,
Недождемся-ли своего братца?
Когда мы стояли на холмѣ въ лощинѣ,
Мы опирались на высокій заборъ;
Прибѣгаетъ конь на полъ-дороги,
Золотыя стремена висятъ по бокамъ.
Онъ приноситъ мундиръ съ золотыми пуговицами;
Бѣлое письмо кровью написано.
Конь ты, конь чернобурый,
Куда ты дѣвалъ нашего братца?
— Я оставилъ его въ городѣ Ригѣ,
Въ городѣ Ригѣ, на чужой сторонкѣ.
Завоевали городъ Ригу
И выстроили большое войско.
Девять морей я вплавь переплылъ,
А то десятое ныркомъ пронырялъ.
Девять пуль въ сторонѣ пролетѣло
А та десятая въ братца попала.
Гдѣ голова упала, розы выросли;
Гдѣ кровь брызнула, жемчуга горятъ.

XIV.

Tris dokreles.

Подобная пѣсня находится въ «Polangos Juze» епископа Волончевскаго примѣч. перев.

Послѣ каждой строки: sule rule.
Angstyi rita, riteli kelaj senas tevelis.
Jr išeje i dervele aveteliu set.
Jr paseje tus javelius vardo aveteleis.
Jr pajauga aveteles žaleis lapeleis.
Jr isirpa aveteles raudonoms ougelioms:
Jr išietris paneles tu ongeliu rinkt.
Jr atjoje tris bernelei tu paneliu imt.
Sveikas linksmas paniulaites, mes tamstas permyje.
Jei uš mumis netekesit, geresniu negauset.
Vyina buva trumpa drukta,
Antra buva augšta, kleina,
O trečioje joudakele.
Trumpa drukta—už mužika.
Augšta, kleina už bajora.
Joudakele—už ci:ona.
Pri možeka—daug darbeli:,
Pri bajora—jouda douna.
Pri cigona—daug makaru [1]).

Рано утречкомъ, утромъ вставши, батюшка старый
Вышелъ въ поле-пашню на посѣвъ малины.
И посѣялъ онъ тѣ злаки именемъ малину,
И повыросла малина та листомъ зеленымъ,
И обсыпалась (?) малина ягодой румяной.
И три барышни на поле брать малину вышли,
И три молодца явились барышень похитить.
Какъ вы барышня живете? Мы явились раньше
Коль не выйдете за насъ вы, лучшихъ не достать вамъ.
Коротка, толста одна,
Высока, тоща другая,
Ну, а третья черноглазка.
Мужику толстушка эта,
Дворянину—что повыше,
Черноглазка за цыгана.
У крестьянина работа,
Черный хлѣбъ у дворянина,
У цыгана—-много палокъ

XV.

Melenasis balandeli, kame tu lakioje?
Geltonasis karoseli, kame tu skraioje?
Melenasis balandelis,—po žales gereles.
Geltonasis karoselis,—po juras mareles.
Kas turesai auksa strelba,—tas mani nušausai.
Kas turesai šilku tinkla.—ta moni sugausai.
Ponas tori auksa strelba, — tas moni nušausai.
Poni turi šilku tinkla,—ta moni sugausai.

XV.

Сивый голубочекъ, гдѣ ты все леталъ;
Желтенькій карасикъ, гдѣ ты все нырялъ?
Сивый голубочекъ по лѣсамъ зеленымъ,
Желтенькій карасикъ въ морѣ океанѣ.
У кого ружье златое, тотъ меня застрѣлитъ,
У кого есть сѣть изъ шелку, тотъ меня изловитъ.
Панъ несетъ ружье златое, онъ меня застрѣлитъ.
Есть у паны сѣть изъ шелку, та меня изловитъ.

---

[1]) *Макара* (по Куршату) «большая палка, которую носятъ предводители шаекъ контрабандистовъ.»

XVI.

(Повтореніе уже помѣщенной). прим. перев.

Sejau rutus, sejau rožes, sejau lelijeles.
Sejau sava jauvnas deinas, kaip darže žolelis.
Jšdigst rutai, išdigst rožes, išdigst lelijeles.
Jšdigst mana jaunas dejnas, kaip darže žolelcs.
Pajaug rutaj, pajaug rožes, pajaug lelijeles.
Pajaug mana jaunas deinas, kaip darže žoleles.
Pražid rutai, pražid rožes, pražid lelijeles.
Pražid mana jaunas deinas, kaip darže žoleles
Židai rutai, židai rožes, židai lelejeles,
Židai mana jaunas deinas, kaip darže žoleles.
Nužid rutai, nužid rožes, nužo lelijeles.
Nužid mano javnas deinas, kaip darže žoleles,
Vistai rutai, rožes vistai lelyjeles.
Vistai mana jaunas deinas, kaip darže žoleles.
Džunai rutai, džunai rožes džunai lelijeles.
Džunai mana jaunas dyinas, kaip darže žoleles.
Ataug rutai, ataug rožes, ataug lelijeles.
Nebaug mana jaunas dyinas, kaip darže žolelis.

XVII.

— O kas ten subildeje,
Nu užuilina trinktereje?
— Kuisis nabags paslida,
Žemin galvioj nuslida,
Nuslida, nuslida!
Nu šakos užulina,
Paluža šonkaulina.
Du šonkauliu paluža,
Do danteliu išluža.
Isluža, ižluža!
Begk, begk greitā musele;
Rasi smerte pusele;
Is vos gyvas alpuluv,
Akis smerti raibolov!
Raibolov, raibolov!
Neverk bedna museli,
Nebjoukuivsi vargusi.
Vedoms joukai i šali i šali!
Neverk bedna moseli,
Ves' paimsi po mones.
Šius ilgusius ragus,
Šmarke nose ir nagus.
Ir nagus ir nagus!
Dar dou svaro lašiniu,
Dvi užkula reisteniu.
Kumpius reibius džiovisi,
O mesele maitinsis.
Maitinsis, maitinsis!

XVII.

Что это тамъ зашумѣло,
Со стукомъ съ дуба свалилось?
Бѣдный комаръ поскользнулся,
Въ землю головой уткнулся,
Уткнулся, уткнулся!
Съ вѣтки дубовой (онъ свалился),
Ребро сломалъ.
Два ребра сломалъ,
Два зубка вышибъ.
Вышибъ, вышибъ!
Бѣги, бѣги, мушка, поскорѣе,
Найдешь въ полусмерти;
Еле-живой онъ лежитъ уже безъ чувствъ.
Глаза смертью помутились.
Помутились, помутились!
Не плачь, бѣдная мушка,
Будучи въ горѣ, ты не будешь больше шутить.
Извѣстно, шутки въ сторону, въ сторону!
Не плачь, бѣдная мушка,
Все получишь послѣ меня:
Эти длинные рога,
Страшный хоботъ (носъ) и когти.
И когти, и когти!
Еще два фунта сала,
Двѣ . . . ? . . . ножки,

Dar po veina išgersma,
Ir taureles apversma,
Amžina atelsi—koiseloi,
Tam vargšeloi – atelsi.
Atelsi, atelsi!

* *
*

Отъ Уршули Аужеленисовой.
(Aužilene Uršule).

Жирные окорока высушишь,
А мясо скормишь.
Скормишь, скормишь!
Выпьемъ еще по одной,
И рюмки опрокинемъ.
Вѣчный покой комарику,
Этому бѣдняжкѣ-покой.
Покой, покой!

XVIII.

Vasaras vidore
Zid daug žoleliu
Ir kvepontiu kvetkeliu
Oi, kas anun židejims,
Ir kas anun kvepejims,
Tun žoleliu pyivo.
Eidams jaunikaitis so dalgiu;
Pakirsdams žoleli.
O kas anu sovitims!
Jr kas anu sodžiuvims,
Tun kvetkeliu kvepontiun.
O mergeles, o jaunoses,
Jeigo buset geros mados,
Neks neatims jusu cnatas,
Ne panistes stona.

XVIII.

Въ серединѣ лѣта
Цвѣтетъ много растеній
И душистыхъ цвѣтовъ.
О, что за расцвѣтъ,
Что за благоуханіе
Этихъ растеній на лугу!
Приходитъ юноша съ косою,
Срѣзаетъ растеніе.
О, что за увяданіе,
Что за гибель ихъ,
Этихъ душистыхъ цвѣтовъ.
О юныя дѣвушки,
Если вы будете хорошаго нрава,
Никто не отниметь ни вашей добродѣтели,
Ни состоянія дѣвственности.

XIX.

— Mergele mona jaunoje,
Kor goli tomsi nakteli?
— Augštami naujemi svirnele,
Matošes balto lovele.
— Ar gali moni jauna pažinti,
Ir so savim draugi nakvinti?
— Negalo tamstas prijimti,
Toro raktelius skombo
Ir doreles girgždontens! tius,
— Mergele mona jaunoje,
Aš tavi jauna mokiso.
Pakelk doreles nebgirgždes,
Sojimk raktelius—nebskambes!
— Stumso vaikeli itorma,
Meso keporeli i porva!
— Mergele mona jaunoje,
Pagailek mona menkos jaunistes!
Leidau berneli iš torma,
Jemiau keporeli iš purva.
Eit bernelis iš torma;
Kel keporeli iš porva.

XIX

Слушай, юная дѣвица,
Гдѣ лежишь ты темной ночью?
Въ новой горницѣ высокой,
Въ бѣлой маминой постели.
Можешь ты меня узнать,
Со мной вмѣстѣ ночевать?
— Нѣтъ: принять я не могу васъ,
У меня ключи звенятъ,
Двери всѣ у насъ скрипятъ.
— Слушай, юная дѣвица,
Научить тебя могу я.
Ключь сними—не зазвенитъ,
Дверь поднять, не заскрипитъ.
— Парня я въ тюрьму толкну,
Шапку въ грязь я брошу.
— Слушай, юная дѣвица,
Пожалѣй мою ты юность.
Изъ тюрьмы пустила парня,
Шапку я взяла изъ грязи.
Изъ тюрьмы вотъ онъ идетъ.
Шапку изъ грязи беретъ.

XX.

Eit bernelis par mesta,
Ronkeles laužidams,
Ašaras šloustidams.
Eje, eje ir kalbeje.
— Kor mona jaunoje?
Ejau vakər, ejau šindin,
Neka napamatiau.
O mergele ta gerele,
Zirgus begirdonti.
Kad nuejau,
Kad pamatiau,
Širdis atsigava.
O nuejis o pamatis,
Kou neapslabnejau.

XX.

Идетъ парень черезъ городъ,
Рученьки ломая,
Слезы вытирая.
Шелъ онъ, шелъ, проговорилъ:
— Гдѣ теперь моя молодка?
Шелъ вчера я, шелъ сегодня,
Никого не видѣлъ.
А дѣвица та въ лѣсочкѣ,
И лошадокъ поитъ.
Какъ пришелъ я, какъ увидѣлъ,
Сердце вновь забилось;
Какъ я чувствъ-то не лишился,
Какъ ее увидѣлъ?

XXI.

Piršli šelmi malagi
Piršdams geras vyitas,
Sake kalni rogelē
O pakalne purelē
Radau kalni smilgelius,
O pakalne dirseles.
Sake: mura dvarelis,
So krikštola longelēs.
Kad aš jauna nuejau,
Neka gera neradau.
Piršli šelmi malagi,
Aš tau douso dovenas:
Nu pošeles stoumini,
Nu beržele apkakli.

XXI.

Сватъ, шельма, лгунъ,
Въ хорошія мѣста высваталъ:
Говорилъ: на горѣ рожь,
А подъ горою пшеница.
На горѣ я нашла метелку,
А подъ горою репейникъ.
Говорилъ: каменная усадьба,
Хрустальныя окна.
Какъ пришла я, юная,
Ничего хорошаго не нашла.
Сватъ, шельма, лгунъ,
Дамъ тебѣ подарочки:
Стволикъ сосенки,
Да березовый галстучекъ.

XXII.

Vyina rita onksti,
Boba atsikele.
Stojos pas vartu,
Galva kasineje.
Sotika ji dede,
Kor ons pasirede?
Ont kopustu viršu
Šarkus pasideje.
Eje žids kalbedams,
Poterius mormedams.
Jr pamate seni:
Pasake: ko steni!

XXII.

Однажды рано утромъ
Поднялась баба,
Стала около воротъ,
Чесала въ головѣ.
Встрѣтила она дядю:
Гдѣ онъ нарядился?
На верху капусты
Онъ одѣлъ одежду.
Идетъ жидъ, болтая,
Бормоча молитву;
И увидѣли его старики,
Сказали: «что ты стонешь»?

XXIII.

Kor ta yra?
Kor ta bova?
Kor ta pasideje?
Kor aš matiau,

XXIII.

Гдѣ это есть?
Гдѣ это было?
Куда дѣвалось?
Гдѣ я видѣла

Jr pažinau,
Ožpernikšti meta?
Saka žmones, kad toreje
Lig posontra šimta.
Tun baltuju,
Jr jouduju,
Uisoke gatunka.
Ejau aš par laukus.
Soveliau sau plaukus.
Kad anon bin šou atimtum,
Ož ton mona varga.
Kad aš jos nematiau,
Kad aš nepažinau!
Jšveliau sau plaukus;
Tada išpažinau,
Kad nera verta
Mergoms osidouti,
Jr ju pažinti.

И узнала
Въ запрошломъ году?
Говорятъ люди, что у него было
До полутораста
Тѣхъ бѣлыхъ
И черныхъ
Всякаго рода.
Пошла я по лугамъ.
Спутала себѣ волосы
Пусть его песъ возметъ
За это мое горе.
Кабы я его не видала,
Кабы я его не узнала!
Распутала (išveliau) себѣ волосы;
Тогда только узнала,
Что не слѣдуетъ
Дѣвушкамъ отдаваться (užsiduti)
И узнавать ихъ.

XXIV.

Gyid bernelis «aleluja»:
Merga viskon išvilioje.
Kar reik dingti,
Kor reik šokti,
Nebtorio kon
Besogolti.
Ejau par kruma [1]),
Ejau par koitina.
Sotikau mergeli,
Sotikau mergeli,
Žoleles renkonti.
— Ekš to mergele.
Ekš to jaunoje!
Aš tau padeso,
Žoleles rinkti.
— Pakol gyva buso,
Aš nebosidesio
So jaunās vaikelēs.

XXIV.

Поетъ молодецъ «алилуя»!
Дѣвушка все выманила
Гдѣ мнѣ быть,
Гдѣ плясать,
Не съ кѣмъ
Спать.
Пошелъ черезъ кустарникъ
Пошелъ по ельнику;
Встрѣтилъ дѣвушку,
Собирающую травы.
— Поди сюда, дѣвушка,
Поди сюда, юная!
Я тебѣ помогу
Собирать травы.
— Пока жива буду,
Не стану противиться
Молодымъ парнямъ.

Примѣчанія переводчика къ пѣснямъ. Напечатанныя здѣсь пѣсни интересны главнымъ образомъ, какъ образчики говора. По содержанію же это или варіанты къ пѣснямъ, распространеннымъ по всей Литвѣ и Жмуди, или пѣсни несомнѣнно духовнаго происхожденія, или наконецъ пѣсни, спеціально мѣстныя, именно принадлежащія жителямъ уѣзда Тельшевскаго, окрестностей Полангена и извѣстныхъ частей земли Латышей. Къ первой группѣ нужно причислить слѣдующіе номера: I (Варіанты: къ ст. 1—16—Juškevič Liet. dain. № 720, 1—5, къ ст. 16—31—Bezzenberger Lit. Forsch. № 67; ср. также Bezzenberger № 43 и Juškevič Liet. dain. № 485), II. (запѣвъ: стр. 1—4 очень обыченъ, ср. напр. Leskien. изд. 1882 г. № 59, Juškevič Svodb. dain. № 59 и 1027), VI (Варіанты общеизвѣстны), VII (Варіанты къ запѣву у Juškevič Svodb. dain. № 152, 205, 208), IX (Почти полное сходство съ Juškevič Liet.

[1]) koitinas-kuitinai—еловый лѣсъ.

dain. № 1541), XII. (Вар.: Bezzenberger ibd. № 5. Juškevič Liet. dain. № 5). XIII. (Вар.: Bezzenberger ibd. № 1), XV. Вар.: Juškevič Svodb. dain. № 471, 495), ко второй X, XVIII. (Варіантъ у Волончевскаго Palangos Juze. Wilnuje 1864 (контрф.), стр. 81), наконецъ къ третьей группѣ нужно причислить XI (Почти тожественные варіанты у Трейланда. Сборникъ антропологическихъ статей..., издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва 1873. №№ 881, 968, 969), XIV. (Любопытна исторія этой пѣсни: Довконтъ приводитъ въ соч. «Buda Senowęs-Lëtuwiû Kalnienû ìr Zámajtiû» СПБ. 1845 на стр. 33 пословицу—съ ссылкой на Lepner Preuss. Litauer. Danzig 1690—ìlgs tìjws mergìniks trumps drukts darbiniks; затѣмъ подобная пѣсня у Волончевскаго ibd. стр. 19, наконецъ у Трейланда ibd. № 649). Остальныя пѣсни я отнесъ бы также къ первой группѣ, хотя указать ихъ непосредственныхъ варіантовъ теперь не могу.

Пѣсни записаны отъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ Элингъ, по сообщенію собирателя, происходитъ изъ Кретингена и только живетъ въ Полангенѣ (сколько лѣтъ, не указано, хотя въ виду ея смѣшаннаго нарѣчія это было бы очень важно). Ниже данъ обзоръ языка обѣихъ пѣвицъ:

Aužilene uršul e:—9, 18—24.

Лит. *ů*=здѣсь *ou*: vingoudama, lingoudama 1,$_{18-19}$, douda 5,$_{26}$;

Лит. *ie*=здѣсь *yj*: vyjna 2,$_{6}$. 1,$_{4}$. dyjnas. 6,$_{2}$ [1]).

Лит. *u* =то *u*, то *o*; вотъ всѣ случаи, гдѣ *u* изображено черезъ *o*: eiso, 1,$_{4}$. pagoldik 1,$_{6}$. goldiau. 1,$_{9}$. opele 1,$_{17}$. kor. 1,$_{26}$. pakavoso 1,$_{26}$. osileida 2,$_{2}$. matošele 2,$_{3}$. išeiso 2,$_{5}$. imso 2,$_{6}$. strelčelios 3,$_{2}$. ož 3,$_{3}$. 5,$_{5}$. soimk 3,$_{6}$. so savimi 3,$_{8}$. šokso 3,$_{8}$. boniukā 5,$_{21}$. botiliokā 5,$_{21}$. leido 5,$_{11}$. mylečo 5,$_{14}$.sedo rimojo 5,$_{9}$. paskotini 5,$_{23}$. žovele 5,$_{25}$. so 4,$_{3-4}$. sijono 4,$_{3}$, kotouto 4,$_{4}$, kvartugo 4,$_{4}$. sotika 4,$_{5}$. šiori 4,$_{5}$ $_{11}$. sopika 4,$_{11}$. sokule 4,$_{13}$. sedžo 5,$_{5}$. poikos 7,$_{1}$. gražcs 7,$_{2}$. kor 7,$_{7}$. 19,$_{2}$. gol 8,$_{1}$. kokou 9,$_{1}$. tori 9,$_{4}$. matoše 9,$_{5}$. dokrele 9,$_{6}$. drobolele 9,$_{12}$. vidore 18,$_{1}$. so 18,$_{7}$. jejgo 18,$_{13}$. negalo 19,$_{7}$. toro 19,$_{8}$. doreles 19,$_{9}$. stumso 19,$_{14}$. torma 19,$_{14}$. porva 19,$_{15}$. mokiso 19,$_{11}$. keporeli 19,$_{15}$. rogelē 21,$_{3}$. pošeles 21,$_{13}$. mormedams 22,$_{10}$. bova 23,$_{2}$. ožpernikšti 23,$_{6}$. toreje 23,$_{7}$. po ontra 23,$_{8}$. nebtorio 24,$_{5}$. besogolti 24,$_{6}$. koitina 24,$_{8}$.

Лит. *i*=иногда *e*: buset 18,$_{13}$. jaunoje 19,$_{1}$. gerele 20,$_{8}$. Конечное *e* близко къ *i*; вотъ всѣ случаи, гдѣ видна замѣна одного другимъ: Voc. Sing. vainiki 1,$_{25}$. Acc. Sing. galveli 3,$_{6}$. mergeli 5,$_{27}$. botelkeli 4,$_{10}$. pleški 4,$_{13}$. skrineli 1,$_{27}$. žoleli 18,$_{8}$. nakteli 19,$_{2}$. (ср. латышс. Nom. zāle-Acc. zāli), Voc. Sing. panoteli 1,$_{7}$ (но siratele 9,$_{3}$. matošele 2,$_{3}$, Loc. Sing. darži 6,$_{4}$. svirni 7,$_{12}$. draugi 19,$_{6}$. kalni 21,$_{3}$ (но pakalne), augštami naujemi 19,$_{3}$ (ср. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen. 1877, стр. 133 и 150); *i* вм. ę: nuejis, pamatis 20,$_{13}$, наконецъ *i* вм. *e*: tin 5,$_{20}$. bin 23,$_{14}$. šindin 5,$_{13}$.

E открытое, какъ *a*: malagi 21,$_{1}$. ta 1,$_{14}$. Отсутствіе јотаціи въ Nom. Plur. lapā 7,$_{3}$. židelē 7,$_{4}$. patrubočē 9,$_{15}$. pasekejē 9,$_{15}$. nešejetē 9,$_{18}$ (но vedlej), въ Instr. Plur. longelēs 21,$_{8}$. jaunās vaikelēs 24,$_{18}$, въ нарѣчіяхъ ilgā 1,$_{7}$; въ мѣстоименіи tai: tā 23,$_{1-2}$; въ глаголѣ eiti: ekš 1,$_{7}$ (eikš 3,$_{5}$), eti 4,$_{7}$.

Лит. *an*=здѣсь *on*, иногда *an*: ongsti 1,$_{1}$. Ondinele 1,$_{3}$. ont. 1,$_{16}$ (но 7,$_{12}$. 9,$_{5}$. ant), lonkstidama 3,$_{2}$. tomsi 19,$_{2}$. anon 23,$_{14}$ (но 7,$_{14}$: anan). skombontius 19,$_{8}$ (но nebskambes 19,$_{13}$), ton 23,$_{15}$. viskon 24,$_{2}$. mona 6,$_{7}$. moni (acc.) 2,$_{3}$. mon (dat.) 3,$_{6}$. kon 4,$_{8}$.

Лит. *ja*=*je*: naujemi 19,$_{3}$.

Отсутствіе смягченія *t* и *d*: goldiau 1,$_{9}$. statiau 1,$_{10}$, и въ окончаніи *siu*=so,—*iu*=o.

V выпадаетъ въ словѣ patorie (patvorie) 8,$_{1}$, въ началѣ слова ставится передъ гласной: vo 5,$_{26}$. vorelkas 4,$_{10}$, въ исходѣ переходитъ въ *u*: stou 3,$_{3}$. aplaistisau 2,$_{13}$ (но aplaistisav 7,$_{14}$).

[1]) Dievas 5,$_{9}$ вліяніе книжное.

Io *e*: brolele 1,20, eje 4,1.

Ko и *kou* (=kū 9,9. 20,24.

Нужно отмѣтить jотацію въ словѣ: nebtolyj 2,1, *a* въ словѣ kaip*a* 2,8.

Изъ морфологическихъ особенностей нужно указать:

Gen. Sing. ā—основъ, обыкновенно, имѣетъ окончаніе:—*as*, но *os* въ geros mados 18,19. jos 23,16. Dat. Sing. *O*—основъ=*ou* (=ů): bernelou 1,11. vaikelou 5,26. ponou 5,10. Dievou 5,9. savyj 2,11. Acc. Sing. сохраняетъ назализацію въ anon 23,14. ton 23,15. viskon 24,2 и др., to (acc. fem.) 4,7.—ср. латыш. to, tavai 1,26.

Gen. Plur. то сохраняетъ назализацію, то нѣтъ: anun 18,4-5. (anu ibd. 9—10), tun 18,6. kverontiun. 18,11, но žoleliu и пр.

Спряженіе. Dual. Fut. idiksva 7,7. но isidiksav 7,11, aplaistisau 2,13. 7,14.

Отсутствіе окончанія въ 3 лицѣ Praes. kokou. 9,1. gyid 24,1.

Плящида Элингъ.

Лит. ů=здѣсь *ou*: doubele 12,18, которое иногда переходитъ въ *ov*: iššokovkai 11,19, также—*u* šukuj 11,22, *uv*: alpuluv 17,13, *uiv*: nebjoukuivsi 17,17, *ov*: raibolov 17,14 и даже *uo*: duona 11,26, наконецъ *ui*: užuilina 17,2 (но užulina 17,6).

Лит. *ie*=здѣсь *ei*: veiškeleli 13,14. deinas 16,2. veina 17,29. reisteniu 17,25. keik 10,9. vergdeiniu 10,10, также *yj*: abdyigčio 11,13. dyinas 16,16. vyina 14,10. tyik 10,10. dyina 10,3, Лит. *i*: atlipdama 11,20 išmigoje 12,3. permiję 14,8 и *ie*: viena 13,5. Dievas 13,15.

Лит. *u*=здѣсь то *u*, то *o*; вотъ случаи съ *o*: žinočio 11,11. nuejtčo, abdyjgčio 11,13. trinktereto 11,15. atversto 11,16. žadinto 11,16. bodinto 11,17. dokrele 12,1. tatošis, matoši 12,7. 12,20. sosėdai 12,19. visomažoje 13,7. kolkas 13,29. kor 13,22 (но kur 13,32), kraujo 13,20. poskelele 13,17. paginsio 13,11. sogrinšiu 13,12. tori 15,7 (но turi 15,8). moseli 17,19. 17,16. koiseloi (dat.) 17,31. vargšeloi 17,32.

Смѣшеніе *i* и *e* въ неударенныхъ слогахъ: *Nom.* matuši 12,4. matoši 12,7. gemene 12,10. sesi 10,5. seseli 13,5. geguželi 11,1. sirateli 11,2. *Voc.* moseli 17,19. museli 17,16. matušeli 11,8. *Acc.* poskelele 13,17. kalvele 11,1, torele 13,16. doubele 12,18, matušele 11,17. *Gen.* matušelis 11,1. *Instr.* kojeli 11,15. *Loc.* darže 16,2. darži 10,8. *Acc. Plur.* žolelis 16,2 (žoleles ibd.). Окончанія 3 л. прошедш. времени: peši 11,25. draski 11,26. nuveži 12,11. ineši 12,15. nuneši 12,17. atveri 13,1. leki 13,29. Наконецъ Loc. Plur. vargusi 17,17. Обратная замѣна: gemene 12,30. jaunoje 12,2. apgidote 12,14. smelteliu 12,18. bere 12,18. sugrinšet 12,23. žergus 13,1. visomažoje 13,7. redite 13,4. vite 13,11. negauset (но netekesit) 14,9. možeka 14,16 (но mužika 14,13). kerta 13,30. dedi 13,26. žergi (voc) 13,21. žergelis 13,17. melenasis 15,1. nose (Acc.) 17,22. atelsi 17,32.

Ja=e žales 15,3.

E открытое, какъ *a*: na 13,14. tatošis 12,7. (tetošis 12,20). Отсутствіе jотаціи 2 л. прошедш.: врем.: padejė 13,22. lakiojė, skrajojė 15,2; нарѣчіе: greitā 17,11. Дифтонгъ *au*: *auv*: jauvnas 16,3. *av*: Solavksma 13,14.

An=здѣсь *on* и *an*: mon 10,8. man 11,24. ton 11,11. mani 15,5. moni 15,6. mones 17,20.

V выпадаетъ въ torele (tvorele) 13,16; неорганическое въ словѣ *vo* 12,20.

Морфологія Loc. Sing. smerte 17,12. galvioj 17,4. šalelej 13,24. mestelој 13,23.

Instr. Plur. lelijeliums 11,14.

Надо указать формы съ приставнымъ слогомъ *ai*: turesai 15,5. nušausai 15,5. židai 16,9. vistai, džunai.

Слово *два*=*du* встрѣчается въ слѣдующихъ формахъ:—du 17,8. do 17,9. dou (=du) 17,21.

Пѣсни переведены всѣ, кромѣ XVI и конца пятой, лишеннаго всякаго смысла.

А. Погодинъ.

Загадки корелъ Олонецкой губ.

Представляемыя мною загадки собраны преимущественно въ Святозерѣ, Пряжѣ, Сямозерѣ, Вешкелицахъ и Салменицахъ Петрозаводскаго уѣзда, и расположены онѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ собраны. Текстъ ихъ переданъ на двухъ языкахъ—на корельскомъ и русскомъ. Текстъ корельскій написанъ русскими буквами, и только для изображенія звуковъ, для которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ въ русской азбукѣ, я прибѣгнулъ къ особымъ знакамъ: звукъ, средній между русскими «у» и «ю», я изображаю Ў, средній между «а» и «я»,—ӓ, средній между «о» и «ё»—ӧ; придыханіе, среднее между г и х—изображаю черезъ һ. Всѣ же остальные звуки изображены русскими буквами.

1. Ми пертилэ селлинъ?—кирвезъ.
2. Ми пертилэ эзинъ?—ӧбразъ.
3. Ми пертизъ нӓгемятӧй?—ляммю.
4. Сада сарвинэ, туһа юврииэ, минъ панэдъ, кай ювъ.—Кюлю-пяччи.
5. Иштувъ акку пертизъ, каксъ бійбойдъ суузъ.—Орзи-пачасъ.
6. Ламмаһадъ айязъ, һяннӓдъ иралъ.—Лузикадъ.
7. Какси мустуа вастай.—Лаги и лате.
8. Сада салдататъ ўхтэлъ піелуксэлъ муатаһъ.—Лаги.
9. Луйкой, лайкой лууһизенъ мечянъ-така.—Кіели.
10. Валгей һево айянъ така.—Луми-кибозъ
11. Руби-кажа айялъ.—Тайвазъ.
12. Пиккарайнэ, пюӧрюзяйнэ, кайкелэ муалэ армазъ.—Денгу.
13. Онъ минулъ оршой, минъ панэдъ кай каннавъ.—Стӧла.
14. Кичеряйнэ, кячеряйнэ, кай кядэдъ каччовъ.—Кіягю.
15. Педру сэйзовъ, ялгадъ муаһъ эй тӓвдўтӓ (коскеда).—Кяткюдъ.
16. Почийне пюӧрўвъ, вачайнэ тӓвзъ тайну.
17. Рускей суккутайгиназъ.—Вуассу.
18. Ліечувъ, тювдювъ, лиһасъ риппувъ.—Сергу.
19. Леллойнэ левонъ піялъ, ўксъ ялгу перзіенъ аллъ.—Труба.

Что на избу спиной?—топоръ.

Что на избу передомъ (лицомъ)?—икона.

Что въ избѣ невидимо?—тепло.

Сто роговъ, тысяча корней,—что положишь, все выпьетъ.—Каменка въ банѣ.

Сидитъ баба въ избѣ, двѣ кромки во рту.—Столбъ въ избѣ, къ которому прикрѣпляются двѣ полки.

Овцы въ огородѣ, хвосты внѣ. Ложки въ мискѣ.

Двое черныхъ другъ противъ друга. Полъ и потолокъ.

Сто солдатъ на одной подушкѣ спятъ.—Потолокъ.

Трещитъ, звенитъ за костянымъ лѣсомъ.—Языкъ.

Бѣлая лошадь за огородой. Сугробъ снѣга.

Коростовая шубенка на огородѣ. Звѣздное небо.

Маленькій, кругленькій, всему міру дорогой.—Монета.

Есть у меня жеребецъ, что положишь, все несетъ.—Столъ.

Изогнутый, гнутый руки всѣхъ разсмотритъ. Дверная скобка (ручка).

Стоитъ олень, ноги до земли не дотрагиваются.—Колыбель.

Поросёнокъ вертится, брюхо полное. Веретено, съ намотанными на него нитками.

Красный чулокъ въ квашнѣ. Квасъ.

Качается, трясется, за мясо держится.—Серёжка.

«Леллойне» (непереводимое слово;—по смыслу оно обозначаетъ нѣчто удалое, бойкое по движеніямъ, выскочку...) надъ крышей, одна нога подъ з....... Труба курной печи.

20. Иккунаһъ ей сўнву, сейнäнъ пуазуһъ сўннўвъ.—Сардю.

Въ окно не входитъ, а въ стѣнной пазъ (щель, образующаяся въ стѣнѣ между бревнами) входитъ.—Переплётъ изъ лучины, который полагается на дровни.

21. Солой суотъ-мюöти, янöй іядъ-мюöти, плоккъ-очинъ вастаһъ.—Кангасъ-кудонду.

Цапля по болоту, заяцъ по льду,—стукъ... лбами вмѣстѣ.—Ставъ ткутъ.

22. Кичеряйнэ, кячеряйнэ, кай һелмадъ каччовъ.—Кюннўзъ.

Горбатый, гнутый подолы всѣхъ разсмотритъ.—Порогъ.

23. Кичеряйнэ, кячеряйнэ кайкилэ кяттў аннавъ.—Кіягю.

Изогнутый,—гнутый всѣмъ руку подаетъ.—Ручка дверная.

24. Ми вуарнасъ пюжюмятöй?—Муна (янччў) или керä.

Что на вѣшалкѣ не держится?—яйцо или клубокъ.

25. Лукку лукунъ-піялъ, лукку лукунъ-піялъ, лукунъ-піялъ тöппяһяйнэ.—Каттилъ-коуку.

Замокъ надъ замкомъ, замокъ надъ замкомъ, надъ замкомъ кочка.—Крюкъ, на который вѣсятъ котёлъ.

26. Пурнуйнэ тäвзъ кулдастъ керястъ.—Тулэһмозъ.

Засѣкъ, полный золотыхъ кружечковъ.—Жаратокъ.

27. Матöй да тöпöй ўхтэһъ кайвоһъ ведэлэ кявютöһъ.—һаву да коуку.

Головастикъ и мохнатка въ одинъ колодезь за водой ходятъ.—Крюкъ и помяло.

28. Пяйвядъ пёлккюннў, ўöдъ лавтанну.—Постели.

Днемъ бревномъ, ночью плотомъ.—Постеля.

29. Кунна мянэдъ кулдикой; исту, исту руга—чяпчю.—Куузи и һуабу.

Куда идешь золотистый? — Сиди, сиди корявое смолье.—Ель и осина.

30. Ламмасъ мечясъ аступъ, вилладъ муасъ рипутаһъ.—һейнъ-реки.

Овца идетъ изъ лѣсу, шерсть по землѣ волочится.—Возъ съ сѣномъ.

31. Мужикку меччяһъ аступъ, зäркало селлянъ—така. Кирвезъ.

Мужикъ въ лѣсъ идетъ зеркало за спиной.—Топоръ.

32. Мужикку меччягъ аступъ, нэнä тайвасту вiйлёвъ.—Викатэһъ.

Мужикъ въ лѣсъ идетъ, носомъ небо кроитъ.—Коса (горбуша).

33. Мужикку меччягъ аступъ, айтайзетъ дорогалэ (тiелэ) iяттäвъ. Лёпёйдъ.

Мужикъ въ лѣсъ идетъ, чуланчики по дорогѣ оставляетъ.—Клѣтки отъ лаптей.

34. Мустикой, муврикой, сада сарвикой, туһа-юврикой, рёхкяхтäһезэ—кайкелэ муалэ куулувъ.—Юрю.

Темный, черный, сторогій, съ тысячью корней, рявкнетъ—всей землѣ слышно. Громъ.

35. Какси валгедадъ вастай.—Тайвазъ и луми.

Двое бѣлыхъ другъ противъ друга.—Небо и снѣгъ.

36. Рiйһи равдайнэ, като каграйнэ. Рiехтилъ и валингайнэ.

Рига желѣзная, крыша овсянная.—Сковорода съ овсяннымъ блиномъ.

37. Туһа силмäдъ, сада киведъ.—Верко.

Тысяча глазъ, сто камней.—Сѣть.

38. Луиду валгiемби, һилтў мустэмби, ора эдэлъ, керä кескелъ. кериччемедъ ялгелъ.—һаракку.

Снѣгу бѣлѣе, угля чернѣе, впереди шило, посрединѣ клубокъ, сзади ножницы.—Сорока.

39. Валгейду сўöвъ, мустуа шиттувъ.—Пяръ.

Ѣстъ бѣлое, испражняется чернымъ.—Горящая лучина.

40. Какси рускедуа вастай.—Суу.

Двое красныхъ другъ противъ друга.—Верхняя и нижняя полость рта.

41. Какси веллестў элетähъ. доророгъ кескелъ, тойнэ тосту эйнäхтä.—Силмядъ.

Живутъ два брата, дорога посрединѣ, другъ друга не видятъ.—Глаза.

42. Валгедалэ пеллолэ мустуа кўлветähъ.—Кирьяйнэ.

По бѣлому полю чернымъ сѣютъ.—Письмо.

43. Суогурбой пеллодъ мюöти hюппивъ.—Чирпи.

Цапля по полю скачетъ.—Серпъ.

44. Ўксъ сановъ: стукъ, стукъ; тойнэ сановъ: стукъ, стукъ; колмайзъ сановъ: стукъ, стукъ; нелляйзъ сановъ: стукъ, стукъ; нийдэйзъ сановъ: шнивъ, шнявъ. Гево.

Одинъ скажетъ: стукъ стукъ; другой скажетъ: стукъ; стукъ; третій скажетъ: стукъ, стукъ; четвертый скажетъ: стукъ, стукъ, пятый скажетъ: шнивъ, шнявъ.—Лошадь.

45. Силмядъ онъ, корвадъ онъ, култа ей вой, нäхтä ей вой.—Луаханню.

Глаза есть, но не видитъ, уши есть, но не слышитъ.—Стоялка.

46. Силъ (туалъ) илмалъ турки туодаhъ, тäлъ илмалъ каглузъ панnahъ.—Каттилъ.

Съ того свѣту шубу привозятъ, на семъ свѣтѣ воротникъ пришиваютъ. Котелъ изъ Россіи, а дужка къ нему придѣлывается въ Корелѣ.

47. Перти отэтаhъ, иккунадъ сиhъ діятэтähъ.—Нуотту и ляхтэгетъ.

Избу снимаютъ (берутъ), окна тутъ оставляютъ. Неводъ и проруби.

48. Тули туттури пертиhъ керяй кулдадъ, керяй hобьядъ, отти кулдайзенъ ориhенъ ляхтіезъ [1]). Вилу.

Пришелъ врагъ въ избу, собралъ золото, собралъ серебро, и, уходя, увелъ золотаго жеребца [2]).—Холодъ.

49. Ничкявъ, нячкявъ, нило піянъ тунговъ.—Тайгинъ.

Шлепаетъ, хлопаетъ, голую голову пихаетъ.—Мѣситъ квашню.

50. Линдуйнэ леннäвъ, лійнайнэ hяндäйнэ.—Ніеглэ нійтинъ-керä

Летитъ птичка, конопляный хвостикъ.—Иголка съ ниткой.

51. Питкемби питкій пуу, мадалэм би муаhейнія.—До̆рогъ (тіе).

Длиннѣе самыхъ длинныхъ деревьевъ, ниже самой низкой травы.—Дорога.

52. Окулинъ оясъ, ненӑ куйвалъ.—Кязäстій.

Акулина въ канавѣ (ручейкѣ), носъ на сушѣ.—Рукомойникъ.

53. Войту кокой вуарнасъ.—Пишшали (о̆ружъ).

Вымазанный пирогъ (кокой) на гвоздѣ.—Ружье.

54. Ріескадъ майдодъ латтіеле куаттиhъ, кюндэлъ и hамбаhалъ эй суа пороттай.—Пяй-пасто латтяйль.

Прѣсное молоко по полу разлито, ни ногтями, ни зубами достать нельзя.—Солнечный свѣтъ на полу.

55. Нель нейдистъ ўхтелэ куорэлэ кустаhъ.—Леhмянъ-люпсäндэ.

Четыре дѣвушки на одну кору мочатся.—Доеніе коровы.

56. Нель нейдистъ ўхтелэ вюöлэ вюöстэттў, тойнэ тостъ табайтаhъ. Керинъ-лавдадъ.

Четыре дѣвушки однимъ поясомъ опоясаны, другъ друга имаютъ (ловятъ).—Особый снарядъ для разматанія нитокъ.

57. Укойнэ крюhнäйнэ кайкенъ

Горбатенькій мужичекъ всю землю

[1]) «і» здѣсь произносится нѣсколько тверже, чѣмъ русское «и», и мягче «ы»

[2]) «Золотой жеребецъ»—огонь въ жараткѣ.

муанъ (пеллонъ) ўхтэћъ кобраћъ табай.—Чирпи.

(поле) въ одну пясть собралъ.—Серпъ.

58. Мужикку пячилэ новзовъ, савакко перзіесъ рипнувъ.—Кажи.

Мужикъ на печку поднимается, палка сзади виситъ.—Кошка.

59. Рускей да залгей вастаккай вакайзесъ.—Муна (яиччў).

Красное и бѣлое другъ противъ друга въ коробочкѣ.—Яйцо.

60. Кодиħъ туловъ коччіенъ. таħналэ мянöвъ тачиттаянъ.—ħейнъреки.

Домой приходитъ на возу, а на дворъ заходитъ охапками.—Сѣно.

61. Онъ минулъ оршой, кенъ исгуħезэ, кайкій каннавъ.—Скамню (лавче).

Есть у меня жеребецъ, кто ни сядетъ, всѣхъ несетъ.—Скамейка.

62. Мустикой-муврикой, минъ панэдъ, кайювъ.—Кюлюнъпяччи.

Темный-черномазый, что ни положишь, все выпьетъ. — Каменка въ банѣ.

63. Пертиħъ (кирикkёħъ) эй сўнду, кобраħъ сўндўвъ. —Валки.

Въ избу (церковь) не входитъ, въ пясть войдетъ.—Особаго рода шестъ, очень длинный, употребляющійся при закидываніи невода зимою.

64. Аканъ ряччинъ айданъ піялъ, тäвзъ тіяйдъ.—Тайвазъ тіäхтидэнъ-керä.

Бабья сорочка на огородѣ, полная вшей.—Звѣздное небо.

65. Куйву крома иккунанъ-така. — Кудцайму.

Сухая кромка за окномъ.—Луна.

66. Лехтэдъ бумажнойдъ, марьядъ сахарнойдъ.—Сирце-соба.

Листья бумажные, ягоды сахарныя.—Ситцевая рубашка съ фарфоровыми (каменными) пуговками.

67. Сўвя да ħўвя, мусту да магей.—Вой пада.

Глубокое да хорошее, черное да сладкое. — Масляникъ (горшокъ съ масломъ).

68. Орзикко, парзикко, чумуликко, тäвзиккö.—Келло-ялгадъ.

Сдѣлано изъ полокъ и бревенъ и доверху наполнено.—Колокольня.

69. Пелдо - равдайнэ (стёклайнэ), піендарэдъ пууħизэдъ.—Иккунъ.

Поле желѣзное (стеклянное), межи деревянныя.—Оконная рама.

70. Кусъ тулидъ ħуорту пія? Мидä синулэ піертўпія?—Нійту и мятäзъ.

Откуда пришелъ,—бритая голова?—А что тебѣ, — п....... голова? — лугъ (пожня) и кочка.

71. Кодизъ ляхтöвъ, кодиħъ каччовъ; мечäсъ туловъ, меччäħъ каччовъ. Каншали.

Изъ дому идетъ, домой смотритъ, изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядятъ.—Кошель на спинѣ.

72. Осикайнэ ордэлъ, васюкайнэ вуарналъ, сіиманайнэ сэйнäлъ.—Труба пуу, кязи-пайку, образъ

Осипъ на полкѣ, Васька на вѣшалкѣ, Симонъ на стѣнѣ.—Палка, которой подпираютъ доску въ курной трубѣ; полотенце и икона.

73. Валгей сукку куарзинасъ.—ħомеħъ.

Бѣлый чулокъ въ подпольѣ.—Плѣсень.

74. Кайкій лойтомазъ минъ люккявъ? силмядъ.

Что можно бросить дальше всего?—взоръ.

75. Тули війзъ міестў вастаħъ, тукизъ табай, муадъ-васту ряйгяй.—Нэнäнъ-нійщдэнä.

Пришли пять (навстрѣчу) молодцовъ, за волосы поймали, о землю бросили.—Сморканіе носа пальцами.

76. Бриħа пяттавъ ўöлъ куарзинасъ, кіелтä никеллэ эй саа.—Кукой.

Парень поетъ по ночамъ въ подпольѣ, никому унять нельзя.—Пѣтухъ.

77. Кюнзиттähъ, кябялиттähъ, сэйнидъ мюöти новзовъ.—Таhтазъ тайгиназъ.

78. Кяккювъ карвазъ, кядъ сія паллязъ, пчеллэhъ игру, перзіеле потіеху.—Васту.

79. Игенитой, аганитой, айтанъ чупузъ истувъ.—Вой.

80. Тикку пуузъ, тикку муазъ.—Кезрäтähъ.

81. Чулкавъ чупузъ, чубуhійри вачазъ (сӯдäмезъ).—Кохтуйнэ акку.

82. Туатто вастэ родиhъ, пойгатъ мег чähъ кявютähъ.—Тули да саву.

83. Турки увзи, hелмадъ ловкойль.—Дія ляхтэгидэнъ-керä.

84. Ми равіембаhъ пуhувъ.—туули.

85. Нель ялкайнэ, каксъ ялкайзесъ, каксъ ялкайнэ пюöрюжязъ, пюöрюжъ нель чупуйжезъ.—hево, реки, кего и рійhи.

86. Ми муалъ кійрэhембн? — Конзъ улосъ hимойтавъ.

87. Ми муалъ дюгіембн?—Тули-кюбенъ.

88. Ми муалъ армаhембн?—Уни.

89. Ми муалъ вягіембн?—Уни.

90. Ми муалъ пеhмедимъ? — Ома кяммэнъ.

91. Ӯöдъ ловкозъ, пяйвядъ селлялляэhъ.—Зашовку (крюӯчкяйнэ).

92. Синä, чичейни, сигяли, синä, чичейни, тäгяли, ӯхтэhъ олейhъ ӯöксъ.—Вӯö.

93. Ми пертизъ лійкуматой?—Пяччи.

94. Кязятöй, ялкатой салмойдъ-мӯöти кявелёвъ.—Саву.

95. Куулувъ, а нäгю эй.—Туули.

96. Рандойдъ ріехкивъ, а кязидъ эй нäгю.—Алдо.

97. Ворончалъ аетаhъ, дялгидъ эй нäгю.—Венэhъ.

Безъ когтей, безъ лапъ, а по стѣнѣ поднимается.—Тѣсто въ квашнѣ.

Трясется мохнатое (шерстнатое), мѣсто для руки (гдѣ поймать рукой)—голое, для себя игра, з...... потѣха.—Вѣникъ.

Безъ морды (рыла) и **безъ отрубей**, въ углу чулана сидитъ.[1])—Кадка съ коровьимъ масломъ.

Дятелъ на деревѣ, дятелъ на землѣ.—Пряденіе пряжи. (Ленъ на прялкѣ и нитки на веретенѣ).

Скребется въ углу, пузырчатый мышенокъ въ брюхѣ (внутри).—Беременная женщина.

Отецъ только что родится, а сыновья уже въ лѣсъ ходятъ (охотиться).—Огонь и дымъ.

Шуба новая, а подолы въ дырьяхъ. Ледъ съ прорубями по берегу.

Что сильнѣе всего дуетъ?—Вѣтеръ.

Четырехножное въ двуножномъ, двуножное въ кругломъ, круглое въ четырехугольномъ.—Лошадь, дровни, стогъ и рига.

Что на землѣ торопнѣе?—Когда является позывъ къ испражненію.

Что на землѣ тяжелѣе?—искра, упавшая на руку, оказывается тяжелѣе всякой ноши.

Что на свѣтѣ милѣе?—сонъ.

Что на свѣтѣ сильнѣе?—сонъ.

Что на землѣ мягче всего?—своя ладонь.

Ночи въ дырѣ, днемъ на спинѣ.—Дверной крючекъ.

Ты, сестрица по той сторонѣ, ты сестрица по другой сторонѣ, а въ одно мѣсто на ночь.—Поясъ.

Что въ избѣ неподвижное?—Печь.

Безъ рукъ, безъ ногъ по угламъ ходитъ.—Дымъ.

Слышно, а не видно.—Вѣтеръ.

По берегу хлопаетъ, а рукъ не видно.—Волна.

Ѣдутъ на вороной лошади, слѣдовъ не замѣтно.—Лодка.

---

[1]) Отрицательный эпитетъ «безъ отрубей» приложенъ по отношенію къ маслу, вѣроятно потому, что въ чуланахъ же и часто въ кадкахъ кореляки держатъ яйца, прикрывая ихъ отрубями, чтобы они не спортились.

98. Ляйкюв ляһендäвъ, иче эй тулэ. Вези.

99. Чіепой чіепойзъ кинди, чіепойнъ агью пячинъ - аллъ.—Лавчадъ (скамнядъ).

100. Маткадавъ. а нäгю эй.—Пяйвю.

101. Муудъ кай муштадъ, а у̀хтъ эдъ мушта.—Консъ уйнодадъ.

102. һукке улвовъ һуһмарэзъ, питкянъ пелдонъ піендарэсъ, кайданъ ламбинъ кайналосъ.—Кириккё-келло.

103. Куулувъ, ку кунингасъ, левіевъ ка леһмянъ шитту.—Ай-пяйвю.

104. Лясъ онъ, да пурда эй суа.—Кюнябрюсъ.

105. Руочинъ (чиганaнъ) стуаросту пертизъ.—Чикку.

106. Кондяйнъ перзэ пертизъ.—Пячинъ-очче.

107. Койзъ колахтиһъ, сини сотку везилэ.—Венэһъ

108. Курги пертизъ сейзовъ.—Кяткюдъ.

109. Вуарнасъ пюжюмятöй, столалэ пандавъ. Яиччӳ (Муна).

110. Мужикайнэ тупликайнэ собайжесъ руунайжедъ.—Самоваару.

111. Нейдинэ аеловъ, сканчу пюбрӳвъ. Куудайне.

112. Онъ мусту һякки, минъ панэдъ кай рюöппивъ.—Кюлюнъ-пячи.

113. Мужикайнэ піени, какс силмядъ онъ.—Луахание.

114. Мужикайнэ аступъ, савакко кядэсъ, сави-шалгу селгäсъ, какс бійбойдъ суусъ.—Орзи-пачасъ.

115. Суо пертизъ.—Саммалъ.

116. Мери пертизъ.—Суоле.

Колыхается, приближается, а само не подходитъ.—Вода.

Цѣпь за цѣпью, конецъ цѣпи подъ печкой.—Лавки (скамьи). Онѣ, обыкновенно, располагаются другъ за дружкой по тремъ стѣнамъ: двумъ боковымъ и одной лицевой; конецъ лавки упирается въ печку (съ боку).

Путешествуетъ, а не замѣтенъ.—День.

Все помнишь, а одного не запомнишь.—Когда уснешь.

Волкъ воетъ изъ деревянной лунки, на межѣ длиннаго поля, въ пазухѣ узкаго лѣснаго озерка.—Церковный колоколъ.

Слышенъ, какъ царь; придетъ да расширится, какъ коровій пометъ.—Христовъ-день. (Пасха).

Близко, да не укусишь.—Локоть.

Шведскій (цыганскій) староста въ избѣ.—Свѣтецъ.

Медвѣжій задъ (задница) въ избѣ.—Передъ курной печи.

До́ма стукнуло, на берегу треснуло, синяя утка на воду выплыла.—Лодка.

Журавль въ избѣ стоитъ.—Колыбель.

На вѣшалкѣ не держится, а на столъ кладутъ.—Клубокъ.

Мужичекъ-тупличекъ, на рубашкѣ руны.—Самоваръ.

Дѣвушка скетъ, сканецъ вертится.—Мѣсяцъ.

Есть черный быкъ, что-ни положишь, все выпьетъ.—Каменка.

Мужичекъ маленькій, а два глаза есть.—Лахань.

Идетъ мужичекъ, палка въ рукахъ, глиняная котомка за плечами, двѣ кромки во рту.—Это-тотъ же самый столбъ, о которомъ говорится въ 5-й загадкѣ. Онъ обыкновенно ставится подлѣ печки, и сверху на него опирается палка, закрывающая дверцы курной трубы.

Болото въ избѣ.—Мохъ, который кладутъ въ домахъ между бревнами.

Море въ избѣ.—Соль.

Дѣвица одѣвается въ тысячу платьевъ, а задъ открытъ.—Курица.

117. Нейдинэ шуоривъ туһадъ собадъ; перзэ авойнъ.—Кана.

118. ўксь силмю Сійдарилъ, и сэ сейбяһянъ піясъ.—Кечой (тарбойме).

119. Мужикайнэ крюһяйнэ, сейбяһядъ селлясъ.—Поччи.

120. Авай Пекко пійлойзенъ, кай карью улосъ.—Лламмаганъ-бяберо.

121. Леллети леволъ, ўксъ ялку перзіесъ.—Гриба.

122. Виройласъ вакайнэ тюоттў, омбелусту никусъ эй олэ.—Яиччў.

123. Лойтозъ люккянъ, ляһинъ отанъ. Силмю.

124. Тäвзъ куарзинъ дёвченду.—һамбаһадъ.

125. ўленъ суури корби, корбесъ кондіетъ.—Тіяйдъ.

126. Чиркайне чиризöвъ, лябю айдазъ любитäһъ.—Суккулайнэ.

127. Сійничу шиттувъ, куаликку каччовъ, ребой перзіеттў пюхкивъ.—Тули.

128. Укойнэ крюһяйнэ каксэлэ-піялэ оксэндавъ.—Кязястій.

129. Укойнэ крюһяйнэ кайкилэ кяттў аннавъ.—Кіягю.

130. Лябю нäгювь, ляммянъ пидäвъ. Стёклу.

131. Укойнэ крюһяйнэ, туһа міестў куадавъ.—Викатэһъ.

132. Ми иччеһъ селгинъ?—Ристу.

133. Куккаро куузесъ, һели-киви дюурэсъ.—Оравъ и койру.

134. Руби-пія руской.—Муурой.

135. Поччинэ лійнаа ведäвъ.—Бирби.

136. Лиһанэ пуччи, васкизэтъ вандэһетъ.—Сорми кольчайжидэнъ-керä.

137. Колмэ мустуа вастаккай.—Лаги и латтяйдъ.

138. Ведэһъ ройһъ, муалъ элявъ, ведэһъ куоловъ.—Суолу.

139. Пордимой пинозъ пиноһъ кявелёвъ.—Суккулайнэ.

Одинъ глазъ у Сидора, и тотъ на концѣ кола.—Оловянное кольцо, которое вставляютъ на конецъ веретена при кручении нитокъ; или-же...—Особый инструментъ, которымъ пугаютъ рыбу въ водѣ.

Горбатенькій мужичекъ, на спинѣ колья.—Свинья.

Открылъ Петръ щелочку, все стадо вонъ.—Овечій пометъ.

«Леллети» на крышѣ, одна нога въ з.......—Грибъ.

Изъ «Виройлы» коробочка прислана, швовъ нигдѣ не видно.—Яйцо.

Беру близко, далеко бросаю.—Глазъ (взоръ).

Полно подполье лебедей.—Зубы.

Очень густой лѣсъ, въ лѣсу медвѣди.—Вши.

Маленькая палочка трещитъ; её сквозь огороду бросаютъ.—Челонокъ, употребляющійся при тканьѣ холста.

Синица испражняется, нищій смотритъ, лисица задъ обтираетъ.—Огонь.

Горбатенькій мужичекъ на двѣ стороны блюётъ.—Рукомойникъ.

Горбатенькій мужичекъ всѣмъ руку подаетъ.—Дверная ручка.

Насквозь видно, а тепло держитъ.—Стекло.

Горбатенькій мужичекъ тысячу молодцевъ роняетъ.—Коса.

Что въ человѣку спиной?—Крестъ.

Кошелёкъ на ели, звонкій камень у корня.—Бѣлка и собака.

Коростовая, красная голова.—Морошка.

Свинья коноплю тащитъ.—Дратва.

Бочка мясная, обручи мѣдные.—Палецъ съ кольцами.

Трое черныхъ другъ противъ друга.—Потолокъ и два пола (одинъ—черный, другой—бѣлый).

Въ водѣ родится, на землѣ живетъ, въ водѣ умираетъ.—Соль.

Горностай изъ костра въ костеръ ходитъ.—Челонокъ при тканьѣ.

Бѣжитъ тетёра, слѣдовъ не остается.—Сѣянье муки.

140. Тэдри юоксовъ, ялгедъ эй дія.— Яаһонъ-жійтуандэ.

Бычачьи глаза въ избѣ.—Сучки въ стѣнныхъ бревнахъ.

141. һякинъ силмядъ пертизъ.—Оксадъ.

Что въ избѣ не дѣлаютъ, а само бываетъ (происходитъ)?—Трещины въ стѣнахъ.

142. Ми пертизъ луадниматой?—һалгелйаксэдъ сэйнизъ.

Чего ищешь, лишь бы только не нашлось?—Дыры въ сѣткѣ.

143. Мидӑ эчидъ, абу эй лёвдӳзъ?— Верконъ ловко.

Семь спинъ, сто ногъ.—Борона.

144. Сэйчей сэлгяйнэ, сада ялкайнэ.— Астувъ.

Баба съ аршинъ, а задъ (задница) саженный.—Кадка, въ которой моютъ бѣлье, и корыто.

145. Акку аршинадъ, перзэ сӳлдӳ.— Бууку картанъ-керӓ.

Въ рукахъ вертится, а глазъ тысяча.—Сито или рѣшето.

146. Кязисъ пюӧрӳвъ, туһадъ силмядъ. Жійту.

Дерево для полки, гнилое дерево, у несчастнаго на плечѣ.—Ружье.

147. Орзи пуу, лаһо пуу озаттомалъ олгу піӓлъ.—Пишшали (оружъ).

Пять молодцовъ держатъ, пять молодцовъ стригутъ.—Отрѣзываніе у рѣпы верхушекъ. Молодцы—пальцы.

148. Війзи міестӳ пидӓттӓвъ, війзи міестӳ кериччёвъ.—Нагризъ-лештиндӳ.

Сто молодцовъ держитъ, стами поясовъ связываетъ.—Огорода.

149. Сада міестӳ суаттавъ, сада вӳӧдӳ сидовъ.—Айду.

Горшочекъ кипитъ на подгорьѣ, ни огня, ни дыму не видно.—Муравейникъ.

150. Падайнэ палтіезъ кіеһувъ, ни тулду, ни саву эй нӓгю.—Кучеймятгӧ.

Тѣло снаружи, рубашка внутри.— Свѣча.

151. һибью иралъ, соба сӳдӓмесъ.— Туоһусъ.

Десятеро кучатъ, десять тянутъ, двое держатъ.—Уборка сѣна граблями.

152. Кюммепэ кюччивъ, кюммепэ ведӓвъ, какси пидӓттӓвъ.—һейнӓнъ һаравойченду.

Олово каплетъ, задъ виситъ.— Свѣча.

153. Тина типпувъ, перзэ риппувъ.— Туоһусъ,

Есть «сотти», у «сотти» сто сыновей, самъ «сотти»—голова пугвицей.—Щетка, которой чистятъ ленъ.

154. Онъ сотти, сотилъ сада пойгадъ, иче сотти нюппупія.—һарьдю,

Трое мужиковъ бьютъ, костей ни кошка, ни собака не ѣстъ, шкура цѣла остается.—Лёнъ. Его чистятъ въ три пріема: «лоокутэтаһъ, липсутаһъ и һардятаһъ».

155. Колмей мужикадъ пергетӓһъ; лувлойдъ, ни кажи, ни койру эй сӳӧ, нахку тэрвеһъ діявъ.—Пелвасъ.

Красивый въ углу, вода въ половомъ органѣ.—Самоваръ.

156. Чома чупузъ, вези нюкузъ.—Самовуару.

Растетъ, растетъ, въ порты не помѣщается, вывалится,—такъ красная голова.—Морошка.

157. Казвавъ, казвавъ, куадіеһъ эй сӳндӳ, шмуляхтаһъ, ка-рускей пія.—Муурой.

Мужъ на бабѣ, бѣлая пѣна въ срединѣ.—Ручные жернова.

158. Укко да акку піялеккяй, вал-

Пять молодцовъ на встрѣчу пришли; первый говоритъ: я знаю; дру-

гедъ вуахти кескезъ.—Яаһокиви.

гой говоритъ: я знакомъ; третій:—я слышалъ; четвертый:—вмѣстѣ ночь спали; а пятый говоритъ—я во внутрь ходилъ.—Процессъ мочеиспусканія.—молодцы—пальцы.

159. Вййзъ міестў вастаһъ тули; ўксъ сановъ: тундэнъ, тойнэ сановъ: тіедäнъ; Колмайзъ сановъ: минä куулинъ, неллäйзъ сановъ:-минä ўхтэсъ ўöдў магайнъ, вйдэзъ сановъ: - сўдäмеһъ кявюйнъ.—Консъ кустаһъ.

«Кюўрöй» (собственное имя; притомъ это слово очень близко по звукамъ слову «кюўрэ» — значитъ локоть—корельская мѣра, такъ что это имя означаетъ мужичка съ локотокъ) пашетъ, хомутъ на шеѣ.—Актъ совокупленія.

160. Кюўрöй кюннäвъ, лянгетъ каглась. Нюнню.

161. Вора айтаһъ иянöвъ, шалгудъ кюндўкселэ діяттäвъ.

Воръ въ чуланъ заходитъ, котомки на порогѣ оставляетъ.—Актъ совокупленія.

162. Картайнэ канабрикосъ, куррэнъ каглу картайзэсъ.

Корытцо въ канабрѣ (богульникѣ), журавлинная шея въ корытцѣ.—Женскій половой членъ.

Пословицы корельскія.

1. Хоть суутъ віяриштäвъ, а омадъ пуолиштавъ.

Хоть ротъ кривитъ, а своего защищаетъ.

2. Айгаллэһъ, һўвя и айданъ-аллъ.

Бываетъ время, что и за огородой хорошо.

Что въ умѣ прогремѣло, то эхомъ отозвалось въ з. . . .'. .. (Это говорятъ о людяхъ увлекающихся, которые скоро берутся за то, что только услышатъ или узнаютъ).

3. Ми міелеһъ дюрäһтиһъ, сэ перзіесъ карагтиһъ.

Хоть пень и украшай (наряжай), и тотъ похорошѣетъ—(говорятъ относительно тѣхъ людей, которые, будучи безобразны отъ природы, любятъ наряжаться).

4. Хоть кандодъ и кавништа, и сэ коһеновъ.

Хоть на оглоблѣ, да къ Олонцу.

5. Хоть айжалъ, да Ануксэһ-пія.

6. Келъ укко, силъ и плокку, келъ леһме, силъи чупукке.

У какой бабы мужъ, у той и «стукъ», у кого корова, у того и «чупукъ» (овсянный блинъ, намазанный молочной кашей).

7. Коядъ онъ и кодисъ.

Коры и дома много.

8. Кевһянъ міели камкадъ війлёвъ.

Умъ бѣднаго (нищаго) камку кроитъ.

Корельская пѣсня.

Предлагаемая мною пѣсня записана со словъ крестьянки-корелки Петрозаводскаго уѣзда, деревни Бородинъ-Наволока Екатерины Туру. По словамъ этой женщины, она поется во время свадебъ, и «стоитъ только спѣть ее, и тогда никакія колдовства не въ силахъ будутъ испортить жениха или невѣсту».

По содержанію и формѣ эта пѣснь очень напоминаетъ руны Калевалы. Въ ней также, какъ и въ Калевалѣ, встрѣчаются герои-Вяйнэмейнэнъ (Wäinämöinen), Илмаринэнъ (Ilmarinen), Ёвкахайнэнъ (Ioukahainen),—называемый здѣсь Дегамуойнэнъ, и описываются похожденія ихъ, въ частности Илмаринена (Сепуойнъ Илмаллиженъ). Есть даже мѣста, которыя представляютъ почти буквальное сходство съ Калевалой:

напр.: Кюлюнъ минä валмиштинъ;
hавдуйнъ вастанъ hаврунъ піäлъ,
Ведэнъ ляммянъ ляммитинъ...
Кюлбе, пойгу, кюлляжести,
Вала веттэ валдайжести,
Пезэ піähюдъ пелвазъ-пивоксъ,
Силмяйжедъ-ку сійру кабуксъ...

Въ Калевалѣ читается такъ:
Lämmitin kylyn utuisen,
Hauoin vastat valmihiksi,
Lempivastat liehautin;
Kylve veikko kyllältäsi,
Wala vettä vallaltasi,
Pese pääsi pellaviksi
Silmäsi lumi-siruiksi!..
(18 Runo, 314—320).

Или: „Минä кючинъ пелдонъ кюндинъ,
Кіярмеhиженъ кіяндэлинъ,
Мадоhиженъ вагодэлинъ“...

Въ Калевалѣ: Io nyt kynon kyisen pellon,
Wakoelin maan matoisen,
Käärmehisen käännättelin...
(19 Runo, 96—98).

Въ корельскомъ текстѣ: Сійдъ го Сепуой Илмаллинэ.
Пури hувлэдъ, кіянди піäнъ,
Мурди мустадъ hабенэдъ...

Въ Калевалѣ: Siitä seppo Ilmarinen
Murti suuta, väänti päätä,
Murti mustoa haventa...
(Runo 38, 65—67).

Въ корельскомъ текстѣ: Луодолойле локоттамаhъ,
Ведэнъ кивилъ кайкуттамаhъ,
Нэнäнъ ніемилъ нивгумаhъ,
Вастатувлиhъ вуаппумаhъ...

Въ Калевалѣ: Luo'olle lokottamahan,
Ween karille kaikkumahan,
Wastatuulet vaapumahan,
Nenät nienten niukumahan...
(Runo 38, 283—286).

Но при всемъ томъ эта корельская пѣснь не лишена и нѣкоторой оригинальности, нѣкоторыхъ самостоятельныхъ чертъ, сравнительно съ Финской эпопеей, записанной Ленротомъ. Такъ напр., Хидвидъ царь и его дочь—Муардей-Дуардей въ Калевалѣ совсѣмъ не упоминаются.. Правда, и въ Калевалѣ въ одной изъ рунъ (18) описывается также поѣздка Илмаринена сватать, но совсѣмъ въ другомъ видѣ и другими чертами; и Вяйнэмейнэнъ здѣсь не является, какъ въ корельской пѣснѣ, врагомъ Илмаринена, и не строитъ ему козней.

Пѣснь на корельскомъ языкѣ изложена звучными стихами и читается очень легко. Аллитерація въ ней встрѣчается довольно часто. Текстъ ея я написалъ русскими буквами, какъ болѣе удобными для изображенія корельскихъ словъ на письмѣ.. Только нѣкоторые звуки, для которыхъ въ русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ, я изображалъ условно, прибѣгая иногда къ надстрочнымъ знакамъ... Такъ:

һ читается, какъ финское һ (среднее между *г* и *х*); ӓ (съ двумя точками на верху), какъ финское ӓ (среднее между русскими а и я); ӧ, какъ финское ӧ (среднее между русскими о и ё); ӱ, какъ финское у (среднее между русскими у и ю); сочетаніе *уо* въ большинствѣ случаевъ можно читать, почти какъ русское о; «У» въ этомъ случаѣ кореляки выговариваютъ такъ бѣгло, что почти его и не слышно:

напр., «Тагуой» можно читать «тагой»,
«Кандуойни»—«кандойни»,
«Лавлуой»—«лавлой», и т. д...

При переводѣ съ корельскаго языка на русскій я старался по возможности передать оригинальный текстъ точно, буквально, безъ всякихъ измѣненій. И лишь только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ идіотизмы корельскаго языка не могутъ быть никоимъ образомъ переданы буквально на русскій языкъ, я прибѣгалъ къ переводу болѣе или менѣе вольному. Но такихъ мѣстъ очень и очень мало...

Такъ напр., «Лавлуой Сепуой суарэнъ саложанъ»...

Или въ другомъ мѣстѣ:

Лавлуой Сепуой Илмаллинэ
һидвидъ цаарилэ ламбійженъ...

Я перевелъ такъ:

Спѣлъ кузнецъ пѣснь,—и образовался лѣсистый островъ...
Спѣлъ Вселенскій кузнецъ,—
И на улицѣ Хидвида царя образовалось озеро...

А если переводить буквально, то слѣдовало бы сказать:

Спѣлъ кузнецъ лѣсистый островъ...
Спѣлъ Вселенскій кузнецъ
Хидвиду царю озеро...

Но сказать такъ по русски—было бы не совсѣмъ правильно и для многихъ очень непонятно...

Сепуой Илмаллинэ паясъ руадавъ;
Сормедъ һянэлъ пійхтэннӱ,
Кулакадъ нэдъ вазарайженну...
Ленди коткой-линду паянъ пійлэ:

«Ой-го, Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ,
Олійжъ минулъ саномайжедъ...»
— Олновъ һювядъ саномадъ, ка сано,
Эй-ку олнэ, ӓлӓ сано...

Сійтэнъ коткой санэли,
һиндру-капчӧй виркели:

Кузнецъ Вселенскій (міровой) въ кузницѣ работаетъ.
Пальцы у него, какъ клещи,
Кулаки, какъ молотки.
Прилетѣла птица-орелъ на кузницу.

«Ой ты, кузнецъ, Вселенскій,
Ковачь міра вѣчный!
Было бы у меня нѣчто сказать тебѣ».
— Если есть что хорошее передать, то говори,
А если нѣтъ, то лучше не говори...

Тутъ орелъ сталъ говорить,
Кривокоготный (т. е. съ кривыми

«Муардёйhъ-Дуардёйhъ мянэ сулhуойксъ...»
Сiйдъ-го Сепоуйль Илмаллижелъ,
Тагуойль илманъ нгляллижелъ,

Пiйхтэдъ муалэ туахтэттиhъ,
Вазарайжецъ ваяхтэттиhъ;
Сiйдъ hяйнъ нăмядъ санадъ сануой:
«Муамоёйни—кандоёйни,
Панэсъ кюлю лямияhъ;

Пакажасти, палавасти,
hiйлавасти, hигевясти...»
Муамоёйни—кандоёйни
Кюлюнъ пойгалэ лямитти:
Пакажасти, палавасти,
hiйлавасти, hигевясти...
«Мянэсъ, мянэсъ, пойгу, кюлюhъ,
Кюлюнъ минă валмиштинъ:
hавдуйнъ вастанъ hаврунъ-пiăлъ,
Ведэнъ лямиянъ лямитинъ...
Кюлбе, пойгу, кюлляжести,
Вала веттэ валдайжести,
Пезэ пiăhюдъ пелвазъ-пивоксъ,
Силмяйжедъ-ку сiйру кабуксъ,
Каглайнэ-ку кананъ мунаксъ,
Муйчи рунгу луми тукуксъ...»
Сiйтэ Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ,
Кявюй кюлюhъ кюлбемяhъ;
Кюлби Сепуой кюлляжести,
Валуой веттэ валдайжести,
Певи силмядъ сiйру кабуксъ,
Пiăhюдэнъ-ку пелвазъ пивоксъ.
Каглайженъ-ку кананъ мунаксъ,
Муйчiй рунганъ луми-тукуксъ.
Тули Сепуой кюлюзъ кодиhъ,
Тули Илмой тундэттомаксъ,
Сiйтъ hяйнъ сананъ сануой нэченъ:
«Муамоёйни—кандаёйни,
Туо ё собадъ пелваhижедъ;
Туо ё пайдэ палтинайнэ,
Туо ё куадяйдъ куапайжедъ,
Туо ё каафтанъ кавнэhемби:
Ляхтэнъ минă сулhайжиксъ...»
Туойго муамаhъ Сепуойле

Кандуой кандой Илмаллижелэ—
Пайданъ пiăлэ палтинайженъ
hигеттöмялэ hибьяйжелэ;

когтями) сталъ молвить:
«Поѣзжай сватать Муардёй-Дуардёй [1])»..
Тутъ-то у кузнеца Вселенскаго,
Ковача мiра вѣчнаго,
Клещи полетѣли на землю со звономъ,
Молотки съ шумомъ попадали...
И онъ молвилъ тогда таково слово:
«Матушка-родимая,
Затопи-ка баню;
Натопи ее сильно жарко,
Горячо и потно».
Матушка родимая
Натопила баню для сына
Сильно жарко,
Горячо и потно.
«Поди-ка, поди-ка, сынъ, въ баню;
Я баню для тебя приготовила,
Напарила вѣникъ надъ паромъ,
Нагрѣла теплой воды,
Мойся сынъ досыта,
Лей воды въ волюшку,
Вымой головку, какъ пясть льну,
Глазки, какъ комки сыру,
Шейку, какъ куриное яицо,
Намыль тѣло, какъ кучу снѣгу».
Тогда кузнецъ Вселенскiй,
Вѣчный ковачъ мiра,
Пошелъ мыться въ баню.
Мылся кузнецъ до-сыта,
Лилъ воду въ волюшку;
Вымылъ головку, какъ пясть льну,
Глазки, какъ комки сыру,
Шейку, какъ куриное яицо.
Намылилъ тѣло, какъ кучу снѣга.
Пришелъ кузнецъ изъ бани домой,
Пришелъ кузнецъ неузнаваемымъ.
Тогда онъ сказалъ таково слово:
«Матушка-родимая,
Принеси мнѣ льняную одежду,
Принеси рубаху холщевую,
Дай порты узенькiе,
Принеси также и кафтанъ покрасивѣе,
Я отправляюсь сватать.
Принесла мать кузнецу,
Притащила родимая Вселенскому
Рубаху холщевую
На безпотное тѣло,

[1]) Соединенiе именъ — Марья-Дарья.

Куадяйдъ кандуой куапайжедъ
Соредилэ соркайжилэ;
Туой віе сукадъ сулавайжедъ
Дямедилэ дялгайжилэ;
Кандуой кенгядъ кандакайжедъ,
Леһмянъ нахказъ лейкотудъ,
һякинъ таллязъ һалгодудъ;
Туой віе каафтананъ кавнэһенъ,
Кагранъ һейнӓнъ карваллиженъ,
Виһандъ һейнӓнъ виһандоманъ;
Туркинъ кандуой турбедайженъ,
Туһалъ нюблялъ нюблитэтӱнъ;

Садалъ лапалъ лапотэтунъ;
Сійтэ туой віе вюӧле вюӧнъ,
Келдуойль карвуойль кудотэтунъ,
Кулдайль нійтилъ кулдитэтунъ.
Сійтэ Сепуой Илмаллинэ,

Тагуой Илманъ Игяллинэ,
Ваттэгилъ-го валмиштэлиһъ,
Собайжилъ-го собиттэлиһъ:
Пани пайданъ палтинайженъ
һигеттӧмялэ һибьяйжелэ,
Куадяйдъ пани куапайжедъ
Соредилэ соркайжилэ,
Сукадъ пани сулавайжедъ
Дямедилэ дялгайжилэ,
Кенгядъ піӓлэ кандакайжедъ,

Леһмянъ нахказъ лейкотудъ,
һякинъ таллязъ һалгодудъ;
Пани кавнижъ каафтанайженъ,
Кагранъ һейнӓнъ карваллиженъ,
Виһандъ һейнӓнъ виһандоманъ,
Туркинъ піӓлэ турбедайженъ,
Туһалъ нюблялъ нюблитэтӱнъ,
Садалъ лапалъ лапотэтунъ;
Сійтэнъ вӱӧль һяйнъ вӱӧстиһезэ,
Келдойзъ карвойзъ кудотулъ,
Кулдэ нійтилъ кулдитулъ.
Сануой сійтэ саномайжедъ:
«Муамоёйни—кандаёйни,
Валлястэлэ виллёй варзой
Рускедъ кордянъ эдуйжиһъ,
Какси һобью дялгаксойжиһъ,
Кувзи кулду каблаһайжиһъ;
Панэ кягюӧйдъ куккумаһъ,
Панэ чивчуойдъ чилиженмяһъ,
Бембелъ піӓлэ паятаммаһъ,

Рахкеһилэ рячятӓммяһъ;
Анда кайки качахтэтаһъ,

Порты принесла узенькіе
На стройныя ножки,
Принесла также чулки теплые
На гибкія ножки,
Притащила сапоги съ каблуками,
Скроенные изъ коровьей кожи,
Вырѣзанные изъ бычачьей шкуры,
Принесла также и кафтанъ покрасивѣе,
Цвѣтомъ овсяной травы,
Зеленый, какъ зелёная трава.
Притащила шубу пушистую,
Съ тысячью пуговицъ,
Съ сотней петелекъ.
Также принесла еще опоясаться поясъ,
Связанный изъ желтой шерсти,
Украшенный золотыми нитками.
Тогда кузнецъ Вселенскій,
Вѣчный ковачъ міра,
Одѣвалъ на себя одежду,
Украшалъ себя нарядами:
Одѣлъ рубаху холщевую
На безпотное тѣло,
Натянулъ узенькіе порты
На стройныя ножки,
Одѣлъ чулки теплые
На гибкія ножки,
А поверхъ ихъ (чулковъ) сапоги съ каблуками,
Скроенные изъ коровьей кожи,
Вырѣзанные изъ бычачьей шкуры,
Одѣлъ кафтанъ покрасивѣе,
Цвѣтомъ овсяной травы,
Зелёный, какъ зелёная трава.
Сверху одѣлъ шубу пушистую,
Съ тысячей пуговицъ,
Съ сотней петелекъ.
Тутъ онъ опясывался поясомъ,
Связаннымъ изъ желтой шерсти,
Украшеннымъ золотыми нитками.
И тогда сказалъ таковы слова:
«Матушка родимая,
Запряги мнѣ буйнаго жеребца
Въ передокъ красныхъ саней,—
Саней съ двумя серебряными полозьями.
Съ шестью золотыми копылами,
Положи кукующихъ кукушекъ,
Чиликающихъ птичекъ.
На дугѣ пѣть,
На гужахъ чирикать,
Пусть всѣ люди посмотрятъ,

Нуорэдъ пойгадъ пöлгястӯтäһъ,
Урозъ міеһедъ урадутаһъ,
Нуорэдъ нейдодъ иһастутаһъ,
Ваһнадъваймодъ варастутаһъ...»
Муамаһъ варзанъ валлястэли,
Виллёйнъ кордяһъ панэттэли,
Какси-һобью дялгаксойжиһъ,
Кувзи-кулду каблаһайжиһъ;
Пани кягюöйдъ куккумаһъ,
Пани чивчёйдъ чилижеммяһъ,
Бембелъ піäлэ паятаммаһъ,
Рахкеһилэ рячятäммяһъ...
Иштуйһезэ Сепуой Илмаллинэ кор-
дяһъ перяһъ,
Дямуой кобриһъ оһьяксэдъ,
Кайналуойжеһъ кавнижъ плетиһъ;
Ишки варзанъ вягёвясти,
Ишки виллёйнъ кибедäсти,
Ляхти мердӯ мӯöти аямаһъ...
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматтэ;
Эй-го кабье һебонъ касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ.
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ каижовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ Сепуой дюрӯнъ суврэнъ;
һаву мячче һояйдавъ,
Кувзи корби куяйдавъ;
Каччовъ ӯлейһъ—пяйвей паштавъ,
Каччовъ алаһъ—реги аявъ;
Кенгосъ, кунгосъ регезъ аявъ?

Регезъ какси міестӯ:
ӯкси ваһнэ Вяйнэмӯйнэ,
Тойнэ нуори Дёгамуойнэ...
Ваһнэ вiйзавъ Вяйнэмӯйнэ
Ласки шурмудъ Сепуойнъ піäлэ:
Сепуойнъ корде копастиһъ,
Кирьявъ корде кипастиһъ,
һобью дялгаксэдъ турмоттиһъ...
Лавлуой Сепуой Суарэнъ саложанъ
Кески мерэнъ синиженъ,

Койвудъ ковадъ казветтиһъ,
Валгей туоһедъ—турботтиһъ;
Отти Сепуой Илмаллинэ койвунъ,
Луадiй кай віе луембі,
Азуй кай віе парэмби:

Молодые ребята испугаются,
Пожилые—съ ума сойдутъ,
Молодыя дѣвушки обрадуются,
Старыя старухи устрашатся»...
Мать жеребца запрягала.
Буйнаго къ санямъ подводила,
Съ двумя серебряными полозьями,
Съ шестью золотыми копылами;
Положила кукующихъ кукушекъ,
Чиликающихъ птичекъ
На дугѣ пѣть,
На гужахъ чирикать.
Сѣлъ кузнецъ Вселенскій въ задокъ
саней,
Обвернулъ около рукъ возжи,
Положилъ красивый кнутъ подъ
мышки,
Ударилъ жеребца сильно,
Ударилъ буйнаго больно
И отправился по морю.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго.
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ,
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ;
Красныя сани скрипятъ
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ сильный громъ;
Сосновый (букв. помяльный) лѣсъ
гудитъ,
Еловая чаща шумитъ.
Смотритъ вверхъ—солнышко печетъ;
Смотритъ внизъ—дровни ѣдутъ.
Кто же, кто же на дровняхъ ѣдетъ?
На дровняхъ ѣдутъ два молодца:
Одинъ старый Вяйнэмёйнэ,
Другой молодой Дёгамойнэ.
Старый мудрый Вяйнэмёйнэ
Напустилъ чары на кузнеца.
Кузнеца санки привскочили,
Пестрыя санки встряхнулись
Серебренные полозья попортились...
Спѣлъ кузнецъ пѣсню—и образо-
вался лѣсистый островъ
По срединѣ синяго моря...
Выросли крѣпкія березы,
Бѣло-корыя густо покрылись вѣт-
вями.
Взялъ Вселенскій кузнецъ березу,
Исправилъ всѣ поврежденія,
Сдѣлалъ все еще лучше.

Ляхти эдэлләһ мертў мўётнаямаһ..
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй-го кабье һебонъ касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ;

Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде ручижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ мюöсти Сепуой дюрюнъ;
һаву мечче һояйдавъ,
Кувзи корби куяйдавъ;
Каччовъ ўлёйһъ-пяйвёй паштавъ,
Каччовъ алаһъ-реги аявъ;

Кенгосъ, кунгосъ регезъ аявъ?
Регезъ аявъ какси міестў:
Ўкси ваһнэ Вяйнэмўӧйнэ,
Тойнэ нуори Дёгамуойнэ,
Ваһнэ війзавъ Вяйнэмўӧйнэ
Ласки шурмудъ Сепуойнъ піäлэ,
Сепуойнъ корде копастиһъ,
Рускедъ корде рикастиһъ,
Кулду-каблаһадъ турмоттиһъ...
Лавлуой Сепуой Суарэнъ саложанъ

Кески мерэнъ синиженъ,
Койвудъ ковадъ казветтиһъ,
Оксэ койвудъ турботтиһъ
Отти Сепуой Илмаллинэ койвунъ,
Луадій кай віе луемби,

Азуй кай віе парэмби;
Ляхти эдэлләһ мертў мўётнаямаһ..
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй-го һебонъ кабю касту,

Эй-го вуоһинэ лиһонэ;
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде ручижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ мюöсти Сепуой дюрюнъ;
һаву мечче һояйдавъ,
Кувзи-корби куяйдавъ;
Каччовъ ўлёйһъ-пяйвёй паштавъ,

Каччовъ алаһъ-реги кулговъ...
Кенгосъ, кунгосъ регезъ аявъ?

Отправился дальше въ дорогу по морю...
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго...
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ,
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золотокопыльныя звенятъ,
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ сильный громъ.
Сосновый лѣсъ шумитъ,
Еловая чаща гудитъ;
Смотритъ вверхъ—солнышко печетъ,
Смотритъ внизъ—дровни ѣдутъ.
Кто же, кто же на дровняхъ ѣдетъ?
На дровняхъ ѣдутъ два молодца:
Одинъ старый Вяйнэмёйнэ,
Другой молодой Дёгамуойнэ...
Старый мудрый Вяйнэмёйнэ
Напустилъ чары на кузнеца.
Кузнеца санки привскочили,
Красныя санки поломались,
Золотыя копыта попортились.
Спѣлъ кузнецъ пѣсню,—и образовался лѣсистый островъ
По срединѣ синяго моря,
Выросли крѣпкія березы,
Вѣтвистыя — густо покрылись зеленью,
Взялъ Вселенскій кузнецъ березу,
Всѣ поврежденія исправилъ,
Сдѣлалъ все еще лучше.
Отправился дальше въ дорогу по морю.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго...
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ,
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золотокопыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ сильный громъ.
Сосновый лѣсъ—гудитъ,
Еловая чаща шумитъ.
Смотритъ вверхъ—солнышко печетъ.
Смотритъ внизъ—дровни ѣдутъ;
Кто же, кто же на дровняхъ ѣдетъ?

Регезъ аявъ какси міестў:
ўкси ваһнэ Вяйнэймўойнэ,
Тойнэ нуори Дегамуойнэ;
Ваһнэ віизавъ Вяйнэмўойнэ
Ласки шурмудъ Сепуойнъ-піалэ;
Сепуойнъ корде копастиһъ,
Рускедъ корде рикастиһъ,
Бембеледъ нэдъ турмоттиһъ...
Лавлой Сепуой суарэнъ саложанъ
Кески мерэнъ синиженъ,
Ковадъ койвудъ казветтиһъ
Кичеръ туомедъ турботтиһъ.
Отти Сепуой Илмаллинэ туоменъ,

Луадій кай віе луемби,
Азуй кай віе парэмби;
Ляхти мердў мюöти аямаһъ...
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвадъ колматту;

Эй-го һебонъ кабью касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Бембелиссä вери типпувъ;
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ канжовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Кувловъ Сепуой-койру нуттавъ;
һаву мечче һояйдавъ,
Кувзи корби куяйдавъ;
Каччовъ ўлейһъ-пяйвей паштавъ,
Каччовъ алаһъ-саву новзовъ.
Койрэ-рикки, кодинъ вардюой,
һаввувъ-нуттавъ Сепуойнъ-піалэ,
Варзанъ нирзанъ вердўттäвъ,

Виллёйнъ һяндäнъ виллоттавъ.
Сміеттивъ Сепуой-эляй ляһинъ,
Аятталовъ-агью нäгювъ
һянэнъ мерэнъ кулгеманъ,
Гянэнъ кордязъ-аяндамъ.

Каччовъ Сепуой-эляй-тила,
Цааринъ коди корһоттавъ,
һидвидъ перти-порһоттавъ.
Аюой Сепуой Илмаллинэ
һидвидъ Цааринъ иккуойнъ-аллэ;

На дровняхъ ѣдутъ два молодца:
Одинъ старый Вяйнэмёйнэ
Другой молодой Дёгамойнэ;
Старый мудрый Вяйнэмёйнэ
Напустилъ свои чары на кузнеца.
Кузнеца санки привскочили,
Красныя санки поломались,
Дуга его попортилась.
Спѣлъ кузнецъ пѣсню,—и образовался лѣсистый островъ
По срединѣ синяго моря;
Выросли крѣпкія березы,
Кудрявыя черемухи густо покрылись вѣтвями;
Взялъ Вселенскій Кузнецъ черемуху,
Исправилъ всѣ поврежденія еще крѣпче прежняго,
Сдѣлалъ все еще лучше.
Отправился дальше въ дорогу по морю.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго;
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ половинѣ третьяго дня
Слышитъ кузнецъ,—собака лаетъ.
Сосновый лѣсъ гудитъ,
Еловая чаща шумитъ,
Смотритъ вверхъ,—солнышко печетъ,
Смотритъ внизъ, — дымъ поднимается.
Маленькая собачка,—сторожъ дома,
Лаетъ-ворчитъ на кузнеца,
Царапаетъ морду его жеребца до крови,
Таскаетъ за хвостъ буйнаго.
Думаетъ кузнецъ, — что житель близко,
Предполагаетъ,—что конецъ наступаетъ
Его путешествію по морю,
Его ѣздѣ въ санкахъ.
Смотритъ кузнецъ—жилище.
Видитъ кузнецъ—царскій домъ высится
Изба Хидвида ширится.
Подъѣхалъ кузнецъ Вселенскій
Подъ окно Хидвида царя;

һобью-дялгазъ сэйжаттиһъ,
Кулду-каблазъ копахтиһъ,
Рускедъ корде азэтуй;
Варзалъ һиги һаллэвуй,
Виллейзъ вуахти валэвуй.

Сановъ сiйтэ Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игэллинэ,
Коргедъ iӓнэлъ iӓништӓвъ,
Сагедъ iӓнэлъ сагиштавъ:
«һидвидъ цаари, мiеһизъ мiезъ!
Дёго андадъ айнавуойженъ,
Дёго тюёндӓдъ тӱттӓрюбйженъ,
Кулду каблазъ кулгiаһъ,
Сепуойнъ кордяһъ һургуаһъ?..»
Вастаһъ һидвидъ вастадэли,
Сепуойнъ Саномилэ санэли:
Ой го, ной го Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ!
Ӓскю анданъ айнавуойженъ,
Ӓскю тюёндӓнъ тӱттӓрюбйженъ
Синунъ кордяһъ һургуягъ,
Кулду-каблазъ кулгiаһъ,
Лавланэдъ-ку ламбинъ пиһалэ,
Шiенэдъ мутидъ пирскамаһъ,
Лаһнанъ-каладъ лаймамаһъ,

Лоһенъ-каладъ лойгамаһъ;
Азунэдъ-ку айданъ ӱмбяри,
Луадинэдъ-ку ламбинъ рандаһъ
Равдайжилъ-го жердiйжилъ,
Тэрӓксöмилъ сейбяһяйжилъ;

Вичо мадонъ вичайжилъ,
һяндӓдъ дiятӓ һяйлюмяһъ,
Нюокадъ вуорой чуйламаһъ...
Лавлуой Сепуой Илмаллинэ
һидвидъ цаарилэ ламбiйженъ

Шiенэдъ мутидъ пирскамаһъ,
Лаһнанъ-каладъ лаймамаһъ,
Лоһенъ-каладъ лойгамаһъ;
Азуй айданъ ӱмбяри,
Луадiй кургенъ ламбинъ рандаһъ

Равдайжилъ-го жердiйжилъ,
Тэрӓксöмилъ сэйбяһяйжилъ;
Вичой мадонъ вичайжилъ,
һяндӓдъ дiятти һяйлюмяһъ
Нюокадъ вуорой чуйламаһъ...

Серебренно-полозныя остановились,
Золото-копыльныя стали какъ вкопанныя,
Красныя сани остановились;
На жеребцѣ потъ обратился въ иней,
Съ буйнаго потекла пѣна.
Говоритъ тогда Вселенскій кузнецъ,
Вѣчный ковачъ міра,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Сильнымъ голосомъ молвитъ:
«Хидвидъ царь, изъ мужей мужъ!
Ужель ты отдаешь единственную,
Ужель ты отправляешь дочь
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца?»
Въ отвѣтъ Хидвидъ говорилъ,
На слова кузнеца сказывалъ:
«Ой ты, кузнецъ Вселенскій,
Ковачъ міра вѣчный!
Только тогда отдамъ единственную
Только тогда отправлю дочку
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца,
Если ты споешь пѣсню, — и на улицѣ образуется озеро,
И чтобъ въ немъ маленькія рыбки бойко сновали,
Лещи плескались,
Лососи съ шумомъ бы ударяли по водѣ.
Если ты поставишь около огороду,
Сдѣлаешь её по берегу озера
Изъ желѣзныхъ жердей,
Изъ заостренныхъ кольевъ,
Перевяжешь, вмѣсто прутьевъ, змѣями,
При томъ—хвосты ихъ (т. е. змѣй) оставишь качаться
И жала попеременно колебаться.
Спѣлъ Вселенскій кузнецъ,
И на улицѣ Хидвида царя образовалось озеро,
Маленькія рыбки въ немъ бойко сновали
Лещи плескались,
Лососи съ шумомъ ударяли по водѣ;
Сдѣлалъ также огороду около,
Наладилъ кривую по берегу озера
Изъ желѣзныхъ жердей;
Изъ заостренныхъ кольевъ,
Перевязялъ, вмѣсто прутьевъ, змѣями,

Мӱӧсти мяни Сепуой Илмаллинэ
һидвидъ Цааринъ иккуойнъ-аллэ,
Коргедъ іӓнэлъ іӓништӓвъ,
Сагелъ іӓнэлъ сагигитавъ:
«һидвидъ цаари,—міеһизъ міезъ!
Дёго андадъ айнавуойженъ,
Дёго тюӧндӓдъ тӱттӓрюӧйженъ
Кулду каблазъ кулгіаһъ,
Сепуойнъ корьяһъ һургуаһъ?
Минӓ лавлуойнъ ламбинъ пиһалэ,

Піенэдъ мутидъ пирскамаһъ,
Лаһнанъ-каладъ лаймамаһъ,
Лоһенъ-каладъ лойгамаһъ;
Азуйнъ айданъ ӱмбяри
Равдайжилъ-го жердійжилъ,

Тэрӓксӧмилъ сэйбяһяйжилъ,
Вичуойнъ мадонъ вичайжилъ,
һяндӓдъ діятинъ һяйлюмяһъ,
Нюокадъ вуорой чуйламаһъ.
Сійтэ һидвидъ вастадэли,

Сепуойнъ саномилэ санэли:
«Ӓскю анданъ айнавуойженъ,
Ӓскю тюӧндӓнъ тӱттӓрюӧйженъ,
Войнэдъ педдонъ кючинъ кюндӓй,
Кіярмэһиженъ кіяндэтэлтӓ,

Мадоһиженъ вагодэлта
Кенгяттӧмилъ дялгайжилъ,
Вӱӧттӧмилъ-го рунгайжилъ,
Сӱӧмяттӧмилъ вачайжилъ?»
Отти Сепуой рагонъ равдадъ,

һобьядъ, кулдадъ кюллясти,
Тагуой адранъ аркувасти,
Кулдалъ лаштэдъ кулдитти
һобьялъ адраймедъ һобьиччи;
Равдэ пайданъ пиниэттэли,
Киви-һатуинъ чумуттэлли;
Ляхти пелддонъ кюндӓмяһъ,
Ляхти кючинъ куёйтаммӓһъ,
Кіярмеһишту кіяндэлеммаһъ,
Мадоһишту вагодаммаһъ...
Лопій Сипуой кюндӓндӓнъ,
һейти Тагуой вогодандаиъ,

Хвосты ихъ оставилъ качаться
И жала попеременно колебаться.
Снова пришелъ Вселенскій кузнецъ
Подъ окно Хидвида царя,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Сильнымъ голосомъ сказываетъ:
«Хидвидъ царь, изъ мужей мужъ!
Ужель ты отдашь единственую,
Ужель ты отправишь дочь
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца?
Я пропѣлъ—и на улицѣ образовалось озеро,
Въ немъ маленькія рыбки бойко снуютъ,
Лещи плещутся,
Лососи съ шумомъ ударяютъ по водѣ,
Я сдѣлалъ огороду около
Изъ желѣзныхъ жердей,
Изъ заостренныхъ кольевъ
Перевязалъ ее, вмѣсто прутьевъ, змѣями,
Хвосты ихъ оставилъ качаться,
А жала попеременно колебаться.
Тогда Хидвидъ отвѣчалъ,
На слова кузнеца сказывалъ:
«Только тогда отдамъ единственную,
Только тогда отправлю дочку,
Если ты сможешь спахать поле, полное ядовитыхъ змѣй,
Змѣиное переорать,
Змѣиное избороздить канавками,
Безъ сапоговъ на ногахъ,
Безъ пояса на таліи,
И предварительно не поѣвъ никакой пищи».
Взялъ кузнецъ немного желѣза [1])
Серебра и золота достаточно;
Сковалъ тщательно соху,
Покрылъ золотомъ лемехъ (отвалъ),
Серебромъ сошники;
Одѣвалъ на себя желѣзную рубаху,
На голову каменную шапку
И отправился пахать поле,
Змѣиное орать,
Змѣиное сохой поворачивать,
Змѣиное бороздить канавками.
Кончилъ кузнецъ—пахать
Пересталъ ковачъ—бороздить,

---

[1]) Букв.—столько, сколько помѣстится въ скважинѣ, щелкѣ, трещинѣ.

Мяни һидвидъ иккуойнъ-аллэ
Коргедъ іäнэлъ іäништäвъ,
Сагедъ іäнэлъ сагиштавъ:
«һидвидъ цаари, міеһизъ міезъ!
Дёго андадъ айнавуойженъ,
Дего тюöндäтъ тÿттäрюйженъ
Кулду каблазъ кулгіяһъ,
Сепуойнъ кордяһъ һургуяһъ?
Минä кючинъ пелдонъ кюндинъ,
Кіярмеһиженъ кіяндэлинъ,
Мадоһиженъ вагодэлинъ
Вÿöттöмилъ-го рунгайжилъ,
Сÿöмяттöмилъ вачайжилъ,
Кенгяттöмилъ дялгайжилъ»...
Андуой сійтэ һидвидъ цаари,
Андуой оманъ айнавуойженъ,
Тюöнзи оманъ тÿттäрюйженъ,
Кавнэһенъ-го Дуардёйнъ-Муардёйнъ
Кулду-каблазъ кулгіяһъ,
Сепуойнъ кордяһъ һургуяһъ...
Ляхти Сепуой аямаһъ,
Ляхти Илмой кулгемаһъ;
Муардёй-Дуардёй кордязъ иштувъ,
Кавникайнэ перäзъ ноявъ;
Аявъ пäйвянъ, аявъ тойженъ
Аявъ пäйвадъ колматту;
Эй-го кабье һебонъ касту,
Эй-го вуоһинэ лиһонэ;
Рахкеһисса развадъ валувъ,
Вембелиссä вери типпувъ,
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ каиковъ;
Колмандэнъ-го пäйвянъ пуолэзъ
Каччовъ Сепуой кордянъ перäһъ,
Эй-го кордязъ Муардёйдъ-Дуардёйдъ,
Кулгіясса кулдашту,
Карижіасъ кавништу;
Муардёй-Дуардёй веревяйнэ,
Валгей һибью лиһавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куё-мустэ кулме,
Ленди тіяхтэксъ тайваһаһъ,
Лійгаксъ тіяхтэксъ ÿляһяһъ.
Эчій Илмаллинэ Сепуой тіяхтэнъ,
Муардёйнъ-Дуардёйнъ веревяйженъ,
Валгей-һибью лиһавайженъ,
Пелвазъ-туканъ, сини силмянъ,
Кайдэ куе-мустанъ кулманъ,
Пуаксудъ тіяхтэдъ тіедойтэли,
Кулду тикудъ лугойтэли;
Лёвзи Сепуой лійганъ тіяхтэнъ,

Подошелъ онъ подъ окно Хидвида царя,
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Сильнымъ голосомъ сказываетъ:
«Хидвидъ царь, изъ мужей мужъ!
Ужель ты отдашь единственную,
Ужель ты отправишь дочь
Въ золото-копыльныя ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца?
Я спахалъ поле, полное ядовидыхъ змѣй,
Змѣиное переоралъ,
Змѣиное избороздилъ канавками.
Безъ пояса на таліи,
Предварительно не поѣвъ никакой пищи,
Безъ сапоговъ на ногахъ».
Отдалъ тогда Хидвидъ царь,
Отдалъ единственную,
Отправилъ свою дочь—
Прекрасную Дуардёй-Муардёй
Въ золото-копыльныя, ѣдущія сани,
Въ скользящія сани кузнеца.
Отправился кузнецъ въ путь,
Отправился Вселенскій въ дорогу.
Муардёй-Дуардёй въ саняхъ сидитъ,
Прекрасная въ задкѣ привалилась.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго.
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ;
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ половинѣ (полдень) третьяго дня
Смотритъ кузнецъ въ задокъ саней.
Нѣтъ въ саняхъ Муардёй-Дуардёй,
Въ скользящихъ—золотой;
Въ звенящихъ—прекрасной;
Муардёй-Дуардёй румяная,
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка чернобровая
Улетѣла звѣздой на небо,
Лишней звѣздой въ высоту.
Искалъ Вселенскій кузнецъ звѣзду
Муардёй-Дуардёй румяную,
Бѣлотѣлую, полную,
Льнянноволосую, синеглазую,
Узкую тропинку-чернобровую,
Частыя звѣзды разузнавалъ,
Золотыя крапинки пересчитывалъ,
Нашелъ кузнецъ лишнюю звѣзду,

Эчій Сепуой кулду-тикунъ;
Отти Муардёйнъ-Дуардёйнъ кордяhъ

Веревяйженъ-лиhавайженъ,—
Родійhезэ віе кавнэhемби...
Ляхти Сепуой аямаhъ,
Ляхти Илмой кулгемаhъ;
Муардёй-Дуардёй кордязъ иштувъ,
Лигавайнэ перäзъ ноявъ...
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;
Эй го кабье hебонъ касту,
Эй-го вуоhинэ лиhонэ;
Рахкеhисса развадъ валувъ,
Бембелессä вери типпувъ;
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду каблазъ каижовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Каччовъ Сепуой кордянъ перähъ;
Эй-го кордязъ Муардёйдъ-Дуардёйдъ,
Кулгіясса кулдашту,
Карижіясъ кавништу.
Муардёй-Дуардёй веревяйнэ,
Валгей-hибью лиhавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куе, мустэ кулме,
hейтиhъ чврукоъ мерэнъ поhьяhъ,
Чукелдиhъ го ведэнъ бонгаhъ,

Сулуой кивексъ сулахтиhъ,
Лійгаксъ чврукоъ чупсахтиhъ.
Эчій Сепуой Илмаллинэ чврунъ,
Муардёйнъ-Дуардёйнъ веревяйженъ,
Валгей-hибью лиhавайженъ,

Пелвазъ туканъ, сини силмянъ,
Кайдэ куё, мустанъ кулманъ;
Мерэнъ чврудъ чопеттэли,
Сулуой киведъ кіяндэттэли,
Лёвзи Сепуой лійганъ чврунъ
Эчій Сепуой Сулуой кивенъ;
Ности Муардёйнъ-Дуардёйнъ кордяhъ,
Веревяйженъ, лиhавайженъ,—
Родій hезэ віе кавнэhемби...
Ляхти Сепуой аямаhъ,
Ляхти Илмой кулгемаhъ.
Муардёй-Дуардёй кордязъ иштувъ,
Лиhавайнэ перäзъ ноявъ.
Аявъ пяйвянъ, аявъ тойженъ,
Аявъ пяйвядъ колматту;

Отыскалъ кузнецъ золотую крапинку,
Взялъ Муардёй-Дуардёй въ сани,
Румяную, полную,
И она стала еще прекраснѣе.
Отправился кузнецъ въ дорогу,
Отправился Вселенскій въ путь;
Муардёй-Дуардёй въ саняхъ сидитъ,
Полная въ задкѣ привалилась.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго;
Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ,
Красныя сани скрипятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ полдень третьяго дня
Смотритъ кузнецъ въ задокъ саней.
Нѣтъ въ саняхъ Муардёй-Дуардёй,
Въ скользящихъ—золотой,
Въ звенящихъ—прекрасной.
Муардёй-Дуардёй румяная,
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка-чернобровая
Опустилась песчинкой на морское дно,
Нырнула въ глубину водъ,
Бѣлымъ камешкомъ затерялась, (букв. растаяла),
Лишней песчинкой скрылась.
Отыскалъ кузнецъ Вселенскій песчинку,
Муардёй-Дуардёй румяную,
Бѣлотѣлую, полную,
Льнановолосую, синеглазую,
Узкую тропинку-чернобровую,
Морскія песчинки перебрелъ,
Бѣлые камешки расшевелилъ;
Отыскалъ кузнецъ лишнюю песчинку,
Поднялъ Муардёй-Дуардёй въ сани,
Румяную, полную,
И она стала теперь еще прекраснѣе.
Отправился кузнецъ въ путь,

Отправился Вселенскій въ дорогу.
Муардёй-Дуардёй въ саняхъ сидитъ,
Полная въ задкѣ привалилась.
Ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой,
Ѣдетъ дня третьяго.

Эй го кабью һебонъ касту,
Эй го вуоһинэ лиһоиэ,
Рахкеһисса разведъ валувъ,
Бембелессä вери типиувъ,
Рускедъ корде карижовъ,
Кулду-каблазъ каижовъ;
Колмандэнъ-го пяйвянъ пуолэзъ
Каччовъ Сепуой кордянъ-перäһъ;
Эй-го кордязъ Муардëйдъ-Дуардëйдъ,
Кулгiясса кулдашту,
Карижiясъ кавништу.
Муардëй-Дуардëй веревяйнэ,
Валгей-һибью лиһавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куё,—мустэ кулме,
Муувтiйнъ пiйрай вяртинäксъ,
Магей-росгëгъ пуаликаксъ;
Кайдаһъ кордяһъ каймадуй,
Куйвиһъ һейниһъ һявидуй;
Сiйдъ го Сепуой Илмаллинэ,

Тагуой илманъ игяллинэ,
Пури һувлэдъ, кiянди пiянъ,
Мурди мустадъ һабенэдъ;
Эчiй кордязъ вяртинäйженъ,
Муардëйнъ-Дуардëйнъ веревяйженъ,
Валгей-һибью лиһавайженъ,
Пелвазъ туканъ, сини силмянъ,
Кайдэ куё, мустанъ кулманъ;
Кордянъ мурни кiяндэттэли,
һейнäдъ куйвадъ тувлуойтэли,
Лëвзи Сепуой вяртинäйженъ,
Эчiй Сепуой пуаликай кенъ;
Кядэһъ отти каткайдэли,
Пойки пуолэзъ мурэндэли,
һiенoксъ чилмуксъ чилмуойдэли,
Мустаһъ Мерэһъ вишкайдэли.
Сiйтэ Сепуой Илмаллинэ,
Тагуой илманъ игяллинэ,
Санэли-го саномайжедъ,
Виркели-го виркандайжедъ:
„Муардëй-Дуардëй веревяйнэ,
Валгей һибью, лиһавайнэ,
Пелвазъ тукке, сини силме,
Кайдэ куё, мустэ кулме,
Мянэ каюойксъ игяксъ кайкексъ
Луодолуойле локоттамаһъ,

Ни копыто у лошади не мокнетъ,
Ни колѣно не распухаетъ;
Изъ гужей жиръ сочится,
Изъ дуги кровь каплетъ;
Красныя сани скрпятъ,
Золото-копыльныя звенятъ.
Въ полдень третьяго дня
Смотритъ кузнецъ въ задокъ саней.
Нѣтъ въ саняхъ Муардëй-Дуардей,
Въ скользкихъ—золотой,
Въ звенящихъ—прекрасной.
Муардëй-Дуардëй румяная,
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка-чернобровая
Оборотилась веретеномъ, которымъ скутъ пироги,
Палочкой, которой скутъ вкусные «ростëги» [1])
Въ узкихъ саняхъ затерялась,
Въ сухомъ сѣнѣ запропала.
Тогда кузнецъ Вселенскiй,
Ковачъ мiра вѣчный,
Прикусилъ губы, склонилъ голову,
Закрутилъ черные усы;
Отыскалъ въ саняхъ веретено,
Муардëй-Дуардëй румяную,
Бѣлотѣлую, полную,
Льняноволосую, синеглазую,
Узкую тропинку-чернобровую,
Сани повернулъ вверхъ дномъ,
Сухое сѣно растрясъ.
Нашелъ кузнецъ веретено,
Отыскалъ палочку (скалo),
Въ руки взялъ сломалъ,
На самой срединѣ переломилъ,
На мелкiя части измельчилъ
И бросилъ въ черное море.
Тогда кузнецъ Вселенскiй,
Ковачъ мiра вѣчный,
Говорилъ такiя слова,
Молвилъ такiя рѣчи:
«Муардëй-Дуардëй румяная
Бѣлотѣлая, полная,
Льняноволосая, синеглазая,
Узкая тропинка-чернобровая,
Будь чайкой во всю жизнь,
На мелкихъ мѣстахъ кричи

---

[1]) Особый видъ печенья состоящiй изъ тонкаго ржанаго сканца и молочной начинки.

Ведэнъ кивилъ кайкуттамагъ,
Нэнӓнъ ніемилъ нивгумаһъ,
Вастатувлиһъ вуаппумаһъ“.
Сійтэ Сепуой Илмаллинэ,

Тагуой илманъ игяллинэ,
Иштуйһъ кордяһъ кирьяваһъ,
Ишки плетилъ кибедӓсти,
Виллёйнъ варзанъ вягевясти,
Ляхти мердў мӱӧти аямаһъ...

На камняхъ, выступающихъ изъ-
подъ воды, издавай звуки,
На мысахъ—взвизгивай,
Противъ вѣтра—покачивайся.
Послѣ этого Вселенскій кузнецъ,

Ковачъ міра вѣчный
Сѣлъ въ пестрыя сани,
Ударилъ кнутомъ жеребца больно
Ударилъ буйнаго сильно
И пустился въ дорогу по морю.

Н. Лѣсковъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

В. Мочульскій. Слѣды народной библіи въ славянской и древнерусской письменности. Одесса 1893.

Въ 1887 году вышла въ свѣтъ магистерская диссертація г. Мочульскаго «Историко-литературный анализъ стиха о голубиной книгѣ. Въ ней авторъ, опредѣляя ближайшіе источники стиха о голубиной книгѣ», указываетъ на «Бесѣду трехъ святителей», какъ на ближайшій литературный источникъ его, а въ одномъ изъ примѣчаній обращается къ читателю со слѣдующими словами: «Считаю долгомъ предупредить, что апокрифическая Бесѣда трехъ святителей» представляетъ, по моему мнѣнію, настолько интересный и сложный памятникъ, что не въ далекомъ будущемъ я намѣренъ посвятить ей спеціальное изслѣдованіе въ связи съ тѣми апокрифами, которые имѣютъ отношеніе къ этой «Бесѣдѣ» (стр. 37—38, прим.).

Нѣсколько ниже (стр. 53) г. Мочульскій пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Бесѣда трехъ святителей есть сложная апокрифическая книга», родъ апокрифической библіи», въ составъ ея вошли: 1) апокрифическая книга Бытія, 2) апокрифъ «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ», 3) книга Адама и 4) Апокалипсисъ Іоанна. Всѣ эти справки намъ необходимы для того, чтобы уяснить себѣ хотя бы отчасти странное заглавіе новаго изслѣдованія г. Мочульскаго, которое будетъ теперь для насъ предметомъ разсмотрѣнія.

Очевидно говоря о «слѣдахъ народной библіи» авторъ подразумѣваетъ подъ этими словами, какое то особое повѣствованіе о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, сложившееся въ народной средѣ и впослѣдствіи перенесенное въ литературу и отразившееся въ славянской и древнерусской письменности. Но дѣло въ томъ, что въ изслѣдованіи мы не находимъ ни слова ни о какой «народной библіи» въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь, напротивъ, мы наталкиваемся на анализъ, болѣе или менѣе поверхностный, литературныхъ памятниковъ типа «Бесѣды трехъ святителей» т. е. вопросо-отвѣтовъ на библейскія темы, бывшихъ весьма распространенными въ средневѣковой литературы византійско-славянской и западно-европейской,

Послѣ краткаго обзора литературы вопроса авторъ приступаетъ къ анализу слѣдующихъ діалоговъ, извѣстныхъ въ славянорусской письменности: 1) Вопросы и отвѣты Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго (бесѣда трехъ святителей); 2) Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской; 3) Вопросы Іоанна Б. Аврааму на Елеонской горѣ; 4) Вопросы Іоанна Б. Аврааму о праведныхъ душахъ, и 5) Варѳоломѣевы вопросы Богородицѣ.

Обратимъ вниманіе на то, что авторъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ «Преніе Панагіота съ Азимитомъ», хотя въ своемъ изслѣдованіи кое гдѣ какъ бы мимоходомъ ссылается на него.

Такъ какъ наряду съ подобными славянскими рукописными произведеніями встрѣчаются въ значительномъ количествѣ и латинскія, то г. Мочульскій обращается предварительно къ этимъ послѣднимъ и обозрѣваетъ всѣ извѣстные ему списки, сопоставляя ихъ съ «Гипомнестикономъ» нѣкоего Іосифа, еврея по происхожденію, принявшаго христіанство и жившаго, по мнѣнію автора изслѣдованія, въ срединѣ IV в. (стр. 26—27). Въ слѣдующей главѣ авторъ, не давъ опредѣленія «Бесѣды трехъ святителей», обозрѣваетъ всѣ извѣстные ему греческіе списки ея и тѣ толковые сборники, которые стоятъ по своему содержанію близко къ разсматриваемому памятнику. Изъ этого обозрѣнія авторъ дѣлаетъ выводъ, что Бесѣда трехъ св. была *толковой* библіей, осложнившись толковыми статьями. Мы не усматриваемъ однако причинъ такого утвержденія: скорѣе всего можно назвать Б. тр. св. катехизаціей библейско-апокрифическаго матеріала, съ обширными дополненіями.

Въ слѣдующей главѣ авторъ обозрѣваетъ славянскіе списки «Бесѣды» и толковые сборники, имѣвшіе по его мнѣнію связь съ апокрифическими вопросо-отвѣтами. Затѣмъ слѣдуетъ анализъ этого матеріала, подведеніе подъ рубрики по редакціямъ, причемъ редакціи устанавливаются г. Мочульскимъ весьма поверхностно—по зачаламъ списковъ. Видимо авторъ много потрудился, чтобы составить описаніе, хотя бы поверхностное, извѣстныхъ ему списковъ, но онъ, какъ и ниже при анализѣ другихъ діалоговъ, вовсе не поставилъ себѣ прямой цѣли: передъ нами проходитъ нѣчто безсвязное, нестройное. Авторъ пускается разыскивать въ памятникахъ діалогической формы—ереси, и конечно при нѣкоторомъ желаніи вездѣ можно найти все, чего хочешь! Онъ открываетъ ересь гностиковъ, монофизитовъ, манихевъ, богомиловъ и др. и доходитъ до того, что при анализѣ сборника Каафъ (стр. 153) въ число раскольничьихъ мнѣній включаетъ Домостроевское объясненіе крестнаго знаменія. Авторъ незнакомъ съ Никодимовымъ евангеліемъ, съ толковой и историческою палеями, которые лучше объяснили бы происхожденіе разныхъ мѣстъ разбираемыхъ діалоговъ, нежели основательныя мудрствованія и голословныя ссылки на ереси.

Анализъ текста памятника на основаніи данныхъ языка для автора не представляетъ значенія. Послѣ анализа содержанія «Вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ» авторъ рѣшаетъ напримѣръ, что памятникъ этотъ возникъ на славянской почвѣ и «судя по древнѣйшимъ спискамъ,—на славянсомъ югѣ»; ниже опредѣляется время возникновенія: конецъ XII вѣка. Но обратилъ ли авторъ вниманіе на языкъ? Нѣтъ, онъ не указываетъ ни одной южно-славянской черты. Если настоящій памятникъ возникъ въ XII в., въ немъ уже должны быть средне болгаризмы. Сомнительны также утвержденія автора, что напр. такой то памятникъ составленъ для такихъ то, для мірянъ, а другой—для духовныхъ.

Въ приложеніи къ изслѣдованію г. Мочульскаго мы находимъ слѣдующіе тексты: греческіе—бесѣду трехъ святителей изъ пергаменной рукописи Вѣнской Императ. библіотеки начала XII в. (№ CCCXXXIII); діалогъ безъ заглавія: изъ сборника XIV вѣка Парижской Націон. библ. № 1555 A. Затѣмъ—славянскіе: изъ пергаменнаго сборника начала XIV в. Проф. Сречковича «вопросы и отвѣты Григорія и Василія, Ивана Богословца»; изъ сербск. сборн. XVI в. Загребской Академіи № III a. 43; и наконецъ изъ сборн. XVI в. Вѣнск. библіот. № 125; вопросы апостоловъ о Богородицѣ. Эта часть книги г. Мочульскаго представляетъ несомнѣнную цѣнность чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о первой части, такъ какъ авторъ, поставившій въ началѣ изслѣдованія рядъ вопросовъ и обвинившій своихъ предшественниковъ въ безрезультатности ихъ розысканій,—не далъ ни одного мало-мальски обстоятельнаго отвѣта.

В. П—в.

Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Этнографическій этюдъ М. Довнара-Запольскаго. Гродно. 1893 г. 16. 69 стр.

Настоящая статья г. Довнара-Запольскаго посвящена объясненію свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, которыя онъ почерпаетъ изъ своего сборника и пользуется трудами другихъ собирателей Булгаковскаго, Зенькевича, Кольберга и др. Авторъ, разбирая поэтическіе мотивы свадебныхъ пѣсенъ, старается выяснить цѣльные поэтическіе образы главныхъ лицъ обряда, жениха и невѣсты, ихъ отношенія между собою, къ семьѣ своей и чужой и т. д. Попутно съ обрисовкой лицъ авторъ останавливается на остаткахъ древняго быта, на обычаяхъ, являющихся пережитками давно прошедшихъ эпохъ. Такихъ пережитковъ въ свадебномъ обрядѣ очень много, такъ какъ онъ слагался вѣками. Первая глава статьи г. Довнара-Запольскаго посвящена невѣстѣ; выраженіями, взятыми изъ пѣсенъ авторъ рисуетъ ея красоту, отношеніе къ близкимъ. Во второй говорится о женихѣ его дружинѣ, о похищеніи дѣвицы, о значеніи рода и его представителей въ брачномъ обрядѣ. Третья глава описываетъ продажу невѣсты и обрисовываетъ роль брата, какъ представителя рода. Четвертая и пятая главы разсказываютъ словами пѣсенъ о разставаніи невѣсты съ роднымъ домомъ и о вступленіи въ новую семью, въ семью жениха; часто враждебную молодой женщинѣ. Главы шестая и седьмая посвящены символическому и миѳологическому элементу свадебнаго обряда; въ нихъ авторъ говоритъ о хороводныхъ пѣсняхъ и о пѣсняхъ повѣствующихъ о бракѣ солнца съ мѣсяцемъ. Намъ кажется, что авторъ совершенно напрасно ищетъ въ послѣднихъ пѣсняхъ миѳологическое значеніе, онѣ прекрасно объясняются помимо миѳическихъ натяжекъ изъ сравненія: хорошъ или хороша какъ мѣсяцъ, какъ солнце, и незачѣмъ тревожить Ярилу и прочія (солярныя) «божества», созданныя миѳологической школой. Въ заключеніе своего очерка авторъ подводитъ итоги своего изслѣдованія. Читается очеркъ легко и съ удовольствіемъ, не имѣя, впрочемъ серіознаго научнаго значенія, какъ и всякая работа подобнаго характера, предназначенная для широкаго круга читателей. Мѣстами и языкъ автора заставляетъ желать много лучшаго, напр. на стр. 33—34 читаемъ: «ясности представленія о строѣ организованности рода, какъ онъ представляется наукою, не существуетъ».

Вл. П.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества Т. 5. Харьковъ 1893 г.

Изъ числа нашихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ Харьковское историко-филологическое отводитъ больше другихъ мѣста для матеріаловъ этнографическихъ, издаваемыхъ притомъ весьма тщательно. Такъ, и въ послѣднемъ томѣ «Сборника» Общества находимъ: Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ—*П. В. Иванова*, Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонск. губ. *С. А. Чернявской*, Дополненіе къ библіографіи заговоровъ *Н. Ѳ. Сумцова*; любопытны для этнографа также историческія статьи: Поселеніе грузинъ въ Малороссіи *М. М. Плохинскаго*, къ исторіи духоборцевъ Харьковской губ. *В. И. Саввы*. Матеріалы г. Иванова касаются Купянскаго уѣзда. Сначала авторъ даетъ небольшую характеристику домоваго, лѣшаго и т. д., основную на представленіяхъ народа; затѣмъ идетъ цѣлый рядъ разсказовъ объ этихъ миѳологическихъ существахъ. Разсказы эти записаны г. Ивановымъ и его корреспондентами въ разныхъ мѣстахъ Купянскаго у. болѣе или менѣе подробно. Статья г-жи Чернявской состоитъ изъ двухъ частей: обряды и повѣрья, пѣсни. Въ ней сообщено нѣсколько разсказовъ о вѣдьмахъ. Описаніе праздниковъ, занятій крестьянъ и связанныхъ съ ними обрядовъ распредѣлено по мѣсяцамъ. Въ этомъ описаніи мало новыхъ чертъ. Изъ сборника пѣсенъ Е. А. Чернявской цѣликомъ напечатаны только свадебныя пѣсни, изъ другихъ—только пѣсни съ болѣе отличными отъ извѣстныхъ уже въ печати варіантами. Во всѣхъ случаяхъ приведены указанія на варіанты изданныхъ ранѣе сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ. Кромѣ пѣсенъ лирическихъ и любовныхъ помѣщенъ цѣлый рядъ пѣсенъ разбойничьихъ, рекрутскихъ историческихъ, бытовыхъ. Изъ рефератовъ, приведенныхъ только въ краткомъ изложеніи, укажемъ: сообщенія: *М. С. Дринова* объ одной апокри-

фической статьѣ, заключающей символическія толкованія церковныхъ предметовъ, имѣющей отчасти источникомъ евангеліе Никодима. и *М. Е. Халанскаго* о нѣкоторыхъ выраженіяхъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (Дѣва, обида, Дивъ и др.). Г. Халанскій для однихъ выраженій указалъ параллели въ южно-славянской народной словесности, для другихъ въ скандинавской.

Вторую часть Сборника занимаютъ трубы педагогическаго отдѣла Общества. Изъ отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни видно, что дѣло пока идетъ сравнительно медленно: по 1 мая 1893 г. собрано 1625 р. 78 к.; капиталъ же для преміи обусловленъ въ 2500 рублей

Арк. Л—нко.

Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 годъ.

Книжка эта мало интересна по содержанію. Сверхъ свѣдѣній календарныхъ, справочныхъ и о личномъ составѣ разныхъ учрежденій въ Гродненской губерніи мы находимъ здѣсь матеріалъ по статистикѣ этой губерніи (за 1891 г. и отчасти за 1892 г.) и обзоръ состоянія ея въ 1891 г. Въ приложеніи къ памятной книжкѣ помѣщены двѣ статьи: 1) И. А. Вичъ. Очеркъ исторіи русской бани и ея физіологическое и терапевтическое значеніе, 2) Г. И. Оношко. Краткій физико-географическій очеркъ Гродненской губерніи.

Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 годъ.

Бóльшую часть книжки занимаютъ обычныя календарныя и справочныя свѣдѣнія, обзоръ разныхъ учрежденій и статистическія данныя за 1891 годъ. Въ приложеніи къ памятной книжкѣ помѣщена единственная статья: Россіенскій уѣздъ (К. Гуковскаго). Здѣсь послѣ очерка природы находимъ рядъ этнографическихъ данныхъ: составъ населенія и его грамотность; діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ (статья Кс. К. Явниса); характеристика народнаго быта, составленная на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ. Далѣе передъ нами главы слѣдующаго содержанія: экономическое состояніе уѣзда сельское хозяйство, торговля; историческіе факты; городъ Россіены и другія замѣчательныя мѣстности Россіенскаго уѣзда.

Т.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Соболевскимъ въ IV отд. «Живой Старины» II вып. 1893 г.

Изъ косметическихъ средствъ наиболѣе распространенными въ настоящее время среди мѣстнаго населенія Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, должно считать наиболѣе употребительными дешевые сорта продажныхъ бѣлилъ и румянъ, а также пудру. Болѣе бѣдныя дѣвушки и въ настоящее время румянятся фуксиномъ, красными бумажками отъ дешевыхъ конфектъ, бадягой, корнемъ растенія «купелы» (она же «соломонова печать» или по мѣстному «божья ручка»)

Брови чаще всего подводятъ сюрьмою, даже углемъ. Послѣднее, впрочемъ, относится къ грубымъ косметикамъ и осмѣивается въ одной изъ мѣстныхъ юмористическихъ пѣсенокъ.

«Слободскія то дѣвченки,
Ровно мелконькей горохъ,
Щечки клюковкой намажутъ,
Брови углемъ подведутъ,
Брови углемъ подведутъ —
За хорошихъ сочтутъ».

Чтобы волосы были гуще и не выпадали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчесываютъ ихъ гребнемъ, смоченнымъ сокомъ крапивы.

Косметики, употребляющіеся противъ загара, угрей, веснушекъ и т. д. указаны нами въ нашихъ статьяхъ по мѣстной народной медицинѣ («Народныя средства при лѣченіи накожныхъ болѣзней». Фельдшеръ 1892 г. № 2. «О народной медицинѣ въ Пошехонскомъ уѣздѣ» Земскій Врачъ 1891 г. № 25 и 52).

Г. Пошехонье, Ярославской губ.
1 Мая 1893 г.

А. Баловъ.

Какъ широко распространено въ современной Руси «юродство Христа ради»? Чѣмъ оно характеризуется? О комъ изъ юродивыхъ есть свѣдѣнія въ провинціальной литературѣ?

Ш.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Сагайскіе татары Минусинскаго округа Енисейской. губ., по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1889 году.

Подъ именемъ Сагайскихъ татаръ я разумѣю тюркскія племена, состоящія въ вѣдѣніи «Степной думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ», находящейся въ селѣ Аскысскомъ Минусинскаго округа, на лѣвой сторонѣ р. Абакана. Южная часть этого округа населена ка́чинскими и сагайскими татарами. Первое изъ этихъ двухъ племенъ имѣетъ отдѣльное отъ втораго управленіе и кочуетъ по нижнему теченію Абакана, двумъ притокамъ его: Камыштѣ и Уйбату, затѣмъ по рѣчкамъ Ташебѣ и Бѣлому Іюсу; второе племя, т. е. племя сагайскихъ татаръ, кочуетъ по верхнему и среднему теченію Абакана и притокамъ его: Таштыпу, Арбату, Еси. Аскысу, Уту, Беѣ и Камыштѣ. И ка́чинскіе и сагайскіе татары Минусинскаго округа занимаются болѣе всего скотоводствомъ и звѣроловствомъ и отчасти земледѣліемъ, пчеловодствомъ, рыболовствомъ и другими промыслами. Сагайскіе татары были описываемы во многихъ отношеніяхъ, но статистическихъ данныхъ о численности и занятіяхъ этого племени не появлялось въ печати съ шестидесятыхъ годовъ. Эти татары въ административномъ отношеніи составляютъ 12 родовъ, изъ которыхъ наиболѣе многочисленнымъ считается Бельтирскій; дума же, управляющая этими 12 родами, называется обыкновенно Сагайскою степною думою.

Система р. Абакана, орошающая мѣстность, заселенную сагайскими и ка́чинскими татарами, представляется въ слѣдующемъ видѣ: [1]).

I. *Лѣвые притоки Абакана*: 1) Таштыпъ; 2) Тёя; 3) Есь; 4) Аскысъ; 5) Камышта; 6) Уйбатъ. Въ *Таштыпъ* впадаютъ съ лѣвой стороны Сиры и Исневъ, при устьѣ котораго находится деревня Иснекская; съ правой уже стороны впадаютъ въ Таштыпъ: Анжулъ, Малая Сея, Большая Сея, Бутрахты и Джыланъ. Между устьями Большой Сеи и Бутрахты находится село Таштыпское.—Въ *Есь* съ лѣвой стороны впадаетъ Малая Есь. У устья Еси находится село Усть-Есинское. Въ *Аскысъ* впадаютъ съ лѣвой стороны: Сиры и База́ съ правымъ притокомъ Беей, а съ правой стороны: Бая. Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ впаденія Аскыса (Аксысъ) въ р. Абаканъ стоитъ село Аскысъ, на лѣвомъ берегу этой рѣчки. Въ *Камышту* съ правой стороны впадаютъ: Тостыгъ-Чулъ (рѣчка съ берестами) и Узунъ-Чулъ или Узунджулъ (длинная рѣчка).—Въ *Уйбатъ* впадаютъ съ правой стороны Ниня, принимающая слѣва Бею и справа Немиръ.

II. *Правые притоки Абакана;* 1) Монокъ; 2) Со́сы (Сосъ), на которой стоитъ деревня того же имени или Юдина; 3) Табатъ; 4) Уты (Утъ); 5) Бея. Въ *Табатъ* съ лѣвой стороны впадаетъ Кендырла́; на рч. Табатъ стоитъ деревня Табатъ (Табатская).—Противъ с. Аскыса, на правомъ берегу Абакана, нѣсколько ниже устья рч. Табатъ, стоитъ заимка Борохтаева. На рч. Утъ стоитъ деревня Утинская. На рч. Беѣ стоитъ село Бейское.

---

[1]) По свѣдѣніямъ сообщеннымъ К. Г. Терскимъ и В. В. Барашковымъ.

Между рч. Утомъ и рч. Беей находится соляное озеро, арендуемое нынѣ золотопромышленникомъ П. О. Барташевымъ. На лѣвомъ берегу *Абакана*, близъ устья его, стоитъ село Усть-Абаканское, въ которомъ находится абаканская инородная управа, управляющая качинскими татарами. Въ р. *Бѣлый-Іюсъ* изъ сліянія котораго съ Чернымъ Іюсомъ образуется р. Чулымъ, впадаетъ Бюря, принимающая въ себя съ правой стороны Іенъ (олень). Выше р. Таштыпа и Монока въ *Абаканъ* впадаютъ: 1) *Съ лѣвой стороны*: Маторъ, Кеня, близъ устья которой стоитъ Абаканскій желѣзодѣлательный и чугуно-литейный заводъ Н. Г. Пермикина, арендуемый нынѣ артелью крестьянъ Минусинскаго округа. 2) *Съ правой стороны*: Большой Лугъ; Чебашъ; Малый Арбатъ, близъ котораго стоитъ деревня Арбатская, бывшая прежде казачьимъ форпостомъ; Большой Арбатъ.

Трактъ изъ г. Минусинска до села Таштыпскаго идетъ русскими деревнями: сначала по правому берегу Енисея до деревни Означенной, у которой переправа черезъ Енисей на паромѣ, потомъ между Енисеемъ и Абаканомъ до Арбатской деревни и оттуда до Таштыпа.

Села, деревни и улусы, въ которыхъ живутъ инородцы Аскысской степной думы, находящейся въ 118 верстахъ отъ окружнаго города Минусинска, на лѣвомъ берегу Аскыса, впадающаго въ р. Абаканъ съ лѣвой стороны[1]).

1) *Село Аскысъ*, на р. Аскысѣ. Число дворовъ 40. Мужчинъ 121 и женщинъ 73. Отъ гор. Минусинска 118 верстъ. Лошадей 126, коровъ 76 и овецъ 194. Яроваго хлѣба посѣяно 8 десятинъ. Скотоводство (преобладающее занятіе).

2) *Село Усть-Есь*, на р. Еси. Число дворовъ 35. Мужчинъ 172 и женщинъ 124. Отъ села Аскыса 25 и г. Минусинска 143 версты. Лошадей 250, коровъ 270 и овецъ 815. Яроваго хлѣба 140 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

3) *Заимка Борохтаева*, на правомъ берегу Абакана. Число дворовъ 19. Мужчинъ 74 и женщинъ 54. Отъ Аскыса 4 и Минусинска 118 верстъ. Лошадей 267, коровъ 61 и овецъ 412. Яроваго хлѣба 34 десятины. Скотоводство и хлѣбопашество.

4) *Деревня Уты* (*Утинская*), на р. Утъ. Число дворовъ 40. Мужчинъ 109 и женщинъ 97. Отъ Аскыса 20 и Минусинска 110 верстъ. Лошадей 255, коровъ 173 и овецъ 911. Озимаго хлѣба 103½ десятины [2]).

5) *Деревня Большесейская*, на рч. Большой Сеѣ. Число дворовъ 11. Мужчинъ 189 и женщинъ 171. Отъ Аскыса 62 и Минусинска 180 в. Лошадей 184, коровъ 183 и овецъ 123. Озимаго хлѣба 3 и яроваго 122 десятины. Хлѣбопашество и звѣроловство.

6) *Деревня Малосейская*, на рѣчкѣ Малой-Сеѣ. Число дворовъ 6. Мужчинъ 77 и женщинъ 68. Отъ Аскыса 67, Минусинска 185 вер. Лошадей 66, коровъ 60 и овецъ 52. Яроваго хлѣба 30 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

7) *Деревня Сирская*, на рѣчкѣ Сиры. Число дворовъ 24. Мужчинъ 339 и женщинъ 269. Отъ Аскыса 62 Минусинска 182 в. Лошадей 376, коровъ 438 и овецъ 486. Озимаго хлѣба 66 и яроваго 70 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

---

[1]) По предложенію нынѣшняго письмоводителя Аскысской Степной Думы К. Г. Терскаго, я воспользовался 4 октября 1889 г. интересными статистическими данными Думы за 1888 годъ. Изъ этихъ данныхъ видно между прочимъ: 1) родъ преобладающихъ занятій каждаго изъ улусовъ; 2) названіе рѣчки, при которой находится тотъ или другой улусъ; 3) число дворовъ въ каждомъ улусѣ; 4) число жителей въ улусѣ (мужчинъ и женщинъ): 5) разстояніе отъ села Аскыса и гор. Минусинска; 6) количество скота, имѣющагося въ улусѣ; 7) количество десятинъ, засѣваемыхъ каждымъ улусомъ.

[2]) По «Списку населенныхъ мѣстъ Енисейской губ. Спб. 1864», составленному по свѣдѣніямъ 1859 года *Р. Маакомъ* видно, что тогда: 1) *Въ с. Аскысѣ* дворовъ было 40, т. е. число ихъ не увеличилось до сихъ поръ; мужчинъ 115 и женщинъ 106, т. е. число мужчинъ уменьшилось на 6, а женщинъ увеличилось на 33. 2) *Въ селѣ Усть-Еси*, тогда деревнѣ, было дворовъ 38, т. е. теперь на 3 меньше, мужчинъ 89 и женщинъ 86, т. е. число мужчинъ увеличилось теперь на 83, а женщинъ увеличилось на 38. 3) *Въ дер. Утинской* было дворовъ 31, т. е. теперь на 9 больше; мужчинъ 101 и женщинъ 107, т. е. число мужчинъ увеличилось на 8, а женщинъ уменьшилось на 10. Прироста населенія въ каждомъ улусѣ за послѣднія 30 лѣтъ (1859—1889) указать нельзя, такъ какъ со смертью старшаго въ улусѣ мѣнялось и самое названіе улуса.

8) *Деревня Усть-Щульская*, на рѣчкѣ Тёѣ. Число дворовъ 48. Мужчинъ 185 и женщинъ 171. Лошадей 200, коровъ 350 и овецъ 1000. Озимаго хлѣба 40 и яроваго 80 десятинъ.

9) *Улусъ Кендырлинскій*, рѣчка Кендырла. Дворовъ 56. Мужчинъ 249 и женщинъ 215. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 134, коровъ 106 и овецъ 585. Яроваго хлѣба 82 десятины. Хлѣбопашество.

10) *Улусъ Усть-Кендыринскій*, рѣчка Кендырла. Дворовъ 27. Мужчинъ 105 и женщинъ 73. Отъ Аскыса 12 и Минусинска 130 верстъ. Лошадей 110, коровъ 46 и овецъ 978. Яроваго хлѣба 52 десятины. Хлѣбопашество.

11) *Улусъ Усть-Табатскій*, рѣчка Табатъ. Дворовъ 16. Мужчинъ 76 и женщинъ 68. Отъ Аскыса 5 и Минусинска 123 версты. Лошадей 40, коровъ 33 и овецъ 653. Яроваго хлѣба 15 десятинъ. Хлѣбопашество.

12) *Улусъ Усть-Сосскій*, рѣка Абаканъ Дворовъ 74. Мужчинъ 313 и женщинъ 280. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 285, коровъ 375 и овецъ 1907. Яроваго хлѣба 224 десятины. Хлѣбопашество.

13) *Улусъ Больше-Арбатскій*, рѣчка Большой Арбатъ. Дворовъ 32. Мужчинъ 182 и женщинъ 150. Отъ Аскыса 60 и Минусинска 178 верстъ. Лошадей 115, коровъ 124 и овецъ 179. Озимаго хлѣба посѣяно 9 и яроваго 38 десятинъ. Хлѣбопашество.

14) *Улусъ Больше Лугскій*, рѣка Абаканъ. Дворовъ 21. Мужчинъ 86 и женщинъ 80. Отъ Аскыса 75 и Минусинска 193 версты. Лошадей 89, коровъ 49 и овецъ 6. Озимаго хлѣба посѣяна 17 и яроваго 18 десятинъ. Хлѣбопашество.

15) *Улусъ Маторскій*, рѣчка Мáторъ (Матуръ). Дворовъ 6. Мужчинъ 74 и женщинъ 58. Отъ Аскыса 116 и Минусинка 234 версты. Лошадей 64, коровъ 54. Яроваго хлѣба посѣяно 15 десятинъ. Звѣроловство.

16) *Улусъ Бутрахтинскій*, рѣчка Бутрахты. Дворовъ 11. Мужчинъ 136 и женщинъ 132. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 105, коровъ 74 и овецъ 254. Яроваго хлѣба посѣяно 78 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

17) *Улусъ Чуланскій*, рѣчка Чуланъ (Чыланъ). Дворовъ 16. Мужчинъ 210 и женщинъ 181. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 95, коровъ 86 и овецъ 347. Яроваго хлѣба посѣяно 83 десятины. Хлѣбопашество и звѣроловство.

18) *Улусъ Усть-Таштыпскій*, рѣка Таштыпъ. Дворовъ 6. Мужчинъ 57 и женщинъ 63. Отъ Аскыса 33 и Минусинска 151 верста. Лошадей 39, коровъ 40 и овецъ 126. Яроваго хлѣба посѣяно 25 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

19) *Улусъ Толорсыковъ*, рѣчка Таштыпъ. Дворовъ 13. Мужчинъ 35 и женщинъ 36. Отъ Аскыса 40 и Минусинска 160 верстъ. Лошадей 60, коровъ 63 и овецъ 210. Яроваго хлѣба посѣяно 47 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

20) *Улусъ Точаковъ*, рѣчка Таштыпъ. Дворовъ 15. Мужчинъ 61 и женщинъ 52. Отъ Аскыса 32 и Минусинска 152 версты. Лошадей 81, коровъ 104 и овецъ 261. Озимаго хлѣба посѣяно 2 и яроваго 51 десятина. Хлѣбопашество и звѣроловство.

21) *Улусъ Саксевъ*, рѣчка Тёя. Дворовъ 18. Мужчинъ 20 и женщинъ 15. Отъ Аскыса 45 и Минусинска 163 версты. Лошадей 130, коровъ 150 и овецъ 350. Озимаго хлѣба 10 и яроваго 90 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

22) *Улусъ Илеморовъ*, рѣчка Тёя. Дворовъ 20. Мужчинъ 96 и женщинъ 78. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 280, коровъ 300 и овецъ 400. Озимаго хлѣба 12 и яроваго 70 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

23) *Улусъ Кичеинскій*, рѣчка Тёя. Дворовъ 25. Мужчинъ 110 и женщинъ 90. Отъ Аскыса 65 и Минусинска 183 версты· Лошадей 140; коровъ 160 и овецъ 500. Озимаго хлѣба 25 и яроваго 120 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

24) *Улусъ Кызылъ-Кая*, рѣчка Большая-Есь. Дворовъ 22. Мужчинъ 62 и женщинъ 48. Отъ Аскыса 60 и Минусинска 178 верстъ. Лошадей 60, коровъ 85 и овецъ 100. Яроваго хлѣба 25 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

25) *Улусъ Кызылъ́асовскій*, рѣчка Малая Есь. Дворовъ 28, Мужчинъ 162 и жен-

щинъ 140. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 185, коровъ 250 и овецъ 690. Яроваго хлѣба посѣяно 25 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

26) *Улусъ Петрухинъ*, рч. Большая Есь. Дворовъ 18. Мужчинъ 64 и женщинъ 57. Отъ Аскыса 33 и Минусинска 151 вер. Лошадей 120, коровъ 140 и овецъ 230. Яроваго хлѣба посѣяно 40 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

27) *Улусъ Каркинскій*, рѣчка Большая-Есь. Дворовъ 21. Мужчинъ 74 и женщинъ 70. Отъ Аскыса 35 и Минусинска 153 версты. Лошадей 290, коровъ 355 и овецъ 860. Яроваго хлѣба 45 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

28) *Улусъ Софроновъ*, рѣчка Большая-Есь. Дворовъ 18. Мужчинъ 92 и женщинъ 83. Отъ Аскыса 40 и Минусинска 158 верстъ. Лошадей 170, коровъ 200 и овецъ 570. Яроваго хлѣба 35 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

29) *Улусъ Быргановъ*, рѣка Абаканъ. Дворовъ 14. Мужчинъ 35 и женщинъ 27. Отъ Аскыса 20 и Минусинска 138 верстъ. Лошадей 52, коровъ 92 и овецъ 395. Яроваго хлѣба посѣяно 9 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

30) *Улусъ Карабилековъ*, рѣка Абаканъ. Дворовъ 8. Мужчинъ 20 и женщинъ 17. Отъ Аскыса 22 и Минусинска 140 верстъ. Лошадей 176, коровъ 70 и овецъ 574. Озимаго хлѣба 1 и яроваго 6 десятинъ. Хлѣбопашество и звѣроловство.

31) *Улусъ Прокопьевъ*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 16. Мужчинъ 60 и женщинъ 58. Отъ Аскыса 8 и Минусинска 126 верстъ. Лошадей 231, коровъ 250 и овецъ 1121. Яроваго хлѣба посѣяно 1 десятина. Скотоводство.

32) *Улусъ Иресовъ*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 17. Мужчинъ 42 и женщинъ 42. Отъ Аскыса 30 и Минусинска 148 верстъ. Лошадей 352, коровъ 334 и овецъ 1542. Яроваго хлѣба посѣяно 11 десятинъ. Скотоводство.

33) *Улусъ Байскій*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 30. Мужчинъ 167 и женщинъ 130. Отъ Аскыса 45 и Минусинска 163 версты. Лошадей 203, коровъ 232 и овецъ 349. Озимаго хлѣба 5 и яроваго 2 десятины. Скотоводство.

34) *Улусъ Ондороевскій*, рѣчка Аскысъ. Дворовъ 22. Мужчинъ 70 и женщинъ 64. Отъ Аскыса 35 и Минусинска 153 версты. Лошадей 332, коровъ 288 и овецъ 1132. Озимаго хлѣба 8 и яроваго 24 десятины. Скотоводство.

35) *Улусъ Базинскій*, рѣчка Бея. Дворовъ 15. Мужчинъ 38 и женщинъ 38. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 149, коровъ 265 и овецъ 775. Скотоводство.

36) *Улусъ Межековъ*, рѣчка Камышта. Дворовъ 5. Мужчинъ 29 и женщинъ 25. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ (черезъ Аскысъ). Лошадей 259, коровъ 225 и овецъ 2102. Скотоводство.

37) *Улусъ Синявинскій*, рѣчка Нння. Дворовъ 14. Мужчинъ 83 и женщинъ 72. Отъ Аскыса 65 и Минусинска 183 (черезъ Аскысъ). Лошадей 485, коровъ 507 и овецъ 1864. Скотоводство.

38) *Улусъ Уленьскій* (*Öгень*), рѣчка Улень. Дворовъ 10. Мужчинъ 42 и женщинъ 42 Отъ Аскыса 160 и Минусинска 78 верстъ. Лошадей 300, коровъ 203 и овецъ 341. Скотоводство.

39) *Улусъ Лѣтникъ*, рѣка Енисей. Дворовъ 8. Мужчинъ 34 и женщинъ 27. Отъ Аскыса 62 и Минусинска 99 верстъ. Лошадей 33, коровъ 53 и овецъ 33. Яроваго хлѣба 4 десятины. Скотоводство.

40) *Улусъ Чугунековъ*, рѣка Енисей. Дворовъ 3. Мужчинъ 11 и женщинъ 12. Отъ Аскыса 95 и Минусинска 55 верстъ. Лошадей 64, коровъ 15 и овецъ 54. Яроваго хлѣба 7 десятинъ. Скотоводство.

41) *Заимка Сидорова*, рѣка Енисей. Дворовъ 2. Мужчинъ 12 и женщинъ 15. Отъ Аскыса 95 и Минусинска 71 верста. Лошадей 10, коровъ 10 и овецъ 50. Яроваго хлѣба 3 десятины. Скотоводство.

42) *Улусъ Сверхборскій*, рѣка Енисей. Дворовъ 6. Мужчинъ 18 и женщинъ 16.

Отъ Аскыса 67 и Минусинска 92 версты. Лошадей 12, коровъ 32 и овецъ 32, Яроваго хлѣба 11 десятинъ. Скотоводство.

43) *Улусъ Подсининскій*, рѣка Енисей (на дорогѣ изъ села Усть-Абаканскаго въ городъ Минусинскъ). Дворовъ 6. Мужчинъ 33 и женщинъ 24. Отъ Аскыса 108 и Минусинска 10 верстъ. Лошадей 28, коровъ 21 и овецъ 52. Яроваго хлѣба 16 десятинъ. Скотоводство.

Кромѣ этихъ крупныхъ улусовъ (áль), инородцы, подвѣдомственные Аскысской Степной думѣ, живутъ разбросанно небольшими *стойбищами* по слѣдующимъ рѣкамъ и рѣчкамъ:

1) *Рѣка Абаканъ*, Дворовъ 109. Мужчинъ 937, и женщинъ 756. Лошадей 3011, коровъ 364 и овецъ 16,432. Озимаго хлѣба 5 и яроваго 192 десятины. Скотоводство.

2) *Рѣчка Анжулъ*. Мужчинъ 142 и женщинъ 120. Отъ Аскыса 90 и Минусинска 208 верстъ. Лошадей 172 и коровъ 156. Озимаго хлѣба 5 и яроваго 54 десятины. Звѣроловство.

3) *Рѣчка Сея*. Мужчинъ 61 и женщинъ 50. Отъ Аскыса 65 и Минусинска 183 версты. Лошадей 21, коровъ 21 и овецъ 5. Яроваго хлѣба посѣяно 12 десятинъ. Хлѣбопашество и скотоводство.

4) *Рѣчка Таштыпъ*. Мужчинъ 292 и женщинъ 285. Отъ Аскыса 44 и Минусинска 162 версты. Лошадей 310, коровъ 442 и овецъ 1227. Озимаго хлѣба посѣяно 6 и яроваго 227 десятинъ. Хлѣбопашество и скотоводство.

5) *Рѣчка Монокъ*. Мужчинъ 383 и женщинъ 362. Отъ Аскыса 42 и Минусинска 160 верстъ. Лошадей 421, коровъ 480 и овецъ 1697. Озимаго хлѣба 15 и яроваго 304 десятины. Скотоводство и хлѣбопашество.

6) *Рѣчка Сосъ*. Мужчинъ 77 и женщинъ 75. Отъ Аскыса 38 и Минусинска 156 верстъ. Лошадей 110, коровъ 72 и овецъ 281. Яроваго хлѣба 71 десятина. Скотоводство и хлѣбопашество.

7) *Рѣчка Тёя*. Мужчинъ 604 и женщинъ 597. Отъ Аскыса 38 и Минусинска 156 верстъ. Лошадей 900, коровъ 905 и овецъ 6778. Яроваго хлѣба посѣяно 200 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

8) *Рѣчка Аскысъ*. Мужчинъ 335 и женщинъ 321. Отъ Аскыса 22 и Минусинска 140 верстъ. Лошадей 682, коровъ 861 и овецъ 3087. Озимаго хлѣба 11 и яроваго 18 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

9) *Рѣчка Базá*. Мужчинъ 272 и женщинъ 281. Отъ Аскыса 20 и Минусинска 138 верстъ. Лошадей 541, коровъ 775 и овецъ 3629. Озимаго хлѣба 3 и яроваго 7 десятинъ. Скотоводство и хлѣбопашество.

10) *Рѣчка Сыръ*. Мужчинъ 54 и женщинъ 57. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 143 версты. Лошадей 56, коровъ 150 и овецъ 1001. Скотоводство.

11) *Рѣчка Немиръ*. Мужчинъ 83 и женщинъ 87. Отъ Аскыса 70 и Минусинска 188 верстъ. Лошадей 272, коровъ 337 и овецъ 460. Скотоводство.

12) *Рѣчка Узунжулъ*. Мужчинъ 33 и женщинъ 25. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ. Лошадей 748, коровъ 1011 и овецъ 2555. Золотопромышленность.

13) *Рѣчка Тостыгъ-Чулъ*. Мужчинъ 43 и женщинъ 48. Отъ Аскыса 55 и Минусинска 173 версты. Лошадей 229, коровъ 390 и овецъ 899. Скотоводство.

14) *Рѣчка Камышта*. Мужчинъ 156 и женщинъ 129. Отъ Аскыса 50 и Минусинска 168 верстъ (черезъ Аскысъ). Лошадей 82, коровъ 240 и овецъ 680. Скотоводство.

15) *Рѣчка Ниня*. Мужчинъ 124 и женщинъ 116. Отъ Аскыса 58 и Минусинска 106 верстъ. Лошадей 656, коровъ 642 и овецъ 2495. Скотоводство.

16) *Рѣчка Бея*, притокъ Нини. Мужчинъ 158 и женщинъ 144. Отъ Аскыса 75 и Минусинска 106 верстъ. Лошадей 820, коровъ 920 и овецъ 2861. Скотоводство.

17) *Рѣчка Уйатъ*. Мужчинъ 189 и женщинъ 198. Отъ Аскыса 85 и Минусинска 116 верстъ. Лошадей 713, коровъ 1038 и овецъ 2289. Скотоводство.

18) *Рѣчка Бея*, притокъ Абакана. Мужчинъ 49 и женщинъ 42. Отъ Аскыса 25 и Минусинска 118 верстъ. Лошадей 97, коровъ 75 и овецъ 339. Скотоводство.

Примѣчаніе, Число дворовъ въ этихъ стойбищахъ (2—18) не извѣстно. Всего будетъ примѣрно 17×5=85 дворовъ. Инородцы аскысской думы, кромѣ вышеупомянутыхъ *селеній*, *деревень*, *улусовъ и стойбищъ*, проживаютъ частью по своимъ дѣламъ, частью въ работникахъ у русскихъ, также по всему Минусинскому округу, въ чемъ я убѣдился, проѣхавъ 10—13 сентября 1889 г. *по деревнямъ и селамъ Минусинскаго округа*.

1) *Городъ Минусинскъ*. Мужчинъ 16 и женщинъ 12.
2) *Бейская волость*. Мужчинъ 598 и женщинъ 472.
3) *Шушенская волость*. Мужчинъ 222 и женщинъ 176.
4) *Ермаковская волость*. Мужчинъ 6 и женщинъ 6.
5) *Сагайская волость*. Мужчинъ 7 и женщинъ 5.
6) *Курагинская волость*. Мужчинъ 8 и женщинъ 9.
7) *Новоселовская волость*. Мужчинъ 7 и женщинъ 3.
8) *Абаканская волость*. Мужчинъ 91 и женщинъ 73.
9) *Идринская волость*. Мужчинъ 26 и женщинъ 17.
10) *Тесинская волость*. Мужчинъ 23 и женщинъ 18.
11) *Заводы и золотые промыслы*. Мужчинъ 314 и женщинъ 28.

Всего въ Минусинскѣ и по волостямъ Минусинскаго округа живетъ инородцевъ Аскысской степной думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ: мужчинъ 1.318 и женщинъ 819. *Всѣхъ инородцевъ*, подвѣдомственныхъ Аскысской степной думѣ, считалось включительно по 1 января 1889 года: мужскаго пола 9.534 и женскаго 8.117. *Лошадей* у нихъ имѣлось 16.853, *коровъ* 16.952 и *овецъ* 70.360. *Хлѣба* было засѣяно: озимаго 346½ и яроваго 2.841 десятина. Всѣхъ *дворовъ* имѣлось 862. *Земледѣліемъ* занимаются преимущественно инородцы, живущіе въ деревняхъ и близь деревень русскихъ. *Скотоводствомъ* занимаются преимущественно инородцы, обитающіе по степямъ. *Звѣроловствомъ* занимаются инородцы, живущіе по верховьямъ рѣчекъ и рѣкъ, близь границы Томской губерніи и Китайской Имперіи. Въ работники *по русскимъ деревнямъ, селамъ и пріискамъ* нанимаются инородцы, не имѣющіе никакого хозяйства [1]).

Въ 1859 году (*Р. Маакъ*, Енис. губ. Стр. XXX) Аскысской думѣ было подвѣдомственно всѣхъ инородцевъ 11.721, составлявшихъ 11 родовъ. Въ 1863 году (*В. Радловъ*. «Этнографич. Обзоръ» Т. II. Стран. 4), послѣ присоединенія къ Аскысской думѣ Койбаловъ, составлявшихъ до этого времени отдѣльную Койбальскую степную думу (въ дер. Утинской), было инородцевъ 10.456, мужчинъ 7.441 и женщинъ 3.012. Въ этомъ числѣ *Койдаловъ* 840: мужчинъ 578 и женщинъ 262.

Въ 1888 году, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, всѣхъ инородцевъ было 17.651: мужчинъ 9.534 и женщинъ 8.117. Слѣдовательно, *приростъ населенія* за послѣднія 25 лѣтъ (1863—1888), составлялъ 68,81%: мужскаго пола 28,07% и женскаго пола 59%.

О скотоводствѣ у инородцевъ Аскысской степной думы имѣются за послѣднее пятилѣтіе (1884—1888) слѣдующія свѣдѣнія:

1884 годъ	лошадей	10.909,	коровъ	6.825	и	овецъ	22.670.
1885 »	»	11.040,	»	4.187		»	22.812.
1886 »	»	11.092,	»	3.556		»	22.916.
1887 »	»	16.853,	»	16.852		»	70.567.
1888 »	»	14.364,	»	14.105		»	38.635.

---

[1]) В. В. *Радловъ* въ своей статьѣ „Этнографическій обзоръ Тюркскихъ племенъ Ю. Сибири и Дзунгаріи, переводъ Д. А. Клеменца. Томскъ. 1887“ говоритъ; „*Сагайцы* занимаются больше земледѣліемъ, держатъ мало скота и живутъ очень бѣдно“ (стр. 3). Здѣсь подъ „Сагайцами“ надо разумѣть не однихъ только Сагайцевъ, но и всѣхъ прочихъ инородцевъ, подвѣдомственныхъ Аскысской Степной Думѣ. Мнѣніе г. Радлова только въ такомъ случаѣ будетъ до нѣкоторой степени справедливо. *Земледѣліемъ* занимаются теперь почти въ каждомъ улусѣ, но общее число земледѣльцевъ все таки гораздо меньше, нежели скотоводовъ.

Пунктовъ большаго потребленія мѣстнаго и пригоннаго скота въ вѣдѣніи думы нѣтъ. Мѣстный скотъ сбывается преимущественно въ г. Минусинскъ и на золотые промысла Абаканской системы (Томской губерніи).

Въ предѣлахъ думы существуетъ *скотопригонный трактъ*, по которому ежегодно прогоняются гурты рогатаго скота изъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ Томской губ. въ Красноярскій и Канскій округа. Гурты эти вступаютъ въ предѣлы думы на границѣ Томской губерніи, въ верховьяхъ рѣчки Тёи и слѣдуютъ по разнымъ дорогамъ въ предѣлы Абаканской инородной управы, находящейся въ селѣ Усть-Абаканскомъ (Минусинскаго округа).

Средняя стоимость мѣстнаго скота молочнаго и убойнаго 18 рублей и овецъ 3 руб. за штуку. *Мѣстные животные продукты:* мясо, кожи, сало, овчины и пр. сбываются жителями исключительно въ г. Минусинскѣ. *Заводовъ и кустарной обработки животныхъ продуктовъ* не имѣется.

Чума на рогатомъ скотѣ существовала въ вѣдомствѣ сей думы въ 1871, 1885, 1886 и 1887 годахъ и истребила скота: 1871 г.—4.790 головъ; 1885 г.—2.784 гол.; 1886 г.—867 головъ; 1887—73 головы. Случаевъ появленія сибирской язвы не было. Чума на рогатомъ скотѣ появилась въ 1885 году. Она появилась сначала въ Бейской волости и Абаканской инородной управѣ, затѣмъ въ томъ же году появилась въ сей Думѣ.

Проселочный трактъ черезъ село Аскысъ слѣдующій: село Бейское—25 верстъ; село Аскысъ—25 верстъ; село Усть-Есь—35 верстъ; село Таштыпъ [1]).

О звѣроловствѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія за послѣднее трехлѣтіе (1886—1888):

1) *Бѣлечьи шкурки* 1886 годъ: 16, 15 и 14 коп.; 1887 г. 15, 12 и 11 коп 1888 г.: 15, 12 и 11 коп.

2) *Волчьи шкуры.* 1886 годъ: 2 руб., 1 руб. 50 коп., и 1 рубль. 1887 г.: 2 р. 1 р. 50 к. и 1 р. 1888 г.: 2 р. 1 р. 50 и 1 р.

3) *Выдровыя шкуры.* 1886 годъ: 11 руб., 7 руб. и 5 руб. 50 коп. 1887 г.: 10 р. 6 р., 5 р. 1888 г. 12 р. 8 р. 50 к. и 7 р.

4) *Горностаевыя шкурки.* 1886 годъ: 28 коп., 20 коп. и 16 коп. 1887 годъ 30 коп., 24 коп. и 20 коп. 1888 годъ: 30 коп., 24 коп. и 20 коп.

5) *Заячьи шкуры.* 1886 годъ. 5, 3 и 2 коп. 1887 годъ: 5, 3 и 2 коп. 1888 годъ: 5, 3 и 2 коп.

6) *Козлиныя шкуры.* 1886 годъ: 1 руб., 60 коп. и 30 коп. 1887 годъ: 85, 40 и 25 коп. 1888 годъ: 90, 45 и 27 коп.

7) *Колонковыя шкуры.* 1886 годъ: 1 руб., 60 коп. и 40 коп. 1887 годъ: 90, 55 и 35 коп. 1888 1 руб., 60 коп. и 45 коп.

8) *Лисицы красныя.* 1886—1888 года: 3 руб. 2 руб. 1 руб. 50 коп.

9) *Лисицы чернобурыя.* Не добывается.

10) *Медвѣди.* 1886 годъ: 5 и 3 руб. 1887 годъ: 9 руб. 50 к., 4 руб. 50 к. и 2 р. 50 коп. 1888 годъ: 9, 5 и 3 руб.

11) *Рыси.* 1886 годъ: 10, 8 и 5 руб. 1887 годъ: 9 руб. 8 руб. 50 к. и 5 руб. 1888 годъ: 9 р. 50 к., 8 руб. 25 к. и 5 рублей.

12) *Соболи 2 сорта* съ лапками и хвостомъ. 1886 годъ: 10, 5 и 3 руб. 1887 годъ: 8 р., 4 р. и 2 р. 50 к., 1888 годъ: 10 р. 50 к., 5 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

13) *Сохатые.* 1886—1888 года: 3 р., 2 р. и 1 р. 50 к.

14) *Струи* (подрѣзанный пупъ табарги, идущій въ аптеку на лѣкарства). 1886—1888 года: 3 р., 2 р. 50 к. и 2 руб.

15) *Сыны* (Маралы). 1886—1888 года: 2 р., 1 р. 50 к. и 1 рубль.

16) *Табарги.* 1886—1888 года: 20, 15 и 10 к.

17) *Хорьки.* 1886—1888 года: 8, 7 и 5 копѣекъ.

---

[1]) Инородцы всѣхъ родовъ живутъ смѣшанно, такъ что показать ихъ улусы отдѣльно по родамъ почти невозможно.

Въ числѣ прочихъ занятій въ послѣднее время стало практиковаться между инородцами *пчеловодство,* принесенное русскими. О состояніи пчеловодства по степной думѣ за 1888 годъ извѣстно слѣдующее:

1) Разводителей было 4, ульевъ 230.

2) Добыто: меду 54 пуда 20 фунтовъ, воску 13 пудовъ 5 фунтовъ, всего на сумму 439 руб. 87 коп.

Лошадей въ началѣ 1888 года у инородцевъ Аскысской Степной Думы имѣлось всего 16.344, изъ которыхъ 520 конныхъ жеребцовъ, а 15.824 матокъ, мериновъ (коней) и жеребятъ. Все это количество лошадей составляло 520 табуновъ. Противъ 1887 года число лошадей уменьшилось на 2.489 штукъ вслѣдствіе падежа, случившагося отъ безкормицы, а въ текущемъ 1889 году прибавилось приплода 1.980 штукъ.

О пространствѣ земли, занимаемой инородцами Степной Думы, извѣстно слѣдующее: 1) Земли удобной для земледѣлія 4.322 десятины. 2) Земли, занятой садами и огородами, 250 десятинъ. 3) Земли пахатной 4.106 десятинъ. 4) Земли, занятой лугами, сѣнокосами, 8.920 десятинъ. 5) Земли удобной для земледѣлія, но не вполнѣ, 434.080 десятинъ. 6) Земли занятой лѣсами 521.467 десятинъ. Слѣдовательно, всей земли удобной 451.678 десятинъ и неудобной 957.175 десятинъ. *Хлѣба* было посѣяно: озимой ржи 1.007, яровой пшеницы 570, яровой ржи (ярицы) 837, овса 609, ячменя 949 и остальныхъ хлѣбовъ 134 десятины; всего же земли, засѣянной хлѣбомъ, 4106 десятинъ. Земля, занимаемая инородцами, ни на какіе участки не раздѣлена. *Цѣны на хлѣбъ* (среднія) къ 1 января 1889 года были слѣдующія: рожь и ярица 85 коп., пшеница 1 руб., ячмень 45 коп. и овесъ 45 коп. пудъ.

Домашнихъ животныхъ за 1888 годъ инородцами Степной Думы держалось всего 82.600 головъ, изъ которыхъ было 16.344 лошади, 16.250 коровъ, 47.000 овецъ, 300 свиней и 2.806 козъ или ямановъ (Монг.).

Рыбы къ 1 января 1889 года было наловлено 1.266 пуд. на 2.934 рубля. Вся эта рыба отправлялась главнымъ образомъ въ г. Минусинскъ и с. Бейское на базары. *Наловлено было*: тайменей 44 пуда по 6 рублей;=264 рубля; ленковъ 125 пуд. по 3 р.—375 р.; сиговъ 1 пудъ по 3 рубля=3 р.; харюзовъ 720 пудовъ по 2 рубля 50 копѣекъ = 1.800 рублей; щукъ 48 пудовъ по 2 рубля = 96 рублей; окуней 25 пудовъ по 2 рубля=50 рублей; сорогъ 10 пудовъ по 1 рублю=10 рублей; налимовъ 40 пуд. по 2 рубля=80 рублей; карасей 3 пуда по 2 рубля=6 рублей и ельцовъ 250 пудовъ по 1 рублю=250 рублей.

Звѣрей убито въ 1888 году всего на 4,450 рублей 30 копѣекъ, а именно: соболей 55 штукъ по 4 рубля=220 рублей; выдры 16 штукъ по 8 рублей=128 рублей; бѣлокъ 2.500 штукъ по 12 копѣекъ=300 рублей; медвѣдей 6 штукъ по 5 рублей=30 рублей; волковъ 12 штукъ по 2 рубля=24 руб.; лисицъ красныхъ 320 штукъ по 3 руб.=960 р.; зайцевъ 150 штукъ по 5 копѣекъ=7 рублей 50 копѣекъ; хорьковъ 140 штукъ по 15 коп =21 рубль; горностаевъ 145 штукъ по 20 коп.=30 рублей; сохатыхъ 16 штукъ по 4 рубля=64 рубля; козъ 1819 штукъ по 1 руб.=1.819 рублей; колонковъ 110 штукъ по 1 руб. 50 коп.=165 рублей; сыновъ (мараловъ) 120 штукъ по 3 рубля=360 рублей; табарги 217 штукъ по 15 коп.=31 рубль 80 копѣекъ и табаржиной струи 116 экземп. по 2 р. 50 к.=290 рублей.

Предметы *кустарной промышленности* распредѣлялись такимъ образомъ: войлоковъ кочёвныхъ 565 штукъ на 565 рублей; кожъ сырыхъ 1150 штукъ на 2.875 р.; овчинъ 1700 штукъ на 510 рублей и шерсти 500 пудовъ на 2.000 рублей; а всего на 5.950 рублей.

Ремеслами занимаются преимущественно тѣ инородцы, которые жили среди русскихъ болѣе или менѣе долгое время. Всѣхъ чернорабочихъ 3.000, а ремесленниковъ 61.

Ремесленники распредѣлялись такимъ образомъ: сапожниковъ и башмачниковъ 6, швей, каменьщиковъ 2, печниковъ 1, столяровъ 3, мѣдныхъ дѣлъ мастеровъ 1, слеарей 1, каменьщиковъ 2, печниковъ1 бондарей 1. стекольщиковъ 1, пиль-

щиковъ 12, плотниковъ 25, коноваловъ 1, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ 1, и живописцовъ 1.

О родившихся и умершихъ извѣстно слѣдующее:

I. *Родилось 610*: мужскаго пола 299 и женскаго 311.

Въ этомъ числѣ было законнорожденыхъ 51 (муж. 26 и женск. 25) и незаконнорожденныхъ 559 (муж. 273 и женск. 286).

II. *Умерло* 206: мужскаго пола 109 и женскаго 97.

Въ сравнении съ предыдущимъ годомъ прибыло теперь (1888), 404 человѣка, браковъ законныхъ было 8.

Незаконнымъ бракомъ считается здѣсь бракъ, освященный народнымъ обычаемъ. Обрядъ этого брака состоитъ въ томъ, что ближайшая родственница жениха (тетка) накрываетъ задними полами шубы невѣсту и обходитъ съ нею 3 раза юрту женихову, дѣлая обходъ: востокъ—югъ—западъ—сѣверъ.

Въ сравненіи съ 1887 годомъ нынѣ прибыло населенія 2,34%.

О денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ по степной думѣ за 1888 годъ извѣстно слѣдующее:

1) За свозъ почты до г. Минусинска отпускается ежегодно 225 рублей. 2) На уплату перевозчику на Абаканѣ 140 р. 3) На содержаніе обывательскихъ лошадей 2.054 р. 80 к. 4) На отопленіе думской тюрьмы 30 руб. 5) Жалованья письмоводителю 600 руб. и его помощнику 300 руб. 6) На канцелярскіе припасы 74 руб. 7) На освѣщеніе Думы 64 руб. 8) На отопленіе Думы 120 руб. 9) На выписку книгъ и газетъ 36 руб. 50 коп. 10) На заведеніе пожарной бочки 23 рубля. Деньги на заведеніе пожарной бочки собираются съ инородцевъ аккуратно каждый годъ, но бочка до сихъ поръ еще не заведена. 11) На наемъ 2 земскихъ квартиръ 200 руб. Одна земская квартира содержится въ с. Аскысѣ, а другая въ с. Усть-Еси. 12) На содержаніе аскысскаго двукласснаго училища 1.124 руб. 13) Жалованья улуснымъ писарямъ 1.200 руб. Вслѣдствіе жалобы инородцевъ на излишніе поборы со стороны писарей, эти должности оффиціально упразднены по распоряженію г. иркутскаго генералъ-губернатора, но деньги на нихъ еще собираются de facto. 14) Жалованья десятникамъ и сторожамъ 180 р. 15) Переводчику татарскаго языка 40 руб. Эта должность и въ настоящее время существуетъ de jure, а de facto не существуетъ. 16) Трапезнику (понамарю) и караульнымъ при двухъ хлѣбныхъ магазинахъ въ д. Утинской и с. Усть-Есинскомъ 300 руб. 17) На отопленіе церквей 100 руб. 18) На жалованье церковно-служителей въ замѣнъ руги 338 р. 15 к.

Всего на содержаніе Степной Думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ собирается съ инородцевъ ея ежегодно 7.149 р. 45 к.

Нѣкоторые изъ вышеперечисленныхъ расходовъ составляли прежде несомнѣнную доходную статью гг. письмоводителей и ихъ помощниковъ, въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовавшихся не столько интересами государства и общества, сколько своими личными.

Относительно *смертности* въ вѣдомствѣ всей Степной Думы за 1888 годъ извѣстно, что наибольшая смертность приходилась на дѣтскій и старческій возрасты; на дѣтскій потому, что отсутствовала медицинская помощь. Смертность по *возрастамъ* распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: до 1 мѣс: умерло въ годъ

до 1 мѣс.	мужск. пола	2	и женск. пола	2	въ годъ	мужск. пола		женск. пола.	
1— 3	»	3	»	2	8— 9	»	—	»	1
3— 6	»	3	»	6	12—13	»	2	»	—
1 года	»	22	»	22	14—15	»	1	»	2
1— 2	»	15	»	8	16—17	»	1	»	1
2— 3	»	3	»	3	17—18	»	1	»	—
3— 4	»	4	»	5	18—19	»	1	»	—
4— 5	»	9	»	2	20—21	»	—	»	4
5— 6	»	2	»	5	22—23	»	1	»	—
6— 7	»	2	»	4	24—25	»	1	»	3
7— 8	»	—	»	1	25—26	»	1	»	1

26—27	мужск. пола	—	и женск. пола	2	въ годъ	мужск. пола		женск. пола.	
27—28	»	—	»	1	42—43	»	—	»	2
28—29	»	1	»	—	44—45	»	—	»	3
29—30	»	2	»	1	48—49	»	1	»	—
30—31	»	1	»	—	49—50	»	2	»	3
31—32	»	1	»	1	54—55	»	1	»	—
32—33	»	1	»	1	56—57	»	1	»	—
33—34	»	1	»	—	59—60	»	3	»	1
34—35	»	2	»	1	64—65	»	2	»	1
35—36	»	—	»	2	69—70	»	7	»	2
36—37	»	2	»	1	74—75	»	1	»	—
39—40	»	2	»	2	75—76	»	1	»	—
40—41	»	1	»	—	76—77	»	—	»	1
41—42	»	1	»	—	77—78	»	1	»	—

Всего умерло 206 человѣкъ: мужскаго пола 109 и женскаго 97. Наибольшая смертность была отъ горячки, лихорадки и кроваваго поноса и приходилась преимущественно на весенніе три мѣсяца. Смертность по мѣсяцамъ распредѣлялась такимъ образомъ: январь—мужск. п. 1 и женск. п. 1; февраль—мужск. п. 1 и женск. п. 1; мартъ—мужск. п. 9 и женск. п. 5; апрѣль—мужск. п. 2 и женск. п. 9; май—мужск. п. 68 и женск. п. 46: іюнь—мужск. п. 3 и женск. п. 7; іюль—мужск. п. 2 и женск. п. 4; августъ—мужск. п. 12 и женск. п. 12; сентябрь—мужск. п. 4 и женск. п. 1; октябрь—мужск. п. 2 и женск. п 1; ноябрь—мужск. п. 2 и женск. п. 3; декабрь—мужск. п. 3 и женск. п. 7. Всего мужск. п. 109 и женск. п. 97. По приходамъ смертность распредѣлялась такимъ образомъ: 1) въ приходѣ *Аскысской* Петропавловской миссіонерской *церкви* 122 (мужск. п. 71 и женск. п. 51); 2) въ 1 приходѣ *Усть-Есинской* Евдокіевской миссіонерской *церкви* 84 (мужск. п. 38 и женск. 46).

О распространеніи христіанства между инородцами извѣстно слѣдующее. Наибольшее количество принявшихъ *св. крещеніе* по православнымъ обрядамъ пришлось на 1876 годъ (около 3.000 человѣкъ).

Тогда окрестились преимущественно *взрослые*. Случалась, что нѣкоторые приняли тогда святое крещеніе вторично и имѣли поэтому даже по 3 имени (одно татарское и два русскихъ). Число взрослыхъ, принимающихъ святое крещеніе, становится теперь меньше и меньше. Взрослые принимаютъ крещеніе только тѣ, которые живутъ въ лѣсахъ и горахъ, смежныхъ съ Томской губерніей, т. е. вдали отъ церкви.

Количество, принявшихъ *св. крещеніе*, распредѣляется такимъ обризомъ:

I. У священника Аскысской церкви:

1882 годъ: взрослыхъ 12 (мужск. п. 8 и женск. п. 4); дѣтей 237 (мужск. п. 121 и женск. п. 152).

1883 годъ: взрослыхъ 10 (мужск. п. 5 и женск. п. 5); дѣтей 299 (мужск. п. 153 и женск. п. 146).

1884 годъ: взрослыхъ 8 (мужск. п. 3 и женск. п. 5); дѣтей 294 (мужск. п. 149 и женск. п. 145)

1885 годъ: взрослыхъ 7 (мужск. п. 4 и женск. п. 3); дѣтей 239 (мужск. п. 119 и женск. п. 120).

1886 годъ: взрослыхъ 15 (мужск. п. 8 и женск. п. 7); дѣтей 299 (мужск. п. 141 и женск. п. 158).

1887 годъ (по 29 мая): дѣтей 313 (мужск. п. 156 и женск. п. 157).

Взрослыхъ, принявшихъ крещеніе, 52 (мужск. п. 28 и женск. п. 24) и *дѣтей* 1.717 (мужск. 839 и женск. п. 878); всѣхъ-же 1.769 человѣкъ.

II. У священника Усть-Есинской церкви:

1882 годъ: взрослыхъ 19 (мужск. 8 и женск. п. 11) дѣтей 346 (мужск. п. 154 и женск. п. 192).

1883 годъ: взрослыхъ 19 (мужск. п. 10 и женск. п. 9); дѣтей 271 (мужск. п. 128 и женск. п. 143).

1884 годъ: взрослыхъ 4 (мужск. п. 1 и женск. п. 3); дѣтей 400 (мужск. п. 198 и женск. п. 202).

1885 годъ: взрослыхъ 3 (мужск. п. 1 и женск. п. 2); дѣтей 330 (мужск. п. 180 и женск. п. 150).

1886 годъ: взрослыхъ 5 (мужск. п. 2 и женск. п. 3); дѣтей 493 (мужск. п. 269 и женск. п. 224).

1887 годъ: (по 29 мая): взрослыхъ 6 (мужск. п. 3 и женск. п. 3); дѣтей 273 (мужск. п. 135 и женск. п. 138).

Взрослыхъ, принявшихъ крещеніе, 56 (мужск. п. 25 и женск. п. 31) и *дѣтей*. 2.113 (мужск. п. 1.064 и женск. п. 1.049) всѣхъ же 2.169 человѣкъ.

Кромѣ разъѣздовъ съ крестомъ и требами, миссіонеры не принимаютъ на себя никакихъ другихъ подвиговъ въ распространеніи христіанства, напр. въ родѣ перевода богослужебныхъ книгъ. Это зависитъ оттого, что ни тотъ ни другой миссіонеръ не подготовлены научно къ переводамъ богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки. Пытались ввести здѣсь въ употребленіе переводы алтайской миссіи, но безуспѣшно, такъ какъ языки алтайскій и сагайскій значительно разнятся другъ отъ друга, да и читатели этихъ переводовъ не знакомы основательно съ транскрипціею Н. И. Ильминскаго Впрочемъ, насколько возможно, оба миссіонера прилагаютъ свои усилія и старанія къ искорененію «языческихъ обычаевъ» (шаманства) путемъ отбиранія у шамановъ ихъ костюмовъ и бубновъ. Въ Аскысѣ священникомъ состоитъ нынѣ В. Е. Суховскій, уже полтора десятка лѣтъ подвизающійся на поприщѣ миссіонерской дѣятельности, а въ Усть-Еси сагаецъ Н. Ѳ. Катановъ, состоящій миссіонеромъ пятый годъ. Первый изъ нихъ русскій, съ татарскимъ языкомъ мало знакомый и бесѣдующій съ инородцами черезъ переводчиковъ; а второй инородецъ сагайскаго 2 пол. рода, окончившій курсъ въ красноярской учительской семинаріи и переведшій нѣсколько эктеній и молитвъ па сагайское нарѣчіе подъ редакціею и по благословенію бійскаго епископа Макарія, посѣтившаго недавно Минусинскій округъ Енисейской губерніи.

О числѣ *податныхъ душъ* во всѣхъ 12 родахъ (чонъ) ассысской Степной Думы извѣстно слѣдующее.

1) *Белтирскій родъ*. По 10 ревизіи 1858 года числилось мужск. п. 1.892 и женск. п. 1.787. Послѣ ревизіи *прибыло* до настоящаго времени: мужск. п. 1.034 и женск. п. 863. Въ томъ числѣ податныхъ 746, изъ которыхъ 380 занимаются хлѣбопашествомъ. *Всѣхъ*: мужск. п. 2.926 и женск. п. 2.650 (итого 5.576). Дворовъ 726. Белтирскій родъ—самый многочисленный изъ всѣхъ, и податей поэтому каждый человѣкъ этого рода платитъ мало. Въ прочихъ родахъ платится податей даже до 6 руб., а въ Белтирскомъ—до 3 р. ежегодно. Этотъ родъ предполагается раздѣлить на 2 половины

2) *Ближнекаргинскій родъ*. По 10 ревизіи числилось мужск. п. 1.055 и женск. 1.015. Послѣ ревизіи прибыло мужск. п. 315 и женск. п. 320. Въ томъ числѣ податныхъ 405, изъ которыхъ 152 занимались хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 1.370 и женск. п. 1 335 (обоего пола 2.705). Дворовъ 380.

3) *Дальнекаргинскій родъ*. По 10 ревизіи: мужск. п. 171 и женск. п. 169. Послѣ ревизіи *прибыло*: мужск. п. 132 и женск. п. 46. Въ томъ числѣ податныхъ 111, изъ которыхъ 98 занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 293 и женск. п. 215 (обоего пола 508). Дворовъ 114.

4) *Изушѣрскій родъ*. По 10 ревизіи было: мужск. п. 179 и женск. п. 181. Послѣ ревезіи *прибыло*: мужск. п. 150 и женск. п. 161. Въ этомъ числѣ податныхъ 129, изъ которыхъ 127 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 329 и женск. п. 342 (обоего пола 671). Дворовъ 131.

5) *Казановскій родъ*. По 10 ревизіи числилось мужск. п. 291 и женск. п. 259. Послѣ ревизіи *прбыло*: мужск. п. 74 п женск. п. 37. Въ этомъ числѣ подат-

ныхъ 117, изъ которыхъ 44 ч. занимается хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 365 и женск. 296 (обоего пола 661). Дворовъ 162.

6) *Карачерскій родъ.* По 10 ревизіи мужск. п. 210 и женск. п. 213. *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 159 и женск. п. 157. Въ этомъ числѣ податныхъ 140 ч., изъ которыхъ 135 занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 369 и женск. п. 370 обоего пола 739). Дворовъ 191.

7) *Кивинскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 836 и женск. п. 794. Послѣ ревизіи *прибыло*: мужск. п. 280, женск. п. 275. Въ томъ числѣ податныхъ 353, изъ которыхъ 155 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 1.116 и женск. п. 1.069 (обоего пола 2.185). Дворовъ 310.

8) *Кійскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 207 и женск. п. 191, *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 66 и женск. п. 65. Въ этомъ числѣ податныхъ 83, изъ которыхъ занимаются хлѣбопашествомъ 72. Итого мужск. п. 273 и женск. п. 256 (обоего пола 529). Дворовъ 101.

9) *Койбальскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 588 и женск. п. 565. Послѣ ревизіи *убыло*: мужск. п. 18 и женск. п. 5. Въ этомъ числѣ податныхъ 259, изъ коихъ 110 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого осталось инородцевъ Койбальскаго рода: мужск. п. 570 и женск. п. 550 (обоего пола 1.120). Дворовъ 493.

10) *Кызыльскій родъ.* По 10 ревизіи числилось: мужск. п. 112 и женск. п. 111. *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 36 и женск. п. 28. Въ томъ числѣ податныхъ 45, изъ которыхъ 14 ч. занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 148 и женск. п. 139 (обоего пола 287). Дворовъ 52. Этотъ родъ самый малочисленный, и платитъ поэтому каждый изъ этого рода податей больше прочихъ родовъ.

11) *Сагайскій родъ первой половины.* По 10 ревизіи числилось мужск. п. 810 и женск. п. 776. *Причыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 160 и. женск. п. 142. Въ этомъ числѣ податныхъ 320 ч., изъ которыхъ 59 занимаются хлѣбопашествомъ. Итого мужск. п. 970 и женск. н. 918 (обоего пола 1.888). Дворовъ 545.

12) *Сагайскій родъ второй половины* По 10 ревизіи числилось всего: мужск. п. 772 и женск. п. 742. *Прибыло* послѣ ревизіи: мужск. п. 154 и женск. п. 164. Въ томъ числѣ податныхъ 301 ч., изъ которыхъ хлѣбопашествомъ занимаются только 53 ч Итого мужск. п. 926 и женск. п. 906 (обоего пола 1.832). Число дворовъ 420.

Общая численность инородцевъ аскысской Степной Думы выражается такъ:

1) По X ревизіи числилось: мужск. п. 7.123 и женск. п. 6.803 души.

2) Прибыло послѣ этой ревизіи: мужск. п. 2.550 п женск. п. 2.258, т. е. 34,52%.

3) Въ этомъ числѣ платящихъ подати 3.009 и занимающихся хлѣбопашествомъ 1.399 человѣкъ.

4) Всѣхъ инородцевъ, подвѣдомственныхъ аскысской Степной Думѣ въ настоящее время считается: мужск. п. 9.655 и женск. п. 9.046 (обоего пола 18.701).

5) Всѣхъ дворовъ 3.525.

Количество платящихъ подати составляетъ 16,08% всего населенія, а занимающихся хлѣбопашествомъ 7,48%.

Н. Ѳ. Катановъ.
С. Аскысъ. Окт. 1889 г. Чл.—сотр. И. Р. Г. Общ.

Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Въ статьѣ «Народныя пѣсни объ отравленіи змѣиномъ ядомъ» (Кіев. Стар. 1893, № 11) проф. Н. Ѳ. Сумцовъ разсматриваетъ цѣлый рядъ варіантовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ. Въ дополненіе къ нимъ мы сообщаемъ одинъ варіантъ, наиболѣе близкій къ

№№ 7 и 8 (по дѣленію г. Сумцова), записанный мною отъ крестьянки д. Вацькова Житомирскаго уѣзда (въ 10 верстахъ отъ Житомира, по Кіевскому шоссе). Пѣсня записана, по возможности, съ сохраненіемъ мѣстнаго говора, обслѣдованнаго еще мало[1]).

— Ой сербыно, сербыночку,
Сватай мѐне, панјеночку!
— Ой, якъ менѝ тебе браты,
Колы въ тебе је тры браты?
Счаруй брата ридненькаго,
Будешъ маты миленького.
Якъ же јёго счаруваты,
Якъ не вмію чаривъ даты?
— Ой, у лузи калыночка,
На калыни гадыночка,
Пидставъ, дивко, коновочку,
Накапаје зъ году сочку.
Якъ набижыть зъ гаду соку,
То счаруешъ брата свого.
Јеще братець на дорози, —
А вже чары на порози;
Јеще братецъ на граныци, —
Авже чары на полыци;
Пріихавъ у подвирья, —
Ажъ выносыть сестра вина:
— Ой, на тоби, брате, вина,
Що й я сама наварила!
— Якъ ты сама наварила,
Чомъ ты сама не выпила?
Ой, я пила выпывала
Ще й для брата оставляла.
Якъ братъ вина напывся,
Изъ коныка похилывся...
Ще брата не сховала,
До сербына лыстъ послала:
— Ой, сербыно, сербыночку,
Сватай мене, панјеночку!
— Ой, якъ мени тебе браты,
Колы вмieшъ чаруваты.
Счарувала брата свого,
А сербына—ныма чого!..

Сообщилъ **Арк. Лященко.**

Нѣсколько словъ о Куронахъ.

(Читано въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія 3 Декабря 1893 г.).

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ жмудскомъ нарѣчіи, которое принято называть Довконтовскимъ или Тельшевскимъ.

Въ недавнее время изслѣдованіемъ д-ра Биленштейна «О границахъ латышскаго племени и латышскаго языка въ настоящее время и въ 13-мъ столѣтіи» СПБ. 1892 г. установлено уже для 13-го вѣка существованіе восьми сопредѣльныхъ областей, составлявшихъ всѣ вмѣстѣ страну Куровъ—Курляндію, изъ которыхъ четыре южныя, (Duvzare, Ceclis, Megowe и Pilsaten), лежащія въ предѣлахъ нынѣшняго Тельшевскаго, частей Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ Ков. губ., приморья Балтійскаго моря въ Курляндіи и Пруссіи до Мемеля, рѣзко отдѣлены отъ четырехъ сѣверныхъ областей (Vredecuronia, Winda, Bandowe и Bihavelanc). Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Биленштейна, что причина такого раздѣленія заключалась въ различіи этнологическомъ, именно въ томъ, что въ этихъ четырехъ южныхъ областяхъ жило исключительно, или по большей части, народонаселеніе, отсутствовавшее въ четырехъ сѣверныхъ, я позволю себѣ однако возразить автору, что вмѣсто жмудиновъ вѣрнѣе считать этимъ народонаселеніемъ отдѣльное, не жмудское племя. Дѣйствительно, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что границы древней области Цеклисъ совершенно совпадаютъ съ границами говора, который вмѣстѣ съ говоромъ Мемельскимъ (область Pilsaten) и Полангенскимъ (область Megowe) представляетъ собою совершенно самостоятельную діалектическую группу со своей собственной фонетикой, морфологіей и словаремъ, заключая однако и внутри себя

---

[1]) Буква *e* обозначаетъ твердое *e—э*.

самой коекакія діалектическія особенности, легшія въ основаніе древняго областнаго дѣленія. Современное состояніе литовской діалектологіи, къ сожалѣнію, заставляетъ ограничиваться только самыми общими положеніями, такъ какъ изъ 43 мѣстностей, существующихъ доселѣ въ этихъ областяхъ со времени 13 вѣка, едва изъ 10 найдутся діалектическія записи.

Совершенно характернымъ признакомъ для этой группы является произношеніе *u* какъ *o* и *i* какъ *e*, [1]) затѣмъ отсутствіе слитныхъ дифтонговъ *ŭ* и ё, на мѣстѣ которыхъ во всей области Цеклисъ мы находимъ *ou* и *ej* (для м. Ольсядъ, гдѣ произносятъ *ŭ* какъ *u*, за старое произношеніе *ou* говоритъ сохраненіе до сихъ поръ произношенія *ej* вм. *i*, такъ какъ эти два явленія стоятъ всегда вмѣстѣ); кромѣ того замѣтно стремленіе къ несмягченію *t* и *d*, которое такъ рѣзко сказывается въ говорахъ Тельшевскомъ, Кульскомъ, Мемельскомъ и Полангенскомъ; затѣмъ нужно указать на исчезновеніе *j-ты* въ дифтонгахъ *aj*, *oj*, *ej*, неизвѣстное литовскимъ говорамъ, архаистическія формы съ носовымъ, род. ед. *a*—основъ на-as, подобно латышскому, и т. п.;—все это выдѣляетъ эту группу говоровъ не только изъ литовскаго, но и изъ жмудскаго нарѣчія. Остановлюсь немного на словарѣ этихъ говоровъ: здѣсь мы находимъ значительную примѣсь латышскихъ словъ, притомъ такихъ, которыя встрѣчаются только у Курляндскихъ латышей, представляющихъ извѣстныя черты отличія отъ своихъ Лифляндскихъ братьевъ и въ антропологическомъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Укажу напр. на слово putra (густая похлебка въ родѣ каши), на слово пшеница лит. purąj, лат. pūri; въ Полангенской пѣснѣ.

Užvojavoje Ringas mesteli
Ir iškapoje dedi vajskeli

слово iškapoje лучше объясняется изъ лат. iskopt (in Ordnung bringen), чѣмъ изъ лит. kapoti (колоть дрова); наконецъ Вы согласитесь, вѣроятно, со мной, что сочиненія Довконта легче читать съ латышскимъ, чѣмъ съ литовскимъ словаремъ.

Другія слова общи всему литовскому племени, но у латышей встрѣчаются только въ Курляндской губ.: таково слово dižs лит. didis, kacêt лит. kakti (приходить, достигать) и т. д.

Мнѣ пришлось ограничиться почти одними намеками; я хотѣлъ указать на то, что извѣстныя фонетическія явленія, общія нашей группѣ, равно какъ курляндско-латышскому и прусскому языкамъ, словарный матеріалъ, столь близко родственный тому-же курляндско-латышскому яз., даетъ намъ право выдѣлить этотъ діалектъ и разсматривать его, какъ языкъ отдѣльнаго литовскаго племени, ассимилировавшагося съ одной стороны съ латышами, съ другой съ литовцами—м. б. вслѣдствіе ихъ колонизаціи —, племени, съ городомъ Апуле, извѣстнымъ уже въ 9 вѣкѣ, названнаго м. б. Клейномъ въ грамматикѣ 1653 г. Куронами.

А. Погодинъ. 26 Ноября 1893 г.

[1]) Сравн. Латыш. Курл. ŭ +r=or, i+r=er; др. прусск. posse, konagis (Жмудско-коранское konegas).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ЖИВАЯ СТАРИНА,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества четвертый годъ свой начнетъ съ конца Января 1894 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку. Подписная цѣна за четыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписывающіеся на 4 года за разъ съ доставкою въ Петербургѣ платятъ—14 р., въ прочихъ городахъ Имперіи—15 р., за границею—16 руб.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ редакціи „Живой Старины“ (СПБ. у Чернышева моста).

ОТЪ РЕДАКЦІИ СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА.

«Сборникъ Саратовскаго Земства» имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

«Сборникъ» будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Сборникъ Саратовскаго Земства» I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ програму «Сборника». IV., Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по предкту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обозрѣніе земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими и Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растеній и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ *Н. Маклецовъ*. О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе *Н. Черненко*.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ *В. Круберъ* и др.

Приложенія; I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы коммиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля. VI. Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ. VII. Библіографія и библіотека книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. IX. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. X. Экстренныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ.

А. За «Сборникъ» безъ приложеній **4** руб. Б. За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на «Сборникъ» прибавляется: 1) за I приложеніе «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства»—журналы, доклады, отчеты проч. **2** руб., 2) за еженедѣльное V-е приложеніе **3** руб. и 3) за остальныя ежемѣсячныя приложенія **2** руб. В. За «Сборникъ» со всѣми приложеніями **9** руб.

Подписка на приложенія безъ «Сборника» не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Адресъ Редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ Предсѣдатель Губернской Земской Управы *В. Безобразовъ*.

Новый популярный журналъ

ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

„БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!"

!!НЕОБХОДИМО ВЪ КАЖДОЙ СЕМЬѢ!!

Здоровье составляетъ, безъ сомнѣнія, высшее благо человѣка въ «нашъ нервный вѣкъ». По мѣткому выраженію Фейхтерслебена «здоровье есть только житейская формула правды, добра и красоты». Здоровью и посвящается нашъ журналъ.

Какъ сохранить здоровье, какъ предотвратить все вредное для организма, какъ обращаться съ простыми заболѣваніями до прибытія врача, что дѣлать въ несчастныхъ случаяхъ, какъ воспитывать дѣтей на началахъ раціональной гигіены, какъ устроить свою жизнь, чтобы сохранить свѣжесть духа и крѣпость тѣла, равновѣсіе умственныхъ физическихъ силъ, однимъ словомъ, «какъ намъ жить чтобы здоровыми быть!»—вотъ что ставитъ себѣ цѣлью журналъ »Будьте здоровы!» и что послужитъ предметомъ подробнаго разсмотрѣнія на его страницахъ.

Девизъ журнала такимъ образомъ ясенъ изъ самаго его названія: «Будьте здоровы!» Его предполагаемая аудиторія—семья, публика въ широкомъ значеніи этого слова. Въ нашемъ журналѣ поэтому не будетъ техническихъ ученыхъ статей, сложныхъ системъ леченія, доступныхъ только спеціалистамъ. Нѣтъ, мы именно стремимся создать журналъ для семейнаго чтенія, дать рядъ популярныхъ бесѣдъ, понятныхъ каждому образованному лицу. Когда человѣкъ заболѣетъ серьезно, онъ отлично знаетъ, что ему дѣлать: онъ идетъ къ доктору и лечится по мѣрѣ силъ и возможности. Онъ часто не знаетъ, что ему дѣлать, когда онъ повидимому здоровъ, какъ повести жизнь, чтобъ сохранить это здоровье а между тѣмъ, къ сожалѣнію, зародыши опасныхъ, иногда смертельныхъ болѣзней часто возникаютъ при полномъ, казалось бы, благосостояніи организма, если только онъ поставленъ въ неблагопріятныя условія.

Указать на эти условіе и на то, какъ избѣгать ихъ, мы и ставимъ себѣ цѣлью такъ какъ опытомъ доказано, что своевременно преподанный простой гигіеническій совѣтъ во много разъ дѣйствительнѣе, нежели затѣмъ, впослѣдствіи, строго и по всѣмъ правиламъ науки проведенное леченіе.

Если наша цѣль будетъ достигнута, если задачи популярной медицины, требованія здоровья частнаго и общественнаго, условія физическаго и духовнаго благосостоянія человѣка, гигіена его жилища, одежды и пищи діэтека его труда, отдыха и удовольствія, получатъ въ журналѣ «Будьте здоровы!» надлежащее и широкое освѣщеніе, то редакція льститъ себя надеждой, что ея журналъ —первый русскій популярный журналъ такого рода—сдѣлается тѣмъ чѣмъ, онъ долженъ естественно быть,—необходимой настольной справочной книгой въ каждой семьѣ. Домашній врачъ-гигіенистъ есть лучшій совѣтникъ и другъ семьи и наше искреннее желаніе, наша дорогая цѣль—замѣнить своимъ журналомъ семьѣ этого недостающаго ей теперь друга.

А затѣмъ—«Будьте здоровы!»

Редакторъ-Издатель **Д-ръ И. И. Зарубинъ**

Журналъ «Будьте здоровы!» выходитъ съ 1 Января 1894 года 2 раза въ мѣсяцъ выпусками большаго формата съ многими рисунками и приложеніями. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою 5 руб. въ годъ и 3 рубля за полгода.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ. 3-я Рождественская улица, № 19, Подписка принимается въ конторѣ редакціи и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицы и провинціи.

Извѣстія Общества
АРХЕОЛОГІИ. ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
(1894 Г.)

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Ивѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографія;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. Ѳ. Будде, Н. Виташевскій, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцовъ. К. Б. Газенвинкель, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, Ѳ. И Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катанаевъ (Омскъ), С. И. Кедровъ, А. К Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Марть: яновъ (Минусинскъ), К. П. Медоксъ, В. А Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н Смирновъ, А. А· Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ В. М Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла кореспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:
1) **Матеріалы для этнографіи Поволжья.** Мордовско-русскій словарь **М. Е. Евсевьева.**

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 Іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшія членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета *Ѳ. Мищенко*, *И. Смирновъ*.
И. д. Секретаря *И. Смирновъ*.

О ПОДПИСКѢ на 1894 годъ

(26 годъ изданія).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1894 году **«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»** вступаетъ въ 26-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній **включено** въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ; 1891 г. **допущено** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ журналѣ **«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»** помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки (оригинальныя и переводныя); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту); ж) игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе *А. Н. Острогорскій* и *В. П. Острогорскій*.

При журналѣ **«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»** издается «ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей. Въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» помѣщается **періодическій указатель** дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ по возможности **всѣхъ вновь выходящихъ книгъ** для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ концѣ года будетъ напечатанъ **рекомендательный каталогъ** книгъ для дѣтей, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5 р.** Съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ гг. Россіи **6 р.** За границу **8 р.**

На полгода—**3** руб., на четверть года—**1** руб. **50** коп. Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: **СПБургъ, Разъѣзжая ул., д. № 3, кв. 12**, въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К°, а также и въ другихъ столичныхъ книжныхъ магаз., а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской и книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

Издатель *Я. В. Б[illegible]* Редакторъ *П. В. Голяховскій.*

Оглавленіе 12 выпусковъ «Живой Старины» за три года.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ II.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ III.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ IV.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV. Стр.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III-й.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

